КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ LXXXVIII.

1905 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская улица.
1905.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 3 марта 1905 г.

Объявленіе о конкурсѣ редакціи журнала „Кіевская Старина" на 1905-ый годъ.

Редакція журнала «Кіевская Старина» объявляетъ конкурсъ на 1905-ый годъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За лучшіе разсказы, повѣсти и поэмы, написанные по-украински, авторамъ будутъ выданы преміи: *1-ая премія—по 100 руб.* за печатный листъ въ 16 стр.; *2-ая премія—по 75 р.* за листъ; *3-ья премія—по 50 р листъ.*

2) Представляемые на конкурсъ повѣсти, разсказы и поэмы должны быть оригинальные, а не переводные и передѣланные.

3) Авторамъ предоставляется свободный выборъ темъ и сюжетовъ.

4) Срокъ представленія разсказовъ, повѣстей и поэмъ—*не позже 1-го октября 1905 года.*

5) Рукописи должны быть представлены переписанными не рукою автора и безъ имени его, а только съ девизомъ, при чемъ нужно въ запечатанномъ конвертѣ, съ надписью того же девиза, указать свой точный адресъ (имя, отчество, фамилія и почтовая станція).

Вмѣстѣ съ симъ редакція журнала «Кіевская Старина» покорнѣйше проситъ лицъ, приславшихъ свои произведенія на конкурсъ 1904 года (результаты его напечатаны въ № 1-мъ журнала за текущій годъ), и не заявившихъ до сихъ поръ, по какому адресу должны быть направлены имъ рукописи, не полу-

чившія преміи, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ прислать извѣщенія объ этомъ съ указаніемъ заглавія рукописи и девиза, такъ какъ фамиліи авторовъ сохраняются въ запечатанныхъ конвертахъ и потому редакціи не извѣстны. Удостоены были премій слѣдующія произведенія: 1) «Голота», повисть В. Винниченка (напечат. въ № 1 и 2); 2) «Пидъ минаретамы», повисть М. Коцюбинського (помѣщается въ настоящей книжкѣ); 3) «Vae victis», повисть М. Чернявського.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 88-го:

январь, февраль, мартъ, 1905 г.

Книга первая — январь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга вторая — февраль.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья — мартъ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Василій Назаровичъ Каразинъ.

(Его жизнь и общественная дѣятельность) [1]).

ГЛАВА V.

Паденіе.

(1804).

Дѣло объ эстампахъ. Дѣло о художникахъ и результатъ его для Каразина. Занятія въ комитетѣ по дѣламъ Харьковскаго университета. Отставка и удаленіе отъ дѣлъ Харьковскаго университета. Причины удаленія Каразина со сцены общественно-офиціальной дѣятельности. Проектъ освобожденія Сербіи и характеристика Каразинымъ своей дѣятельности начала 800-хъ годовъ. Связь съ университетомъ послѣ отставки. Внѣслужебныя занятія въ періодъ 1801—1804 гг. Открытіе Харьковскаго университета и отношеніе общества къ В. Н. Каразину послѣ отставки.

Въ концѣ 1803 г. или въ январѣ 1804 г. В. Н. Каразинъ купилъ у г. Аделунга, почетнаго члена Московскаго университета и многихъ иностранныхъ ученыхъ и другихъ обществъ и воспитателя великихъ князей [1]), 2477 шт. эстамповъ, за 5.000 руб., которыя заплатилъ деньгами, взятыми заимообразно изъ городской думы на нужды университета (2.000 р.), изъ пожертво-

---

[1]) См. Кіевск. Стар. № 2.

[1]) «Опытъ ист. Х. ун.» проф. Багалѣя. Письмо В. Н. Каразина отъ 31-го марта 1805 г. въ комитетъ правленія Харьковскаго университета стр. 139—140.

ванія на него купца Аникѣева (2.000 руб.), пожертвованія Донецъ-Захаржевскаго (500 руб.) и взято имъ третного жалованья адъюнкта Каретникова, выданнаго ему на проѣздъ до Харькова (416 р. 66 коп.). Подлинность эстамповъ была письменно засвидѣтельствована извѣстнымъ археологомъ Келлеромъ, хранителемъ Императорскаго кабинета эстамповъ, живописцами Лабунскимъ и Кюгельхеномъ, профессоромъ скульптуры Академіи художествъ Прокофьевымъ и др. Всѣ эти лица признали, что «собраніе это весьма рѣдкое, и въ особенности удобное служить къ изученію гравировальнаго искусства, и при томъ заключающее лучшіе образцы величайшихъ мастеровъ всѣхъ временъ сего искусства» [1]). Причина этой покупки намъ будетъ вполнѣ ясна, такъ какъ по предначертанію Харьковскаго университета В. Н. Каразина, принятому дворянствомъ 20 авг. 1802 г. и подписанному 31-го авг., въ немъ должно было быть «отдѣленіе пріятныхъ искусствъ и отдѣленіе художествъ» [2]), для котораго, имѣя оффиціальное порученіе попечителя С. О. Потоцкаго вести подготовительныя хлопоты для открытія университета, Василій Назаровичъ пріобрѣлъ рѣдкіе предметы. Когда В. Н. Каразинъ просилъ уплатить затраченныя имъ деньги, правленіе университета, стѣсненное въ матеріальныхъ средствахъ, колебалось выдать крупную сумму Каразину, счеты котораго съ университетомъ къ этому времени сильно запутались, и комитетъ никакъ не могъ ихъ распутать. Состоялось наконецъ постановленіе—выдать Каразину деньги за покупку эстамповъ (всѣ профессора были на сторонѣ его [3]); но выяснились новыя обстоятельства въ расходованіи университетскихъ суммъ [4]), и Потоцкій запретилъ выдачу денегъ. Дѣло въ томъ, что въ концѣ 1803 г. В. Н. Каразинъ доставилъ Новосильцеву 10.000 руб. университетскихъ денегъ, о чемъ представилъ и расписку почтовой конторы; но въ отчетѣ Новосильцева о расходованіи суммъ за 1803 г. значилось полученными имъ только 6.000 руб., а относительно остальныхъ 4.000 руб. была получена расписка Каразина въ полученіи ихъ обратно и истраченныхъ, вѣроятно, на многочисленныя нужды университета. Въ виду такого недочета суммъ, денегъ Каразину не выдали. Между тѣмъ городская дума настойчиво требовала отъ университета возврата выданныхъ на нужды его Каразину 2.000 р., и В. Н. Ка-

---

[1]) Журн. Мин. Нар Просв. 1872. CLIX, стр. 79.

[2]) «Русск. Стар.» 75 г. т. XIII; тоже въ протоколѣ дворянъ Молодикъ за 1844 г. стр. 252.

[3]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г. т. CLIX.

[4]) Тамъ же.

разинъ долженъ былъ расплатиться изъ собственныхъ средствъ, порядкомъ уже разстроенныхъ послѣ заклада имѣнія. Справедливъ-ли былъ приговоръ правленія университета по дѣлу эстамповъ? Н. А. Лавровскій въ статьѣ «Василій Назаровичъ Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета» склоняется къ такому мнѣнію, называя его «неисправимо-плохимъ и безнадежнымъ распорядителемъ» «вслѣдствіе патріархальной простоты въ обращеніи съ деньгами» [1]), пріобрѣтшимъ ненужныя вещи, которыя лежатъ въ продолженіе 65 лѣтъ безъ употребленія [2]), на которыя «непроизводительно» затрачены несоизмѣримыя съ ихъ достоинствами для университета деньги [3]), (основываясь на мнѣніи профессора Делавин'я и Баллю, бывшихъ экспертами по дѣлу объ эстампахъ), и все было сдѣлано для того, чтобы «ловко отдѣлаться отъ вліятельной рекомендаціи», такъ какъ «продавцами и оцѣнщиками были лица, тѣсно примыкавшія къ придворному міру» [4]). Память В. Н. Каразина освобождена уже отъ этихъ обвиненій. Проф. Д И. Багалѣй разбиралъ и отвергнулъ ихъ въ своемъ сочиненіи: «Опытъ Исторіи Харьковскаго университета» [5]). Путаница въ счетахъ дѣйствительно существовала, но она происходила *не отъ одной* патріархальной простоты Каразина въ расходованіи казенныхъ денегъ: она вызвана была, главнымъ образомъ, тѣми условіями, при которыхъ приходилось дѣйствовать Каразину—предоставленными ему обширными полномочіями, отсутствіемъ опредѣленнаго назначенія для суммъ патріотическаго фонда, постояннымъ хроническимъ запаздываніемъ при назначеніи штатныхъ денегъ, сильно тормазившимъ открытіе университета, отсутствіемъ на мѣстѣ въ Харьковѣ попечителя Потоцкаго и вызванною этимъ необходимостью сноситься по дѣламъ университета съ лицомъ, проживающимъ въ Петербургѣ и обремененнымъ множествомъ своихъ служебныхъ обязанностей... при такихъ условіяхъ трудно было ожидать аккуратнаго счетоводства». Въ томъ же сочиненіи приводится неизданное письмо В. Н. Каразина, которое, по замѣчанію Д. И. Багалѣя, могъ писать только человѣкъ, «вполнѣ убѣжденный въ своей правотѣ и въ важности оказанныхъ имъ университету услугъ». Это письмо служитъ прямымъ отвѣтомъ и какъ бы возраженіемъ Н. А. Лавровскому. «Я не имѣлъ нужды», пишетъ В. Н. Каразинъ: «въ вѣрющихъ уполномочіяхъ, кромѣ

---

1) Тамъ же I гл. II стр. 137—141, глава IV стр. 442—446 страница 84.

2) Журн. Мин. Нар. Пр. 1872. ч. CLIX, стр. 85.

3) Тамъ же стр. 71 и 86

4) Тамъ же стр. 85 и 86.

5) Тамъ I гл. II стр. 137—141; гл. IV стр. 442—446.

явныхъ и всѣмъ извѣстныхъ въ пользу университета дѣйствій и моей къ тому привязанности»... «Если иногда съ трудомъ могъ я употреблять въ расходъ суммы для сего столь великодушно его императорскимъ величествомъ назначенныя, то, не отлагая ни мало, тогда же замѣнялъ оныя своею собственностью». «Всякому извѣстно, что въ университетъ получено было болѣе, чѣмъ на 20.000 руб. всякаго рода вещей»... Въ сужденіи о непригодности къ нуждамъ университета покупки Каразина Н. А. Лавровскій ссылается на отзывъ ректора Харьковскаго университета, который заявилъ, что пріобрѣтеніе эстамповъ «издержка не совсѣмъ необходимая», но надо помнить, что В. Н. Каразинъ покупалъ вещи не для университета, по нѣмецкому образцу» устроеннаго, каковымъ онъ сдѣлался ко времени этого отзыва [1]), а для своей общеобразовательной и общеподготовительной школы, проектъ которой къ тому же былъ одобренъ и дворянствомъ, первоначально вызвавшимся и давшимъ средства устроить университетъ. Покупка В. Н. Каразина совсѣмъ не оказалась столь ненужной, какъ говоритъ Н. А. Лавровскій. «При университетѣ до 1859 г. были классы рисованія, и для нихъ гравюры давали богатый матеріалъ и при изученіи рисунка, и для мотивовъ орнамента» [2]). Также не состоятеленъ упрекъ въ непрактичности покупки, такъ какъ на основаніи показаній спеціалиста [3]) «гравюры эти особенно цѣнятся въ промышленныхъ музеяхъ, а также при Академіяхъ художествъ и въ настоящее время цѣнность подобныхъ гравюръ стоитъ, по свидѣтельству Вессели, «въ десять разъ выше того, что въ каталогахъ прошлаго столѣтія и перваго десятилѣтія настоящаго» [4]). Но обиднѣе всего, это слышать упрекъ В. Н. Каразину въ стремленіи поддержать свой престижъ «предъ лицами, тѣсно примыкавшими къ придворному міру», на счетъ университетскихъ денегъ. Онъ какъ бы предполагалъ обиду и въ скобкахъ письма въ комитетъ по поводу расходованія суммы прибавляетъ: на цѣну всему собранію эстамповъ «согласились мы съ г. Аделунгомъ послѣ продолжавшагося *многіе мѣсяцы* торгу»; трудно предположить, чтобы такъ долго торговались съ людьми, когда боятся потерять ихъ вліяніе и расположеніе.

---

[1]) Изъ сатьи Лавровскаго видно, что отзывъ Рижскаго былъ данъ послѣ 10 іюля 1805 г.

[2]) «Опытъ ист. Х. ун-та» проф. Багалѣя стр. 448—449.

[3]) Е. К. Рѣдинъ; «Опытъ ист. Х. ун.» проф. Багалѣя 442 стр.

[4]) «Опытъ ист. Х. ун.» проф. Багалѣя 448 стр.

Какъ бы то ни было разобранный случай указываетъ на безконтрольное и совершенно самостоятельное распоряженіе В. Н. Каразина университетскими суммами, что наблюдается и въ злосчастномъ случаѣ о «художникахъ», послужившемъ ближайшимъ поводомъ къ отстраненію его отъ университетскихъ дѣлъ, а вскорѣ и полной отставкѣ. Изъ письма къ Тимковскому можно заключить, что В. Н. Каразинъ еще въ концѣ 1803 г. [1]) началъ посылать въ Харьковъ партіи работниковъ-ремесленниковъ разныхъ спеціальностей для производства на мѣстѣ работъ, необходимыхъ для университета. Въ началѣ 1804 г. въ Харьковъ прибыло уже 32 семейства мастеровъ, между которыми находились чулочные фабриканты, замшенники, ткачи и кожевники. Послѣднее обстоятельство объясняется назначеніемъ, которое хотѣлъ дать выписаннымъ лицамъ Каразинъ. Посылая ихъ въ Харьковъ, онъ соблюдалъ не только интересы университета, но и *города* [2]), такъ какъ, «главнымъ предметомъ учрежденія университета было благосостояніе полуденнаго края Россіи» [3]). Такое соединеніе интересовъ университета и города Василій Назаровичъ думалъ однако произвести при помощи средствъ одного университета, что и послужило причиной долгаго и непріятнаго дѣла [4]). Каразинъ заплатилъ изъ своихъ средствъ на обзаведеніе и проѣздъ около 12.000 руб. нанятымъ имъ лицамъ, изъ которыхъ 9.000 р. должны были быть погашены работой, а 3.000 р. отдавались имъ безвозмездно. На мастеровъ Каразинъ возлагалъ большія надежды, заботясь о нихъ самымъ отеческимъ образомъ. Въ письмѣ къ Шишкину, помогавшему Тимковскому въ хозяйственной части, отъ 18-го ноября 1803 г. онъ проситъ «удовлетворить художниковъ», показать имъ всевозможное пособіе въ нанятіи квартиръ и въ первоначальномъ ихъ продовольствіи». «Въ семъ», писалъ онъ, «полагаю на Васъ, милостивый государь мой, всю мою надежду; вамъ извѣстно, сколь важно не привести въ уныніе ремесленника. Я писалъ Егору Егоровичу [5]), чтобы онъ вспомо-

---

[1]) «Кіевск. Стар.» 1891 г. т. XXXIV.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1872 г. янв. 89. Письмо къ Шишкину отъ 17 ноября 1803 г.

[3]) Письмо къ Тимковскому отъ 1-го окт. 1803 г. „Кіевск. Стар." 1891 г. т. XXXIV.

[4]) Случай съ „художниками" детальнымъ образомъ разобранъ по первоисточникамъ у Н. А. Лавровскаго въ Журн. М. Н. Пр. янв. 1872 г. 86—98 и у проф. Д. И. Багалѣя въ его „Опытѣ ист. Х. ун." т. I, гл. II стр. 141—145.

[5]) Е. Е. Урюпинъ, харьковскій городской голова.

ществовалъ вамъ всѣми мѣрами». Въ другомъ письмѣ къ Шишкину, онъ проситъ «успокоить ихъ (художниковъ) съ дороги, снабдить ихъ съѣстнымъ» и даже рекомендуетъ средство, какъ исправить одного изъ художниковъ (Марковича) отъ «невоздержаннаго поведенія». Между тѣмъ профессора и студенты еще не съѣзжались въ Харьковъ, и спеціалистамъ, способнымъ удовлетворять частные заказы дѣлать было нечего; денежныя затрудненія университета не разрѣшались, работы шли поэтому еще вяло; а прибывшіе люди требовали себѣ на содержаніе денегъ. Шишкинъ довелъ дѣло до свѣдѣнія Новосильцева, который отнесся къ министру [1]). Завадовскій отвѣтилъ [2]), что расходовать разрѣшаетъ только штатныя деньги, а такъ какъ на мастеровъ денегъ не ассигновалось, то и прекратить немедленно выдачу ихъ. Расходы на художниковъ, дѣло которыхъ лежало на совѣсти у Каразина и которыхъ онъ не могъ потому покинуть, однако продолжалось; Шишкинъ по обязанности доносилъ о томъ въ Петербургъ; разсерженный Завадовскій потребовалъ у Потоцкаго разъясненій. Послѣдній, узнавъ о случившемся, поспѣшилъ возвратиться въ Россію, и въ мартѣ 1804 г. былъ уже въ Харьковѣ [3]).—Не зная точно настроенія въ Петербургѣ и не видя особеннаго вреда въ художникахъ, «большая часть которыхъ совершенно необходима» [4]), Потоцкій 19 апр. 1804 г. представилъ дѣло о художникахъ министру народнаго просвѣщенія въ надлежащемъ свѣтѣ, хотя и упрекалъ Каразина въ «неосмотрительности» и въ несоблюденіи «правилъ», однако оправдывалъ его дѣйствія большой пользой, имѣвшейся въ виду отъ художниковъ и всѣми похвальными прочими предпріятіями Каразина. Отъ прямого заключенія Потоцкій уклонился: «всѣми такими причинами убѣждаясь, говоритъ онъ, перечисливъ выгоды предпріятія, но не преклоняясь въ пользу Каразина, я передаю это дѣло на рѣшеніе вашего сіятельства». Въ тотъ же день, какъ бы въ доказательство внутренняго признанія невиновности Каразина, предоставлено было ему, вслѣдствіе предложенія попечителя отъ 19 апр. и согласно его вызову, дѣлать заказы законтрактованнымъ имъ ремесленникамъ, а равно и разнымъ художникамъ.

---

[1]) 13 янв. 1804 г. Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1872 г. янв. 30.

[2]) 8 февр. Тамъ же.

[3]) Отпускъ Потоцкому былъ данъ по 15 марта 1804 г. «Сѣв. Пчела“ 1850 г. № 92. „Письмо Потоцкаго къ В. Н. Каразину“ за № 5.

[4]) Донесеніе министру нар. просв. 19 апр. 1804 г.

Этимъ приказомъ Потоцкій вводилъ В. Н. Каразина въ члены оффиціальнаго комитета, установленнаго 11 апрѣля изъ профессоровъ. Между послѣдними были распредѣлены обязанности, которыя несли раньше Каразинъ и Тимковскій [1]); оба послѣднія лица вошли въ составъ комитета de facto, вѣроятно съ 11-го же числа, такъ какъ 15 апр. В. Н. Каразинъ уже сносился съ Комитетомъ, «на основаніи обязанности, возложенной на него попечителемъ» [2]). О дѣятельности Каразина въ качествѣ члена комитета по дѣламъ Харьковскаго университета имѣемъ свѣдѣнія почти исключительно изъ собственноручныхъ бумагъ Каразина, поданныхъ въ комитетъ въ разное время (15 стр.—6 іюля 1804 г.) и недавно найденныхъ въ архивѣ Харьковскаго университета.

По вступленіи въ должность попечителя Харьковскаго Округа, гр. С. О. Потоцкій сообщилъ главному правленію училищъ о своемъ намѣреніи отправить для обозрѣнія Округа особаго визитатора. Правленіе вполнѣ одобрило мысль попечителя, находя, что «таковое мѣстное, личное изслѣдованіе невозможно замѣнить требованіемъ письменныхъ свѣдѣній и вообще никакими другими средствами, въ разсужденіи особливо новости нынѣшняго устройства училищной части въ имперіи» [3]). Этимъ визитаторомъ былъ, вѣроятно, В. Н. Каразинъ. 18-го мая онъ просилъ комитетъ выхлопотать у губернатора подорожную на 4 лошади, такъ какъ попечитель командировалъ его «въ разныя мѣста по слободско-украинской губерніи и сосѣдственнымъ къ оному округу принадлежащимъ губерніямъ». О полномочіяхъ, данныхъ В. Н. Каразину Потоцкимъ, свидѣтельствуетъ заявленіе перваго въ комитетъ отъ 7 мая 1804 г., гдѣ говорится, что Потоцкій поручилъ Каразину «учредить» въ богодуховскомъ уѣздѣ слободско-украинской губ. уѣзднаго и 2-хъ или 3-хъ приходскихъ училищъ. Чѣмъ кончилась *визитація* Каразина, изъ бумагъ не видно; остальные документы говорятъ только о заботахъ его по хозяйственной части университета. Въ этой области В. Н. Каразинъ входилъ въ малѣйшія подробности, старался не забыть послѣднихъ мелочей: готовились чернильницы, подсвѣчники, каѳедры, шкафы для книгъ, инструментовъ, переплетались книги, изготовлялись тюфяки для студентовъ и проч., обстанавливались лабораторіи, аудиторіи и помѣщеніе правленія университета,—однимъ словомъ, отчеты, представленные Каразинымъ комитету, свидѣтельствуютъ

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г., январь, стр. 9.

[2]) Донесеніе въ комитетъ отъ 15 апр. 1804 г. Историч. арх. Харьк. ун. Бумага не занумерована.

[3]) Рождественскій «Историческій обзоръ дѣятельности Мин. Нар. Просв.» Спб. 1902, стр. 55.

объ энергичномъ и очень внимательномъ отношеніи Каразина къ дѣлу устроенія университета, которое онъ намѣренъ былъ *совершенно закончить* къ іюлю 1804 г. [1]).

Пока Каразинъ хлопоталъ въ комитетѣ, дѣло объ эстампахъ и художникахъ шло своимъ чередомъ. Донесеніе Потоцкаго было представлено Завадовскимъ на усмотрѣніе государя, «который остался очень недоволенъ» дѣйствіями Каразина, но приказалъ выдать ему затраченныя деньги «изъ суммъ, вносимыхъ отъ городскихъ приношеній» [2]). На представленіе Завадовскаго для высочайшей конфирмаціи указаннаго рѣшенія, что было 18 іюня 1804 г., Каразину, какъ расходовавшему самовольно «безъ всякаго дозволенія начальства», «въ видѣ потребныхъ работъ для университета», и «неимѣвшему на таковые расходы отъ начальства предписанія», было повелѣно «объявить строжайшій выговоръ и запретить мѣшаться въ дѣла университета» [3]), о чемъ 20 іюня министръ и увѣдомлялъ Потоцкаго. Не только Каразинъ, но и самъ Потоцкій повидимому не ожидалъ подобной развязки дѣла. Въ бумагахъ, хранящихся въ фундамент. библ. Харьк. ун-та, есть письмо, а можетъ быть и оффиціальное отношеніе, по всей вѣроятности, гр. С. О. Потоцкаго на имя В. Н. Каразина, *уполномачивающее* послѣдняго заниматься въ комитетѣ и содѣйствовать ему всѣми способами [4]). Бумага эта осталась безъ подписи вслѣдствіе

---

[1]) Донесеніе въ комитетъ отъ 23 мая 1804 года. Неизданный документъ.

[2]) Лавровскій «Журн. Мин. Н. Пр.» 1872 г. янв., стр. 9. В. Н. Каразинъ былъ въ это время въ Харьковѣ; 27-го февр. 1804 г. онъ обратился къ гр. Завадовскому съ прошеніемъ въ 6-ти мѣсячный отпускъ въ слоб.-укр. губ.; это время, какъ видно изъ прошенія, онъ намѣревался употребить на хлопоты по университету, хотя причиной выставлялъ разстроенное здоровье свое. Въ виду стѣснительныхъ своихъ матеріальныхъ обстоятельствъ, Каразинъ просилъ жалованье, получаемое имъ, какъ правителемъ дѣлъ главнаго правленія, пересылать въ слоб.-укр. губ. Неиздан. матеріалы, извлечен. изъ архива Мин. Нар. Просв. проф. Д. И. Багалѣемъ.

[3]) Лавровскій. Ж. Мин. Нар. Пр. зъ 1872 г., январь. стр. 9.

[4]) «М. Г. мой Василій Назаріевичъ! Увольненіе ваше въ отпускъ отъ дѣлъ главнаго правленія училищъ представляетъ мнѣ вожделѣнный случай, при учрежденіи мною комитета правленія по дѣламъ Харьковскаго университета, просить васъ симъ, М. Г. мой, по извѣстности вамъ всего, что доселѣ происходило въ главномъ правленіи училищъ, споспѣшествовать комитету во всѣхъ случаяхъ, гдѣ вы заблагоразсудите дать ему свои замѣчанія о происходившемъ или сообщить свои мысли о мѣрахъ касательно распоряженій на будущее,

полученнаго, можетъ быть, отношенія министра съ приказаніемъ удалить отъ дѣлъ университета В. Н. Каразина. Неизвѣстно, когда пришло въ Харьковъ предписаніе Завадовскаго, но донесенія Каразина въ комитетъ свидѣтельствуютъ, что 6 іюля В. Н. отправлялся въ Петербургъ. 5 іюля Каразинъ представилъ въ даръ университету «собраніе моделей» и «собраніе книгъ и диссертацій» [1]). Бумага, при которой препровождались подарки, написанныя самимъ В. Н. Каразинымъ, заставляетъ предполагать, что онъ уже зналъ о постигшей его непріятности [2]). 6-го іюля Каразинъ отдалъ отчетъ комитету о послѣднихъ своихъ дѣйствіяхъ, высказалъ нѣсколько неисполненныхъ плановъ, которые хотѣлось бы ему видѣть осуществленными, и отправился въ Петербургъ. В. Н. надѣялся, можетъ быть, на то, что онъ будетъ въ состояніи повернуть обратно колесо фортуны, но было уже поздно: своего единственнаго защитника, государя, онъ потерялъ, а враги не хотѣли помогать ему. 11-го августа 1804 г. В. Н. Каразинъ подалъ прошеніе на высочайшее имя объ увольненіи отъ службы по разстроенному здоровью съ просьбой наградить его слѣдующимъ чиномъ за выслугу лѣтъ (3 года съ мѣсяцами), согласно манифесту 18 февр. 1762 года. Подъ поданнымъ прошеніемъ былъ написанъ указъ государя сенату уволить «правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ отъ должности, коллежскаго совѣтника Каразина, съ пожалованіемъ ему чина статскаго совѣтника [3]). О причинахъ отставки формуляръ Каразина молчитъ,

---

удѣляя на сіе нѣсколько отъ времени пребываній вашихъ въ Харьковѣ. Тѣмъ болѣе побуждаюсь къ сей просьбѣ, что мнѣ извѣстно усердіе, съ каковымъ содѣйствовали вы къ учрежденію университета, и что я увѣренъ въ расположеніи вашемъ способствовать и впредь ко благу сего заведенія. Іюля 15 дня 1804 г. Харьковъ. Его высокоблагородію г-ну правит. главн. правл. уч. кол. сов. и кав. В. Н. Каразину.

[1]) Между послѣдними сочиненіе о мунгалахъ, на что ссылается Н. А. Лавровскій въ статьѣ «В Н. Каразинъ и основ. Харьк. ун-та».

[2]) Донесеніе въ комитетъ начинается такъ: „Принадлежа Харьковскому университету, такъ какъ я ему принадлежу, непростительно было бы давать на замѣчаніе его начальства какое либо свое ему приношеніе. И нынѣ представилъ бы я безмолвно въ библіотеку его маловажное при семъ подносимое собраніе моделей“... „если бъ не нужно было донести высокопочтенному комитету, что я желалъ бы“... (чтобы коллекціи остались нетронутыми до пріѣзда Каразина изъ Петербурга). Донесеніе по дѣламъ Х. ун-та ст. сов. Каразина отъ 5 іюля 1804 г.

[3]) Изъ неизданныхъ бумагъ, извлеченныхъ проф. Д. И. Багалѣемъ изъ архива Минист. Нар. Просв.

видитъ лишь слѣдующую фразу: «Продолжая дѣятельно участвовать въ устроеніи всего принадлежащаго къ упомянутому Харьковскому университету, по необходимости въ художникахъ въ гор. Харьковѣ, доставилъ туда тридцать два семейства мастеровъ на собственномъ иждивеніи (хотя впослѣдствіи по особенной высочайшей милости, употребленная имъ на то сумма 12.200 р. была ему возвращена»). Отставленъ съ награжденіемъ чина статскаго совѣтника 27 авг. 1804 года» [1]).

Мы уже пытались въ началѣ разбора дѣла о художникахъ дать оцѣнку дѣйствіямъ В. Н. Каразина. Основанія въ донесеніи Завадовскаго, конечно, несправедливы: «дозволеніе отъ начальства» было дано Каразину 2 раза письмомъ Потоцкаго при отъѣздѣ заграницу и назначеніемъ его членомъ *комитета*; что же касается самого Завадовскаго, то онъ не могъ не знать о назначеніи Каразина членомъ комитета, а о довѣренности Потоцкаго онъ ничего не зналъ, какъ это видно изъ отношенія его къ Новосильцеву отъ 8-го февр. 1804 г.: «о довѣренности попечителя я не вѣдалъ»—писалъ онъ [2]) и воспользовался только случаемъ развязаться съ безпокойнымъ человѣкомъ, представивъ дѣло государю въ сгущенныхъ краскахъ [3]). Поведеніе Потоцкаго не совсѣмъ открытое. 19 апрѣля онъ поручилъ Каразину заботы о художникахъ, а, пріѣхавъ въ Петербургъ и видя непріязнь къ нему министра въ бумагѣ комитету отъ 4 іюня, признаетъ ни съ того ни съ сего порученіе, данное Каразину, «за ненужное». Въ этой же бумагѣ онъ дѣлаетъ въ лицѣ комитета Каразину выговоръ за то, что тотъ по порученію комитета хлопоталъ предъ губернаторами о приглашеніи въ университетъ молодыхъ людей, такъ какъ Каразинъ де былъ назначенъ только какъ «le membre consultant» для доставленія комитету свѣдѣній о томъ, что сдѣлано во время его (Потоцкаго) отсутствія, но, въ наставленіи комитету Потоцкій предоставилъ Каразину право «сообщать свои мысли о мѣрахъ касательно распоряженій на будущее время» [4]), и въ этомъ случаѣ Каразинъ уже не является только membre consultant.

---

[1]) Копія съ формул. списка 1830 года. Патентъ на чинъ статскаго совѣтника былъ данъ 26 сент. 1804 г. за личною подписью имп. Александра I и кн. А. Чарторижскаго. Копія съ него хранится въ Архивѣ Харьк. Двор. Деп. Собранія въ дѣлѣ по внес. въ дв. род. кн. за 1828 г. № 32, листъ 4-й.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 г. январь, стр. 90.

[3]) См. докладъ Завадовскаго, тамъ же, стр. 91—92.

[4]) Изъ Историч. Арх. Харьк. ун-та. Документъ незанумерованъ. См. также Ж. М. Н. Пр. 1872, янв., 95 стр.

Виноватъ Василій Назаровичъ развѣ только тѣмъ, что не сообразовалъ свои обширные планы съ планами тѣхъ, кто поручалъ дѣлать ему расходы.

Случай съ художниками назвали мы *ближайшимъ поводомъ* къ отставкѣ Василія Назаровича—и не случайно. Ничего ужаснаго и особенно вреднаго дѣло не представляло; это можно видѣть и изъ донесеній Потоцкаго, указывавшаго на необходимость большей части ремесленниковъ, изъ постановленія государя, признавшаго справедливымъ уплатить деньги Василію Назаровичу и отставившаго его отъ дѣлъ съ повышеніемъ чина. Слѣдовательно, не это обстоятельство было *причиной* удаленія Каразина отъ дѣлъ.

В. Анастасевичъ, упоминая вскользь о счетахъ съ университетомъ, полагалъ главной, если не единственной, причиной удаленіе Каразина дѣло Надаржинской, въ которомъ тотъ принималъ столь горячее участіе, и увозъ кадета Кондратьева изъ Петербурга: «враги Василія Назаровича могли внушить государю, что въ самомъ дѣлѣ цѣль его была корысть, а не страсть душевная къ сей черезъ него дѣло выигравшей дѣвицѣ» Но изъ хронологическихъ данныхъ видно, что указанныя происшествія были задолго до отставки Каразина и, слѣдовательно, могли имѣть вліяніе только косвенное. Дѣло Надаржинской кончилось до авг. 1802 г., а отставка—27 авг. 1804 г.; согласно запискамъ Державина, справедливость рѣшенія засвидѣтельствована и самимъ Державинымъ, и Зубовымъ, и государемъ, подписавшимъ указъ Сенату. Почему бы государю быть недовольнымъ на Каразина за то, что онъ хлопоталъ за правое дѣло? Что увозъ кадета былъ причиной отставки Каразина, это намъ кажется вовсе невѣроятнымъ. За то стоитъ и самая незначительность проступка, и собственноручное письмо къ Каразину государя (еще въ февралѣ 1803 г.) вмѣстѣ съ выговоромъ, заключающее и прощеніе. Но что Державинъ и другіе могли чернить Каразина во мнѣніи государя тѣмъ или инымъ способомъ—весьма возможно; самъ Каразинъ догадывался о томъ, упоминая въ письмѣ 8-го авг. 1802 г. къ государю о клеветѣ, «очернившей его». Г. П. Данилевскій того мнѣнія, что «Каразинъ самъ своею заносчивостью испортилъ свою дорогу, что при этой заносчивости и незнаніи чуждой ему почвы, самой небольшой интриги враговъ достаточно было, чтобы смять его и выставить предъ государемъ въ самомъ черномъ видѣ» [1]). Н. А. Лавровскій думалъ, что «наибольшая»

---

[1]) «Украинская Старина Г. П. Данилевскаго», стр. 111. Ярославскій и Чириковъ тоже пріурочиваютъ отставку Каразина къ дѣлу Надаржинской.

причина удаленія Каразина «заключалась въ немъ самомъ, въ его заносчивости и самонадѣянности; также въ недостаточномъ знаніи жизни и людей—качествахъ, дѣлавшихъ невыносимымъ его значеніе при Дворѣ и его вліяніе на ходъ тогдашней высшей администраціи. При отсутствіи этихъ чертъ характера и, слѣдовательно, при болѣе благонадежномъ положеніи при Дворѣ, промахи въ распоряженіяхъ по Харьковскому университету легко могли и не обратить на себя столь строгаго вниманія и не повлечь за собой столь рѣшительныхъ мѣръ. Совершенно справедливо замѣчаніе, что на судьбу В. Н. Каразина имѣло большое значеніе ненадежное положеніе его при Дворѣ, а не самыя ошибки, что причины этой ненадежности коренились въ характерѣ его, въ его «самонадѣянности», но нельзя согласиться съ «заносчивостью» Каразина. Мы не считаемъ справедливымъ отнести нѣкоторыя рѣзкости его по отношенію къ министрамъ и даже государю къ «заносчивости» характера; Василіемъ Назаровичемъ скорѣе руководила самонадѣянность», основанная на правотѣ своихъ дѣйствій, его увѣренность, что всегда найдутся люди поддержать его «правду» [1]), которую онъ никому не стѣснялся высказывать; это не заносчивость, а точнѣе «нетактичность», выражаясь современнымъ языкомъ [2]). Въ самонадѣянности, но въ «неопытной», а не въ *ошибочной*, признавался и самъ Василій Назаровичъ: «Да, говорилъ онъ съ грустною улыбкой въ концѣ своей жизни: «я былъ неопытно самонадѣянъ. Я былъ бабочкой, опалившей себѣ крылья и зрѣніе въ сферѣ, куда мнѣ, скромному труженику науки, не слѣдовало залетать» [3]). Неосторожность Каразина также имѣла мѣсто въ его характерѣ [4]). Итакъ, одна важная причина—

---

[1]) См. письмо къ Тимковскому отъ 1-го окт. 1803 г. Кіев. Стар. 1891 г. т. XXXIV; письма къ Государю за весь 1803 г. Русск. Стар. 1875 г. т. XIII, XVI и др.

[2]) Примѣромъ такой нетактичности можетъ служить неосторожность Василія Назаровича въ отзывѣ о Завадовскомъ—что де последній *носитъ* Государю имъ обработанныя бумаги (Анастасевичъ и Данилевскій).

[3]) «Украинская Старина». Подробное свѣдѣніе находимъ и въ запискѣ Анастасевича. Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ говоритъ, что его отецъ никогда не могъ говорить подобныхъ словъ; но подобное заключеніе голословно. (См. Сѣв. Пч. за 1860 г. № 92 прим. Ф. В. Каразина). См. также письмо В. Н. Каразина къ государю въ Русск. Стар. 1903 г., апр., стр. 9—10, прим. 2.

[4]) Анастасевичъ приводитъ со словъ Языкова такой фактъ. Императоръ Александръ I поручилъ Каразину «написать статью по части законодательства съ тѣмъ, чтобы до времени не говорить о ней. Ва-

это самъ Василій Назаровичъ Каразинъ. «Основной чертой его характера, говоритъ проф. Д. И. Багалѣй является страстность, несдержанность, порывистость. Не даромъ современники называли его tête chaude (горячей головой [1]). Это объясняется его происхожденіемъ и наслѣдственностью: въ его жилахъ текла южная горячая кровь [2]). «Причины охлажденія къ Каразину императора,—даетъ г. Я. В. Абрамовъ наиболѣе полное объясненіе,—крылись какъ въ характерѣ самого Каразина, такъ и въ характерѣ Александра I, и наконецъ, въ положеніи Василія Назаровича среди лицъ, окружавшихъ Александра I, въ эту эпоху» [3]). Дѣйствительно, непостоянство этого государя ни для кого не тайна. «Первые годы своего царствованія, Александръ былъ окруженъ тѣснымъ кружкомъ, состоявшимъ изъ Строганова, Новосильцева, Чарторыжскаго и Кочубея. Отношенія его къ этимъ лицамъ—отношенія близкой тѣсной дружбы. Но проходитъ нѣсколько лѣтъ--и послѣ Тильзитскаго мира названныя лица сходятъ со сцены. Наступаетъ очередь Сперанскаго; онъ не только министръ, но и другъ Александра I. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ Сперанскій не только падаетъ, но и попадаетъ въ ссылку. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ другихъ лицъ, дѣло доходитъ до мистиковъ и наконецъ до Аракчеева, Фотія и Магницкаго» [4]). Привязанность Александра

силій Назаровичъ не утерпѣлъ и прочелъ ее Державину, забывъ предупрежденіе его о секретѣ статьи. Когда Державинъ былъ съ докладомъ у государя и тотъ показалъ ему статью съ предложеніемъ дать отзывъ, Державинъ отвѣтилъ, что уже читалъ ее. Государь спросилъ—у кого, и неосторожность Каразина раскрылась. «Записка В. Н. Каразина» Чтенія 61 т. I стр. 199.

[1]) Собственное замѣчаніе о себѣ В. Н. Каразина въ запискѣ кн. А. А. Чарторыжскому отъ 27 ноября 1804 г. Рус. Стар. 1871 г. т III, стр. 710.

[2]) Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина «Записки Харьков. универс. 1893 г. т. I, стр. 28.

[3]) В. Н. Каразинъ, его жизнь и общественная дѣятельность. «Спб. 1901 г. стр. 48.

[4]) Абрамовъ «В. Н. Каразинъ». Стр. 49. «Александръ (Русск. Старина 1899 г. авг. 403 стр. «Императоръ Александръ I (его характеристика по сочиненію Шильдера т. II) умѣлъ проникнуть въ сердце человѣка и, подмѣтивъ его особенности, выказывалъ сочувствіе имъ, какъ бы находя горячій отголосокъ имъ въ своемъ сердцѣ. Этимъ онъ окончательно влюблялъ въ себя. Именно это выраженіе «влюблялъ» должно быть примѣнено къ опредѣленію чувствъ, которыя онъ пробуждалъ въ Лагарпѣ, Каразинѣ, Парротѣ и многихъ другихъ. Когда же почему-либо онъ переставалъ интересоваться ими, то

Павловича не могла быть, такимъ образомъ, прочной, и какъ внезапно появилась, такъ внезапно и исчезала. В. Н. Каразинъ лишился своей единственной поддержки, на которую возлагалъ свои надежды. «Противъ Каразина дѣйствовала интрига», повторяетъ Я. В. Абрамовъ мысль перваго біографа Г. П. Данилевскаго. Предположеніе это имѣетъ большую вѣроятность. «Близость къ государю никому почти неизвѣстнаго «новаго» человѣка не могла понравиться «неразлучнымъ» государя Чарторыжскому, Новосильцеву, Строганову и Кочубею, хотя нѣкоторыя изъ этихъ лицъ, какъ напр. Чарторыжскій и, въ особенности, Новосильцевъ, относились весьма сочувственно къ Василію Назаровичу въ университетскомъ дѣлѣ. Но въ особенности появленіе на сценѣ Каразина произвело непріятное впечатлѣніе на стариковъ Екатерининскихъ временъ, такъ рѣзко выразившихъ ему свою непріязнь, Державина и Завадовскаго, которымъ хотѣлось жить покойнѣе и степеннѣе, чѣмъ это требовалъ Василій Назаровичъ со своими планами и кипучей жаждой дѣятельности, которымъ онъ, какъ назойливая муха, страшно надоѣдалъ и побуждалъ къ болѣе живой дѣятельности, и вліянія котораго на государя они очень боялись, предполагая, а можетъ быть и навѣрное зная о правдивыхъ запискахъ къ послѣднему, направленныхъ противъ нихъ [1]). Сюда присоединялись и такіе мелкіе счеты, какъ, напр., желаніе Завадовскаго освободить мѣсто «правителя дѣлъ главн. правл. училищъ» для воспитателя его дѣтей Мартынова [2]), акад. Фуса, нелюбившаго Каразина за противорѣчіе въ мнѣніяхъ объ университетахъ и постановкѣ народнаго образованія въ Россіи. Надо замѣтить, что этотъ самый Фусъ сильно повредившій Василію Назаровичу впослѣдствіи, попалъ въ члены сперва коммиссіи,

---

отношеніе къ нимъ круто измѣнилось. Такъ, Каразинъ по малѣйшему подозрѣнію былъ схваченъ и посаженъ въ Шлиссельбугскую крѣпость, а пока выяснилась его полная невинность, онъ цѣлые 6 мѣсяц. провелъ въ мрачномъ казематѣ».

[1]) Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ такъ говоритъ и объясняетъ нелюбовь Державина къ его отцу: «Пѣвцу Фелицы, Екатерининскому сенатору, Александровскому министру, не могло быть слишкомъ пріятно видѣть себя поставленнымъ на одну доску съ какимъ то коллежскимъ совѣтникомъ; при томъ же онъ былъ совсѣмъ противоположнаго образа мыслей и зналъ это, находясь часто вмѣстѣ: одинъ всегда льститъ, другой говоритъ правду; не мудрено, что льстивый хотѣлъ очернить нельстиваго!» Выписки изъ „Сѣверной Пчелы“ за 1860 г.

[2]) Анастасевичъ и Фил. Вас. Каразинъ. Рус. Ст. 1875, т. XVI, стр. 474.

потомъ главнаго управленія училищъ, и получалъ за то 2000 р. въ годъ, сверхъ своего академичнаго жалованья по представительству Каразина.

Такимъ образомъ, не увозъ кадета изъ Петербурга и дѣло Надаржинской имѣло послѣдствіемъ уходъ В. Н. Каразина со сцены оффиціально-общественной дѣятельности, какъ это полагали долгое время [1]), и не непроизводительныя его траты казенныхъ денегъ, какъ думалъ Н. А. Лавровскій, а недоброжелательство къ Каразину начальствующихъ лицъ, воспользовавшихся нѣкоторыми недостатками его характера и охлажденіемъ къ нему непостояннаго императора Александра.—Въ такомъ смыслѣ понималъ свое несчастье и самъ В. Н. Каразинъ. «Личное благоволеніе ко мнѣ его величества», писалъ онъ въ 1812 г. адмиралу А. С. Шишкову,—«я разстроилъ моими неосторожностями, съ помощью, можетъ быть, моихъ недоброжелателей. *Можетъ быть* я теперь присовокупляю, ибо стою уже на 40-вомъ году жизни. Тогда я обвинялъ интригу [2])».

Василій Назаровичъ со страхомъ могъ думать о грозящей ему судьбѣ жить, можетъ быть, до самой смерти въ глуши своего разстроеннаго имѣнія, среди некультурнаго общества, ему, который сжился съ мыслью дѣйствовать на широкую руку въ Петербургѣ и у котораго было еще столько силъ и энергіи, готовыхъ оттуда излиться на благо родинѣ. Этотъ то постоянный притокъ не могъ остановиться; онъ искалъ себѣ выхода.

Въ 1804 г. сербы возстали противъ турокъ. Каразинъ получалъ письма, извѣщавшія его о томъ, что въ Сербіи готовится посольство къ императору Александру съ просьбою о заступничествѣ. Дѣйствительно, вскорѣ сербское посольство во главѣ съ Ненадовичемъ выѣхало въ Петербургъ. Проѣзжало посольство, между прочимъ, черезъ Харьковъ, гдѣ жили соотечественники сербовъ—профессора университета Стойкевичъ и Филипповичъ. Всѣ эти лица были знакомы и, вѣроятно, приглашали въ свой кружокъ Василія Назаровича, который имъ могъ быть полезенъ, какъ человѣкъ знакомый съ высшими сферами и какъ сочувствующій славянскому дѣлу. Разсказы о несчастьяхъ сербскаго народа произвели дѣйствіе на впечатлительнаго Каразина и вызвали вновь его сдержанную на время энергію. [3]) Новая отчаян-

---

[1]) Ярославскій, Анастасевичъ, Чириковъ.

[2]) Русск. Стар. 1871 г. т. IV, стр. 80.

[3]) Докладъ проф. М. С. Дринова въ засѣданіи филологическаго общества при Харьк. унив. 10 февр. 1904 г.

ная идея освѣтила Каразина; отцовская кровь закипѣла въ немъ, и 21 ноября онъ подаетъ записку кн. А. А. Чарторыжскому, въ которой предлагаетъ себя агентомъ въ Сербію для тайнаго направленія народнаго движенія въ пользу независимости этой угнетенной страны, замѣтивъ при томъ, что онъ имѣетъ гораздо больше причины не дорожить собою. «Отецъ мой», писалъ Каразинъ: «екатерининскій полковникъ, былъ употребленъ почти для такого же дѣла предъ открытіемъ главной кампаніи, окончившейся Кучукъ-Канарджійскимъ миромъ, и успѣхъ его превзошелъ ожиданія: ему по словамъ многихъ тогдашнихъ генераловъ, не мало была обязана армія Румянцева своими побѣдами. Онъ рисковалъ только своею жизнью. То же могу сдѣлать и я, имѣя при неменьшей можетъ быть отважности гораздо болѣе причинъ не дорожить моими днями; ибо рискнувши въ надеждѣ быть полезнымъ моему отечеству поставить на карту не только все мое скудное достояніе, но даже и милости лучшаго изъ монарховъ, *я проигралъ все, рѣшительно все, кромѣ несчастнаго моего вообраЖенія, которое, унося меня безпрестанно внѣ сферы обычныхъ дѣлъ, не перестанетъ, вѣроятно, никогда творить сладкія мечты*». Далѣе Каразинъ умолялъ не оставить своего ходатайства безъ удовлетворенія, находя, что отъ турецкой исторіи останется одна тѣнь въ случаѣ такой поддержки Россіи, такъ какъ весь Балканскій полуостровъ придетъ въ движеніе. Ѣхать въ Сербію онъ боялся на свой страхъ и предлагалъ, въ случаѣ неудачи миссіи, правительству право отказаться отъ нея, какъ предпринятой по собственной инціативѣ участниковъ [1]). Черезъ недѣлю Каразинъ подалъ новую записку кн. Чарторыжскому. Здѣсь онъ изложилъ *программу* дѣйствій русскаго правительства по разрѣшенію сербскаго вопроса; исполненіе программы В. Н. Каразинъ принималъ на себя. Сперва Чарторыжскій долженъ былъ представить сербскимъ депутатамъ Каразина, какъ уполномоченнаго Россіей руководителя сербскими дѣлами. Въ сопровожденіи 4 лицъ Каразинъ отправился бы съ подложными паспортами чрезъ Вѣну и Тріестъ въ Рагузу. Достигнувъ Карпатскихъ горъ, Каразинъ уничтожаетъ всѣ свои бумаги и подъ именемъ серба, возвращающагося на родину послѣ долгой службы въ Пруссіи, является въ Сербію. Тамъ онъ встрѣчается съ зна-

---

[1]) Вмѣстѣ съ Василіемъ Назаровичемъ должны были отправиться четыре добровольца, изъ которыхъ одинъ былъ бы механикъ, другой — химикъ, третій минералогъ, а четвертый—сербъ долженъ былъ играть роль секретаря при эмиссарѣ миссіи.

комыми ему депутатами и, поддерживаемый ихъ вліяніемъ, учреждаетъ временное правительство. Послѣднее отправитъ по настоянію Каразина депутацію въ Константинополь съ требованіемъ улучшенія участи сербовъ, дарованіемъ Сербіи самоуправленія, съ условіемъ платить извѣстную дань, разъ навсегда опредѣленную, и защищать Турцію отъ непріятностей. При такихъ условіяхъ незамѣтнымъ образомъ свершится полное освобожденіе Сербіи», «просвѣщеніе и неминуемое паденіе Порты будутъ къ тому содѣйствовать» [1]). Дошелъ ли проектъ о сербахъ до государя или нѣтъ—трудно сказать; повидимому, Каразину не было дано никакого заключенія на этотъ счетъ.

Въ запискѣ 21-го ноября Василій Назаровичъ указывалъ между прочимъ на разстроенность своего состоянія. Чрезъ нѣсколько дней Каразину было повелѣно императоромъ «изъяснить свое положеніе». Каразинъ составилъ бумагу, въ которой самъ характеризовалъ свои труды на пользу отечества въ періодъ 1801—1804 гг. и приписывалъ свой огромный долгъ (40000 р.) единственно рвенію своему на пользу отечества. Документъ этотъ очень интересенъ, какъ характеристика положенія Василія Назаровича Каразина тотчасъ послѣ отставки [2]). «Легко доказать», писалъ Каразинъ: «что я пріобрѣлъ долгъ, совершенно уничтожающій мою собственность въ послѣдніе годы моей службы, не расточительною однако жизнью, къ которой я не имѣю ни привычки, ни даже способностей. Несчастная увѣренность, что я могу служить Вамъ не по общимъ путямъ, увѣренность, которую поддержали во мнѣ самыя милости Ваши, устремила меня на предпріятія, далеко превышающія мое состояніе. Большая часть покушеній опрокинуты препятствіями; но изъ тѣхъ, кои имѣли предметомъ край моего рожденія,—конечно, одинъ изъ лучшихъ въ Россіи,—не всѣ остались и безуспѣшны. Въ двухъ губерніяхъ правительствомъ неожиданный энтузіазмъ къ просвѣщенію представилъ ему до 600 т. руб.; многіе молодые люди поощрены къ усовершенствованію себя въ наукахъ, художествахъ, въ г. Харьковѣ водворены 27 новыхъ ремеслъ, мысли тамошняго купечества обращены съ выгодою на полуденную торговлю, переведено съ чужихъ языковъ до 15 книгъ разнаго рода, приспособленныхъ къ общенароднымъ пользамъ края того, которыя и ждутъ только харьковской типографіи для своего изданія въ свѣтъ, и прочее. Нѣкоторые недостатки въ сихъ мѣрахъ извиняются тѣмъ, что учреждали ихъ не соревнованіе капиталистовъ, ниже мощная

---

[1]) Русск. Стар. 1871 г. т. III, стр. 701—718.

[2]) Русск. Стар. 1903 г. апрѣль 9—10.

рука правительства, но одинъ маловажный, оною поддерживаемый дворянинъ скудными своими способами. Я не называю заслугами сихъ движеній худо можетъ быть понятаго патріотизма, стыжусь также приводить на память подобные сему порывы въ другомъ родѣ, кои вы нѣкогда удостаивали самаго лестнаго имени. Не отягощаю вниманія Вашего доказательствами, что между тѣмъ и обыкновенная моя служба не потерпѣла, ибо я былъ единственнымъ письмоводцемъ по части департамента просвѣщенія, отъ самаго его, такъ сказать, зарожденія въ умѣ Вашемъ до окончанія послѣднихъ знатнѣйшихъ изъ его учрежденій безпосредственно по отставкѣ моей, на высочайшее Ваше утвержденіе поднесенныхъ. Но я долженъ признаться, всемилостивѣйшій государь, что во всѣхъ оныхъ случаяхъ дѣйствія мои сопровождала надежда, что Вы меня не оставите, если я буду въ крайности... Теперь превратное понятіе о безвинныхъ моихъ (по крайней мѣрѣ) пожертвованіяхъ общему добру, удаленіе отъ службы, вынужденное страхомъ еще худшихъ послѣдствій, ѣдкія насмѣшки эгоистовъ и послѣдняя нищета составляютъ все, что мнѣ въ удѣлъ достается. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ я лично не умѣлъ извлечь ничего болѣе изъ счастливѣйшаго моего, повидимому, положенія. Сжальтесь надо мной, государь! Предубѣжденіе, что я вамъ и отечеству могу быть полезенъ, свыше званія своего, и младенческое, можно сказать, невѣжество въ обращеніи съ разными сильными лицами—вотъ единыя вины.—Я прошу отъ васъ не наградъ или отличій, которыя иной на моемъ мѣстѣ съ лучшимъ соображеніемъ обстоятельствъ давно бы имѣлъ, но только вспомоществованія, приличнаго вашей великой и сострадательной душѣ». Для поправки своего состоянія Каразинъ просилъ у государя разрѣшенія получить изъ казны въ долгъ 25.000 руб. на безпроцентное пользованіе въ теченіе 10 лѣтъ. Прошеніе Каразина «по прочтеніи» было возвращено автору, «такъ какъ шло не общимъ путемъ» [1]).

Предложеніе и просьба В. Н. Каразина, повидимому, были отвергнуты, и онъ отправился доживать свою долгую жизнь въ родовую деревню Кручикъ. Больно было ему подумать при проѣздѣ чрезъ Харьковъ, что не ему пожинать лавры своихъ трудовъ, что некому теперь хлопотать о его дѣтищѣ и что можетъ быть еще долго будетъ напоминать объ университетѣ одна только преждевременно прибитая вывѣска. Виновникъ основанія универ-

---

[1]) Русск. Ст. 1903 г. апр., стр. 7—10, прим. 2.

ситета[1]) *долженъ былъ* не вмѣшиваться въ дѣла его съ 27 августа 1804 г. Другой вопросъ, могъ ли это сдѣлать Василій Назаровичъ; могъ ли онъ, положившій всю свою душу въ свой университетъ, выдвинутый имъ какъ авангардъ въ дѣлѣ преуспѣянія своего полуденнаго края, ради котораго онъ загубилъ свое имѣніе, лишился благоволенія «власть имущихъ» и государя (котораго такъ сильно чтилъ), ради котораго погубилъ свою небывалую блестящую карьеру? Онъ не могъ сдѣлать этого, потому что университетъ былъ учрежденіемъ роднымъ ему, вылившимся непосредственно изъ его идеи, его плановъ и дѣйствій, и всѣ передѣлки его на «нѣмецкій манеръ» [2]) не могли охладить у В. Н. Каразина любви къ своему дѣтищу. До конца своей жизни В. Н. Каразинъ заботился и, чѣмъ могъ, способствовалъ Харьковскому университету. Еще въ концѣ 1804 г. онъ прислалъ въ подарокъ Харьковскому университету электрическую машину работы «художника» Шеншина [3]); въ 1806 г. предлагалъ напечатать собственный переводъ нѣсколькихъ книгъ, и университетъ призналъ ихъ «полезными» напечатать на университетскій счетъ [4]), онъ же подарилъ и древній атласъ Птоломеевъ, состоящій изъ 40 картъ и др. Въ свою очередь, и университетъ въ лицѣ своихъ представителей не могъ не чувствовать расположенія къ В. Н. Каразину и хорошо зналъ роль Каразина при открытіи въ Харьковѣ университета. Уже 10 іюня 1805 г., профессоръ Баленъ-де Балью внесъ въ совѣтъ университета предложеніе объ избраніи Василія Назаровича почетнымъ членомъ университета; но въ это время слишкомъ свѣжо было въ Харьковѣ и Петербургѣ воспоминаніе о непріятностяхъ по дѣлу объ эстампахъ и художникахъ, прекратившемуся только въ началѣ этого мѣсяца [5]), почему предложеніе и было отклонено, какъ несвоевременное, а въ въ 1811 г. 30 авг. совѣтъ университета торжественно причислилъ Каразина къ почетнымъ членамъ Харьковскаго университета, оффиціально

---

[1]) Вопросъ о Василіи Назаровичѣ Каразинѣ, какъ объ основателѣ, рѣшенъ окончательно, начиная съ оффиціальнаго признанія въ 1811 г. совѣтомъ университета, отзывами современниковъ (Тимковскій, Роммель) и кончая спеціальными изслѣдователями (Фойгтъ, Лавровскій, Абрамовъ, Данилевскій и проф. Д. И. Багалѣй).

[2]) Фил. Вас. Каразинъ. Русск. Арх. 1894 г. т. I.

[3]) «Опытъ ист. Х. ун.» проф. Багалѣя стр. 147.

[4]) Одну въ томъ году, прочія 3 въ слѣдующемъ. «Журн. Мин. Народ. Просвѣщенія» 1842 г. янв. 101.

[5]) Проф. Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета т. I, гл. II, стр. 111—112.

признавъ его заслуги слѣдующей мотивировкой избранія: «Ad hunc virum eligendum senatus praeter eximias cognitiones, quibus excellet, etiam quodam grati animi sensu impulsus est: quia eius singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charcoviae sit constituta» [1]).

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію послѣдующей жизни Василія Назаровича, отличающейся новымъ характеромъ его дѣятельности по сравненію съ періодомъ до 1805 г., сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о его внѣслужебныхъ занятіяхъ въ періодъ оффиціально-политической дѣятельности съ 1801 по 1804 г.г. Такія занятія были; мы упоминали о нѣсколькихъ уголовныхъ разслѣдованіяхъ, секретно поручаемыхъ Василію Назаровичу государемъ (дѣло Лопухина, о братоубійствѣ), о разработкѣ имъ статута ордена св. Владиміра, учрежденнаго Екатериной II и уничтоженнаго императоромъ Павломъ (В. Н. Каразинъ рѣшилъ за полезное возстановить орденъ для отличенія «мирныхъ гражданскихъ добродѣтелей»). Есть упоминаніе о *рукописномъ* педагогическомъ журналѣ, который составилъ Каразинъ для вдовствующей императрицы Маріи Θеодоровны, «гдѣ помѣщались въ видѣ разныхъ аллегорическихъ разсказовъ мысли его о воспитаніи дѣтей [2]). Въ маѣ 1801 г. Каразинъ подалъ Д. П. Трощинскому своей проектъ о реформѣ губернскихъ и уѣздныхъ установленій. Это «мысли относительно до присутственныхъ мѣстъ». По составу своему это историко-политическое изслѣдованіе. Каразинъ въ этомъ сочиненіи провелъ мысль о необходимости установленія *избирательныхъ* должностей въ составъ гражданскаго и уголовнаго суда, и при томъ избирательныхъ въ духѣ императрицы Екатерины II («да судятся всѣ состоянія себѣ равными»);

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г. янв. 10.

Въ «*Дѣлѣ совѣта Императорскаго университета объ утвержденіи нѣкоторыхъ лицъ въ званіи почетныхъ членовъ сего университета 1811 года*» на 9 листѣ значится: «Совѣту Императорскаго Харьковскаго университета. По избранію Совѣта я утверждаю въ званіи почетныхъ членовъ сего университета: дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ: академика Фуса, академика Озерцковскаго, профессора Московскаго университета Рихтера, Директора департамента министерства просвѣщенія Мартынова, также профессора Гальскаго университета Шпронгелъ, статскаго совѣтника и академика Шторхъ, надворнаго совѣтника и академика Шерера и статскаго совѣтника Каразина. (Подпись) Г. Алексѣй Разумовскій. № 3352. С.-Петербургъ октября 22-го 1811». Архивъ Харьк. университета, дѣло совѣта за № 5.

[2]) Записки сына „Украин. Стар." 148.

члены судебныхъ учрежденій, по мнѣнію Каразина, должны избираться тѣмъ обществомъ, среди котораго имъ придется дѣйствовать [1]). «Слѣдствіемъ сей бумаги была извѣстная перемѣна въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Но предсѣдателей и совѣтниковъ все-таки оставили. Жаль разстаться (особливо, напр., съ С. или М.). У насъ такъ и бываетъ обыкновенно. Строютъ домъ да не достроютъ крыши», приписалъ В. Н. Каразинъ къ оригиналу [2]). Сфера дѣятельности Каразина оказывается и тамъ, гдѣ ея нельзя никакъ было предполагать. Изъ нѣсколькихъ писемъ Сперанскаго видно, что въ своихъ законодательныхъ работахъ, касательно крестьянскаго сословія, этотъ дѣятель пользовался услугами и совѣтами В. Н-ча [3]).

Итакъ, съ конца 1804 г. (вѣроятно въ декабрѣ мѣсяцѣ, такъ какъ 27 ноября была подана записка Чарторыжскому) Каразинъ поселился въ своемъ селѣ Кручикѣ; дѣятельность его въ теченіе 3 лѣтъ, которые сыграли такую роль въ его жизни и составили ему извѣстность [4]), прекратилась, но труды, предпринятые Каразинымъ, двигались по инерціи; тому помогали люди, сочувствовавшіе идеямъ Каразина, знавшіе и любившіе его.

---

[1]) „Чтенія въ Общ. Ист. и древ.“ 1863 г. т. III. Смѣсь, стр. 119.

[2]) Тамъ же, стр. 122.

[3]) Въ одной запискѣ Сперанскій пишетъ: „Весьма, весьма Вамъ благодаренъ; я сижу точно какъ въ туманѣ, окруженъ мыслями о законахъ, о установленіяхъ, о порядкѣ, коего тщетно въ мірѣ и головѣ моей ищу и который нахожу въ Вашихъ бумагахъ. Теперь начинаю писать наказъ. Завтра ожидаю Васъ поутру; если не застанете меня дома, прошу немного подождать: я въ $7^1/_2$ возвращусь“. На особомъ листкѣ приложенномъ къ этой запискѣ значится:

„1) о крестьянахъ { 1) обѣщаніе; 2) источники коммерціи; 3) мѣстное управленіе.

2) о государственныхъ дѣлахъ, какія есть государственныя дѣла или какіе должны быть предметы управленія совѣта“. Т. е. благодарю очень за присланную бумагу, которой я воспользовался да прошу прислать еще мысли ваши о томъ то и о томъ то. Расположеніе, которое скользитъ замѣтно въ этомъ и другихъ письмахъ Сперанскаго къ В. Н. Каразину исчезло, какъ скоро судьба В. Н-ча перемѣнилась. Харьк. Губ. Вѣд. за 1875 г., № 241: здѣсь 3 письма Сперанскаго къ Каразину.

[4]) Лавровскій 1872. янв. стр. 100. Обращаемъ также вниманіе на подчеркнутыя слова въ запискѣ о сербахъ самого Каразина.

17 января 1805 г. состоялось торжественное открытіе Харьковскаго университета. Церемоніалъ открытія былъ составленъ Василіемъ Назаровичемъ, пріурочившимъ его еще къ 1803 году. Этимъ первоначальнымъ проектомъ и воспользовался Тимковскій. «Въ основу всѣхъ почти торжествъ была положена мысль о *просвѣщеніи*, которое императоръ Александръ старался распространить среди своихъ подданныхъ» [1]). Виновника торжества не было на празднествѣ: «*упрямая судьба*» помѣшала ему порадоваться вѣнцомъ своихъ трудовъ, но всѣ знали роль его въ открытіи университета и воздали въ то время невольную дань уваженія и признательности Василію Назаровичу. Вотъ какъ характеризуетъ впечатлѣніе и благодарность общества по случаю открытія университета Василій Фотіевъ въ письмѣ къ Василію Назаровичу отъ 24 янв. 1805 г.: «17 января исполнилось наше желаніе и ревностнѣйшее попеченіе о благѣ общемъ. Великое собраніе дворянъ и гражданства изъ другихъ губерній было поражено удовольствіемъ и радостью; самые зоилы въ восторгѣ духа искали Васъ, спрашивали и признавались, что счастьемъ симъ, сверхъ всякаго счастія, Украйна Вамъ единственно обязана; тѣмъ, кои Вамъ преданы, коимъ сердечныя чувства и намѣренія Ваши извѣстнѣе прочихъ, съ восхищеніемъ благословляли Ваше имя. Итакъ, если упрямая судьба воспрепятствовала Вамъ насладиться торжественнымъ открытіемъ предпріятій Вашихъ, *яко первому виновнику*, то конечно незазорная совѣсть утѣшитъ Васъ не токмо въ послѣдующее время, но и нынѣ исполненіемъ таковаго намѣренія, которое сдѣлаетъ славу и честь отдаленному потомству» [2]). Это и подобныя ему извѣстія должны были радовать Василія Назаровича; они свидѣтельствовали, что противъ него только «упрямая судьба», что люди, дѣйствительно знавшіе его, не прервутъ съ нимъ сношенія и оцѣнятъ его по достоинству. Дѣйствительно, 1-го марта того же года Василій Назаровичъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Московскаго университета, который призналъ его таковымъ, «уваживъ отличную любовь къ наукамъ и извѣстную ученому свѣту патріотическую ревность къ распространенію отечественнаго просвѣщенія», а Михаилъ Никитичъ Муравьевъ [3]), сослуживецъ Василія Назаро-

---

[1]) Подробности открытія Харьковскаго университета и рѣчи, произнесенныя по этому поводу, мы нашли въ С.-Петербургск. Вѣдомостяхъ за 1805 г. № 17.

[2]) Сѣверн. Пчела 1860 г. № 92. Письмо 6,

[3]) М. Н. Муравьевъ, товарищъ министра нар. просв.; съ 1803 г., какъ членъ Главн. Правл. училищъ, назначенъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа (Сухомлиновъ. „Матеріалъ“ отд. II, прим. 15).

вича по главному правленію училищъ, препровождая ему упомянутый дипломъ, въ письмѣ отъ 28-го марта 1805 г. писалъ такъ: «Имѣвъ честь быть ближайшимъ свидѣтелемъ Вашей просвѣщенной ревности къ развитію полезныхъ знаній, въ отечествѣ нашемъ служащей, съ истиннымъ удовольствіемъ препровождаю при семъ Вамъ дипломъ на званіе почетнаго члена императорскаго Московскаго университета, съ должною чувствительностью и признательностью участвующаго въ благосостояніи Россіянъ, соотчичей своихъ... Примите сіе яко достовѣрнѣйшій знакъ къ Вамъ моего истиннаго почтенія» [1])... Мы цитировали упомянутыя письма, чтобы показать, что большинство общества не измѣнило своихъ отношеній къ Василію Назаровичу, что отставка, сфабрикованная въ Петербургѣ не могла очернить добраго имени Каразина, на виду у всѣхъ проводившаго свои честныя намѣренія. Переписка его со многими общественными видными дѣятелями не прекращалась до конца жизни, хотя годъ отъ году становилась рѣже [2]). Василій Назаровичъ получалъ письма даже и отъ такихъ лицъ, расположеніе которыхъ было очень сомнительно во времена его силы. Съ В. Н. Каразинымъ переписывались Державинъ, Трощинскій, Потоцкій и князь Салтыковъ [3]), графъ Кочубей, графъ Алексѣй Никитинъ [4]), князья Голицыны [5]), архіепископъ курскій и бѣлгородскій Ѳеоктистъ, О. Козодавлевъ [6]), гр. Бенкендорфъ, гр. П. Киселевъ и др. Гр. Аракчеевъ, Коновницынъ очень любезно отвѣчали ему даже изъ-за границы. Настолько была крѣпка извѣстность Василія Назаровича въ высшихъ сферахъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Харьковѣ, которую онъ самъ отчасти поддерживалъ постояннымъ ознакомленіемъ общества съ своими открытіями и изобрѣтеніями. Съ ученымъ

---

[1]) Русск. Стар. 1900 г. Апр. стр. 185.

[2]) Да это и вполнѣ естественно, съ теченіемъ времени отъ 1804 г. по 1842 г. люди, предъ глазами которыхъ Василій Назаровичъ взошелъ на высокую арену своей дѣятельности, сошли со сцены; время дѣлало свое дѣло, и заслуги Василія Назаровича позабывались мало по малу. Переписка Василія Назаровича особенно сильна была въ періодѣ его дѣятельности по филотехническому обществу (1811—1818 г.г.). Особенно въ 1811 г., т. е. тогда, когда Василій Назаровичъ снова сталъ замѣтнымъ общественнымъ дѣятелемъ.

[3]) Фельдмаршалъ.

[4]) Начальникъ южныхъ восточныхъ поселеній.

[5]) Одинъ изъ нихъ Дмитрій Голицынъ—Московскій Главнокомандующій.

[6]) Министръ внутреннихъ дѣлъ.

міромъ у Василія Назаровича была горячая переписка. Сохранились письма В. М. Каразина, члена общества любителей русской словесности, А. Прокоповичъ-Антонскаго, И. Ѳ. Тимковскаго. А. Г. Тройницкаго, Ѳ. Глинки, А. А. Палицына всегдашняго друга В. Н. Каразина и многихъ другихъ [1]). Сочувственное отношеніе общества къ опальному Василію Назаровичу успокаивало его и сообщало энергію къ истолкованію новыхъ идей и плановъ, уже роившихся въ впечатлительной его головѣ. В. Н. Каразинъ рѣшилъ обратить свой Кручикъ въ идеальную общину, ей рѣшилъ онъ дать особые лучшіе законы, судъ, просвѣщеніе и осуществить самостоятельно въ маломъ размѣрѣ тѣ идеи, которыя думалъ провести изъ Петербурга, изложивъ въ 1801 г. мечты свои имп. Александру I.

Н. Тихій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

1) Письма къ Василію Назаровичу Каразину отъ 1804 г. печатались въ „Русск. Стар.“ за 1870—1903 г.г., въ „Сѣверн. Пчелѣ“ 1860 г., нѣсколько въ „Кіевск. Стар.“ 1891 г., „Харьковск. Губ. Вѣд.“ 1875—1880 г.г. и др.

Пидъ минаретамы.

(Оповидання).

Якъ опынывся Абибула сёгодня вранци на кладовыщи, винъ и самъ не мигъ бы сказаты. Завжды въ ти дни, яки кинчалысь велыкымъ благаннямъ Аллаха, молодый дервишъ бувъ самъ не свій. Его тило наче втрачало вагу и злегка тремтило, душа ставала прозорою, мовъ вода ричкы, на дни якои бачышъ каминня, або якъ скло, що дзвеныть одъ кожного руху. Ему не хотилось сёгодня робыты, и винъ не пишовъ до шевця, а подався отакъ, навманя й забривъ на кладовыще. Злазывъ на гору, руду, спалену, вкрыту сухымъ бадиллямъ, засажену густо надгробкамы. Мынавъ сири плыты, поточени дощамы та витромъ. Полы ёго халата розвивавъ витеръ и закыдавъ на надгробкы, що стоялы сторчъ, немовъ здіймалы у гору камьяни чалмы и фезы. Здавалось, мерци пробылы тверду шкаралущу земли и посидалы поплічъ у бурьянахъ. Розбыти плыты лежалы доли, засыпани пыломъ, закыдани грузомъ, заплутани у будякы та павутыння. Камьяни головы валялысь окремо. Мармурови скрыни надъ значнымы покійныкамы, зъ пышнымы арабськымы напысамы, надъ якымы працювала фантазія поэтивъ, тежъ мертвыхъ уже, пообсыпалысь та завалылысь одъ часу. Абибула знавъ, що поле смерты, розлоге, запущене, дыке, немовъ розваленый городъ, немовъ руина руины, помагало ёму забуты землю и зняты душу у небо. Щобъ маты радисть, яку давало еднання зъ Богомъ, треба настрою. И отъ

для сёго винъ йшовъ середъ мертвыхъ, яки вже певно тишылись раемъ. Пиднявъ блидый выдъ и пидведени очи до сынёго неба и тыхо спивавъ илягы [1]).

Ахъ, колыбъ Израфилъ [2]) швыдче взявъ ёго душу, врятувавъ одъ грихивъ, одъ шкодлывыхъ багатствъ земли, одъ зазиханвя на чужу працю! На що ты дурышъ себе цимъ свитомъ? Хиба жъ можна не вмерты, хиба жъ йе спосибъ втикты одъ савану й жыття дочасного на чорній земли? Душе, зъ тобою завжды Израфилъ!.. Страшный мистъ Аль-Єыратъ — немынуча дорога намъ всимъ, та хто пройшовъ черезъ ёго—матыме вичну утиху..

Абибула йшовъ дали. Ёго жовтый халатъ летивъ за нымъ и обгортавъ надгробкы, червоный фезъ горивъ на сонци, якъ дыкый макъ, а очи блыщалы вогнемъ. Словамы писни винъ плакавъ надъ гришнымъ свитомъ, бо теперъ хаджи [3]) навить забулы дорогу честы, шейхи—своихъ батькивъ, а судди правду и справедлывисть. Ученый софта ходыть въ зневирри, народъ одкынувъ праву науку, а люде пысьменни не кращи за ёго. Ось якый жахъ пануе на нашій земли!..

Побожни писни гойдалы Абибули серце, роскрывалы якъ чашу, въ яку мала сплынуты ныни ласка Аллаха.

Бидный робитныкъ, що зазнавъ змалечку нужду та горе, що бачывъ, якъ сыльни прыгничують слабшыхъ, багати бидныхъ, и скризь пануе неправда, дывывсь на свитъ, якъ на загадку. Що все те значыть? Самъ винъ не знавъ, не мигъ сказаты, а други зъ ёго сміялысь, называлы «афу́зомъ» [4]). Вси булы певни, що зъ хлопця ничого не выйде. И справди Абибула минявъ ремиснькивъ одного на другого и все кыдавъ науку. Спочатку помагавъ батькови тесаты надгробкы, дали покынувъ, ставъ миднькомъ, а видтакъ опынывсь у шевця. Такъ сякъ скинчывъ науку, бувъ

---

[1]) Духовни писни.

[2]) Янголь смерты.

[3]) Ти, що йиздылы въ Мекку.

[4]) Юродывымъ.

уже майстромъ. Цёго було мало, ёго це невдовольняло. Ну, що кому зъ того, що вмивъ пошыть черевыкы? Що одъ того перемиңытся въ свити? Що дасть ёму? Для тила—винъ потребуе такъ небагато, для души ничого тымъ не прыдбае. Одна надія—Аллахъ, велыкый, добрый и справедлывый. Винъ тильки насытыть й загріе журлыву душу. Абибула рвався до нёго. Вступывъ у науку до видомого шейха й зробывсь дервишомъ.

Абибула выйшовъ на гору и сивъ спочыты. Пидъ ногамы въ нёго, за кладовыщемъ, лежавъ у долыни Бахчисарай. Збыта масса доживъ, камьяныхъ стинъ, черепыци, тополь и минаретивъ. Той самый хаосъ, та жъ гущына, те жъ кладовыще. Сумне, сиро-жовте поле смерты злывалось зъ моремъ дахивъ, що блыщалы й перелывалысь на сонци червоною, зеленою й сирою черепыцею, немовъ турецькый кылымъ. На высокыхъ, билыхъ стинахъ дворивъ, що ховалы одъ людського ока жинокъ, спочывалы галуззя жердель та горихивъ, або вывся по ныхъ гнучкый выноградъ. Роскишни здорови тополи, густи, ажъ чорни, высоко шумилы по-надъ дахамы, а струнки минареты, мовъ били кыпарысы, пьялысь ще выще, немовъ намагалысь переросты ихъ, немовъ купалы въ блакити неба жовтый пивмисяць. А дали, на выднокрузи, простяглысь горы, руди, спалени сонцемъ, обвіяни витромъ, сумни, мертви й безлюдни. Круглй, здорови скели лежалы на ныхъ, якъ велытенськи чалмы. Жыття клекотило внызу, въ глыбокій долыни, а тутъ стояла тыша. Тутъ було небо, тепле, блакитне, въ якому плывла и спивала душа Абибулы. Ему тутъ було радисно й добре...

Дервишъ сыдивъ такъ довго. Врешти пиднявся. Згадавъ, що Мирьемъ прохала однесты батькови чоткы, до якыхъ винъ такъ звыкъ; хапаючысь вранци въ крамныцю, винъ ихъ забувъ. Абибула обицявъ сестри це зробыты и теперъ поспишавъ, щобъ застаты батька въ крамныци, покы винъ не пишовъ до кавьярни. Абибула спустывся зъ горы.

Теперъ винъ йшовъ вузькою, покрученою вулычкою, немовъ корыдоромъ, повнымъ каминня та мягкого пылу. Зъ обохъ бокивъ здіймалысь брудни высоки стины, зъ щильно замкненымы фирткамы, зъ домамы, яки дывылысь на нёго глухымы стинамы, або чорнымы

викнамы, зъ гратамы, якъ у темныци. На частыхъ заломахъ попадалысь зграи собакъ и дитей—хлопци, зъ червоными головками, якъ сыроижкы, дивчатка въ барвныхъ халатахъ, зъ тоненькымы кискамы пидъ золотымъ фезомъ. Воны все биглы зъ кухлямы до фонтанивъ, зъ галасомъ, пыскомъ, звономъ посуды. Часомъ, пидъ билымы стинамы, тыхо просувалысь жинкы, завынени въ биле, мовъ били черныци, и раптомъ счезалы у фирткахъ, якъ прывыды. Инколы розрывалыся стины и одкрывалы вузеньки ходы, якъ шпары, въ якыхъ зъявлялысь на мыть хвыли дахивъ, зелени тополи й били минареты на тли блакитного неба. Потому зновъ йшовъ вузькый корыдоръ. Часомъ зъявлявсь несподивано у фрамузи стины фонтанъ, весь покарбованый напысамы зъ корану, облипленый весь дитворою. Дзвинко спадала вода у мидни кухли, весело дзюрчала жывымъ струмочкомъ. А дали зновъ була тыша, дывна тыша мертвого миста, въ якому домы стоялы, немовъ надгробкы, а фигуры жинокъ лякалы, якъ Лазарь, що тильки вставъ зъ гробу, завыненый ще у билый саванъ.

Посередъ вулыци тыхо ступавъ сумный дервишъ й побожно згынався до земли, щобъ пидняты зъ дорогы каминчыкъ, о якый могла бъ натрудыты ногы коняка. Сонце пекло.

Чымъ блыжче пидходывъ Абибула до вулыци, де була крамныця батька, тымъ выразнище вуха ёго ловылы гоминъ жыття. Немовъ дыка орда наступала на городъ и гвалтувала тышу стукомъ копытъ объ каминь, скрыпомъ арбъ и рыкомъ худобы. Колы жъ Абибула дійшовъ до базару, ёго оглушывъ такый клекитъ жыття, що писля тыши ставъ нестерпучымъ. Правда, винъ звыкъ до цёго, але сёгодня це розбывало настрій. Вузьку, покручену вулыцю, глыбоку й каменысту, якъ дно высхлои рички, тисныли крамныци, маленьки, темни, немовъ закопчени дымомъ печеры. Скорійшъ наметы, а нижъ будынкы. Тутъ все робылось на вулыци. Гладки «фурунджи» по пекарняхъ, въ высокыхъ фесахъ, зъ закачанымы по ликоть рукамы, мисылы прылюдно тисто, а у велыкыхъ печахъ палавъ такый вогонь, що ажъ на вулыци ставало душно. Шевци, пидобгавшы ногы пидъ себе, ледве помитни зъ-за купы товару, гаптувалы капци сриблом та зло-

томъ. Нызкы червоныхъ капцивъ, якъ стыгла перчыця, высилы на дверяхъ, а постолы, мовъ свижи перижкы, сушылысь рядкамы вздовжъ тротуаривъ. Блыщала мидна посуда, якъ золотый вивтаръ, й тремтилы пидъ молотомъ майстра нови миднычи. Прыскавъ вогонь у горни й грала вогнямы мидь.

— О-ой май-ляй ми! — верещавъ теноръ продавця масла и немовъ дряжнячысь зъ нымъ, якъ та папуга, свое товкъ рознощыкъ цукеркивъ:

— Каперле-é! каперле-é!..

Таца на голови въ нёго а не струснется.

Высилы въ яткахъ бараничи ту́ши, зъ сынымы жыламы, зъ билымъ застыглымъ саломъ, зъ роямы мухъ надъ нымы. Зъ чорнои кузни нисся пекельный стукитъ и выповнявъ повитря. Шкварчалы, пыщалы и сынымъ чадомъ курылысь смачни шашлыкы, отутъ, пидъ голымъ небомъ, биля фонтанивъ. Шмыгалы пидъ рукы, зъ стыглою морвою, мали татарчата й цвиринькалы, мовъ горобци:

— Ишкенъ дутъ! ишкенъ дутъ!..

Вси рукы залыти въ ныхъ сокомъ, якъ кровью. На зеленому сини, зъ горовыхъ полонынъ, зъ запашнымы квиткамы, лежалы стари татары у билыхъ чалмахъ й ждалы купцивъ. Духъ свижои кавы мишавсь изъ духомъ часныку. Бряжчалы филижанкы. Раптомъ витеръ знявъ хмару пылу, яка закрыла все. Все счезло. Потому, якъ изъ туману, почалы выплываты поважни муллы, въ зеленыхъ чалмахъ и въ довгыхъ халатахъ, що сунулысь тыхо по хидныкахъ, а тамъ—цили горы черешень и абрыкосивъ, помидоривъ й цыбули; слипылы очи мидни коновкы, довги, якъ сурмы, на плечахъ суворыхъ сильськыхъ татаръ, що грубымъ, сердытымъ голосомъ, немовъ дрова рубалы, хвалылы свое молоко:

— Вар-сют-вар...

Дзюрчалы десяткы фонтанивъ, лящалы та щебеталы всиляки птахы у клиткахъ по-пидъ пиддашямъ, свыстивъ стругомъ бондаръ, що тутъ, у чорній печери, повній лищыны й запаху лиса, робывъ обручи. Выхылявсь за кожнымъ разомъ зъ крамныци й купавъ на сонци свою билу бороду, червоный фезъ. Сохлы вдовжъ стинъ велыки выла и наставлялы засмалени кинци, немовъ во-

лячи рогы. Арабськы литеры повзлы по вывискахъ, наче павучи ногы. Зъ вулыци несвоимъ голосомъ клыкано спраглыхъ по лимонадъ:

— О-ой бузлы́... пекъ татлы́!..

И простягалысь у той бикъ рукы.

Зъ виконъ кавьярень стырчалы, якъ лисъ, цыбухы, и струмкы сынёго дыму повзлы, якъ зміи.

Громадськый «делля́лъ» [1]), завишаный весь дукачамы на продажъ, намагавсь усихъ перекрычаты.

Блыщала на сонци черепыця дахивъ, свитылысь викна въ мечетахъ, пашивъ нагритый каминь, горилы, якъ макы, фезы, крычалы птахы и продавци, дзвенивъ металь по кузняхъ, безперестанку дзюрчала вода, запиравъ виддыхъ у грудяхъ духъ шкуры, кавы, та часныку, брязчала посуда, шкварчавъ шашлыкъ, душывъ усихъ пылъ—и въ цёму пекли жыття, у цёму хаоси фарбъ, ліній, пахощивъ, згукивъ, у цій неможлывій тисноти—проскакувавъ часомъ, занявшы всю вулыцю, новый фаетонъ пидъ билымъ парасолемъ, зъ элегантнымы европейцямы, якъ щось чуже, негармонійне, й зныкавъ за хмарою пылу...

А въ гори, надъ тымъ бурхлывымъ моремъ, зъ высокыхъ билыхъ минаретивъ, середъ блакитного неба, лунавъ протяглый жалибный спивъ муэзинивъ: прыйдить, достойни, на поклинъ Богу, прыйдить по рятунокъ. Немае Бога, оприче Бога, и Магометъ ёго пророкъ...

Абибула ледве розгледивъ батька. Старый Сулейманъ, у билимъ халати и билимъ тахе́ [2]), такъ прытулывсь до надгробка, що ёго трудно було одризныты одъ каменя. Очи ёму вже не служылы и навить окуляры не помагалы. Проте винъ не кыдавъ своеи роботы й зигнутый, скуленый, у богомильнимъ настрои, довбавъ зъ корану святи слова. У чорній пащи крамныци стоялы рядкамы нагробни камни, розмалёвани й били, у фезахъ, чалмахъ, тюрбанахъ, немовъ тамъ зибралысь поважни гости. На ляди

1) Оповистныкъ.

2) Литня шапочка.

спавъ робитныкъ. Закынувъ голену голову, одкрывъ беззубый ротъ и простягъ боси ногы. Зсохлый, зморщеный, жовтый, винъ скыдавсь на мерця, надъ якымъ скоро буде стояты одынъ зъ надгробкивъ.

Сулейманъ дуже зрадивъ, диставшы чоткы,—безъ ныхъ винъ бувъ якъ безъ рукъ. Кынувъ роботу й почавъ оповидаты сынови останню новыну, яка вже облетила Бахчисарай: мулла Смаилъ, такый достойный, багатый, имамъ и хатйпъ [1]), прогнавъ учора едыного сына Рустема. Батько не мигъ врешти стерпиты, що сынъ бунтуе народъ проты духовенства, пыше кныжкы, въ якыхъ ни слова нема про Бога, сміется зъ давнихъ звычаивъ и навить зъ корану. А що найгирше — нанявсь въ кавьярню до эфенди Мухтара, якый зъ муллою у сварци, и зъ сёгодняшнёго ранку подае гостямъ каву.

— Кажуть, мулла Смаилъ лыхій на сына, що не хоче сватать Шерфé, хочъ батькы заминялысь вже словомъ,—сказавъ Абибула.

— Ахъ, молодь, молодь. Це жъ бейнамазъ [2]), тай годи!.. Крый Боже маты такого зятя. Велыкый Богъ,—Алла икбéръ! закинчывъ старый Сулейманъ своею любымою прыповисткою.

Бувъ саме часъ, колы Сулейманъ ходывъ на каву. Надившы чалму та взявшы въ рукы чоткы, винъ подавсь до кавьярни эфенди-Мухтара, яка була лышъ черезъ дорогу. Вже трыдцять литъ винъ що дня у такый часъ одвидувавъ іи. Абибула подавсь за батькомъ.

Кавьярня торгувала сёгодня добре. Вси хотилы на власни очи бачыты, якъ сынъ такои видомои въ мисти особы розносыть каву, мовъ простый наймытъ. Тому въ кавьярни було ажъ тисно. Хазяинъ пойихавъ у Симферопиль и гостямъ служылы Рустемъ та хлопецъ Бекиръ, тонкый, высокый и клапоухый.

---

[1]) Пипъ и проповидныкъ.

[2]) Такый, що не выповняе прыпысивъ исляму.

Рустемъ бувъ трохы блидый, хочъ удававъ веселóго. Служывъ винъ гостямъ не дуже зручно. Проте вси ёго клыкалы, коженъ намагавсь, щобъ винъ подавъ каву.

— Рустеме! намъ кавы! .

— Ха-ха!.. Рустемъ, несы до насъ!.. То мы тоби служылы, теперъ послужы намъ.

— Мы вси служымо одынъ одному, осмихався Рустемъ.

Въ кутку сыдилы якись селяне. Скромни, похмури, немовъ чужи горожанамъ. Сулейманъ вступывъ зъ нымы въ розмову. Воны оповилы, що прывезлы хорого, одержымого злымъ духомъ— «меджина». Вже пьять литъ не ходыть, зъ того саме часу, якъ мало не згоривъ на пожежи. Сёгодня на Азизи будуть молытысь дервишы, то може выблагають ёму полегкисть.

— Алла икберъ!—зитхавъ Сулейманъ и слухавъ дали.

Бекиръ задовольнывъ своихъ гостей й пидсивъ до нихъ.

— Ну, скоро пидешъ у москали? — жартувалы ти зъ ёго.

Бекиръ зацмокавъ та закрутывъ головою.

— Втечу... зароблю гроши—й гайда до Стамбулу...

Очи въ нёго спахнулы й червони вуха свитылысь на сонци.

— Ч-чортъ ёго знае!—гарячывся Бекиръ: служы у війську, колы дають «домузъ» (свыню) йисты. Розуміешъ, хытрый якый: зварыть зъ свыныны юшку, мясо дае своимъ, а юшку нашымъ: на, йижъ!.. Ч-чортъ ёго знае...

— Селя́мъ алекúмъ!—прывитавсь новый гисть.—А де Рустемъ?

— А, Джіаферъ!—радисно скрыкнувъ Рустемъ й побигъ на зустричъ.

— Такъ се правда? Ну, розсказуй, якъ було дило...

Рустемъ потягъ ёго въ кутокъ.

— Все розскажу... потому. А теперъ маю до тебе справу...

— И я до тебе въ справи. Знаешъ, Османъ зрикся граты у твоій комедіи. Якъ дизнавсь ёго батько, якый змистъ пьесы, такъ и насивъ на Османа. А той дурень злякавсь й не хоче граты.

— Ну, це байдуже, десь знайдемо другого.

— Завзялысь на насъ стари. Таке робытся, [illegible] страхъ. Воны насъ каминнямъ ладни побыты. Отъ побачышъ, що наша выстава такъ не мынется.

— Пусте... тутъ, знаешъ, могыла тильки поможе. Писля смерты старыхъ пійде все краще,—потишавъ ёго Рустемъ.—А моя справа така: сёгодня прыйихавъ зъ села одынъ вирный товарышъ. Треба черезъ нёго послаты кныжокъ. Отъ ты бъ и прынисъ, бо мени не можна кынуты службу.

— Добре. Я прынесу. А ты прыходь завтра, треба порадытысь.

Рустемъ мусивъ покынуть товарыша: нови гости вже ёго клыкалы.

Та не встыгъ винъ поставыты на стилъ филижанку, якъ хтось гукнувъ знову:

— Рустеме, тебе Айшé клыче.

Рустемъ вразъ зблидъ и филижанка затремтила въ ёго рукахъ. Здержуючысь, щобъ не побигты, винъ выйшовъ на вулыцю. Ёго небога, восьмылитня Айшé, перегнувшысь надъ важкымъ кухлемъ зъ водою, лукаво клипала до нёго очима та моргала фарбованымы бровамы. Воны зайшлы въ подвирря, и тутъ, у темному закутку, Айше дистала зпидъ ватованого халата зибганый папирець и подала Рустемови.

Рустемъ такъ хапався прочытаты, що мало ёго не роздеръ.

«Я вже чула про твою биду, Рустеме,—читавъ Рустемъ надряпане напивъ пысанымы, напивъ друкованымы литерамы. — Та не журысь. Господь мылосердный. Такъ, якъ ты зробывъ—ты зробывъ найкраще, и я твоя вирна Мирьемъ. Колы бъ ты знавъ, що ныни сталося. Батько побачывъ у мене каламаръ и перо. Такъ на мене крычавъ, що я плакала, и доси очи червони. Побывъ каламаръ и выкынувъ перо, а самъ побигъ сердытый и забувъ чоткы. Та я мовчала, хочъ добре знаю, що въ корани того не стоить, абы жинка не смила пысаты. Теперъ пышу батьковымъ перомъ. Було бъ мени, колыбъ дизнався. Твои кныжкы чытала ажъ двичы. Хочъ мени страшно (одъ твоихъ думокъ), та ты не смійся. Я хочъ не вчена, проте чую, що твоя правда. А що

ты не схотивъ браты Шерфе, то зробывъ добре. Вона сміется зъ тебе и не кохае. Сёгодня Абибула буде молытысь, а батько пойиде. Маты лягае рано. Прощай. Хай звеселыть зиръ твій Аллахъ. Твоя Мирьемъ».

Колы Рустемъ вернувъ до кавярни, щокы въ нёго горилы и все тило стало туге и легке, якъ мячъ. Гостей, якъ и перше, було багато. Старый Сулейманъ поскыдавъ капци, поклавъ ногы у билыхъ панчохахъ на софу и пахкавъ зъ довгого цыбуха. Винъ справлявъ тутъ свій кейфъ. Абибула вивъ тыху розмову зъ прыйизжымъ муллою, а въ кутку, середъ сынёго дыму, выкладавъ свои погляды гостямъ балакучый Бекиръ.

— Ч-чортъ його знае!—пызавъ винъ плечыма, и очи въ нёго горилы, а вуха свитылысь на сонци.—Ч-чортъ його знае... Пишовъ я вчора въ садокъ у ханськый палацъ, а тамъ—розуміешъ—сыдыть гяуръ на лави и обнявъ чужу жинку, наче свою... Тьху!.. погань... Ни, въ насъ цёго нема... Магометъ не веливъ... Въ Стамбули цёго вже не побачышъ, ой, ни... Отъ тильки зберу трохы грошей... Я бидный... Батько, розуміешъ, й самъ не мае що йисты... А тутъ платы й платы... Бакшишъ давай... и скризь бакшишъ. И до війска беруть... Ч-чортъ його знае...

Рустемъ дали не слухавъ.

День одійшовъ. Тривожный, неспокійный, въ ясній одежи и галаслывый. Зайшовъ за горы разомъ изъ сонцемъ — и стало тыхо. Спокійна, тыха, якъ богомильна черныця, зъявылась нычъ. Замовкла сира земля, здримнулы хаты, тополи и поле.

Сумно, безлюдно въ святому мисци—Азизи. Пышни «тюрбé»—мавзолеи самитно сиріють на поли, мижъ будякамы и грузомъ, важки, велыки, байдужи, якъ ти святи та ханы, що спочывають пидъ нымы. Чорною купою заснувъ на земли монастыръ—«теке́», а надъ нымъ стоить минаретъ, якъ билый прывыдъ. Не сплять лышь цвиркуны и фантаны та клипа очыма—зорямы небо.

Легко, мовъ тинь плывла, ступавъ по Азизи Абибула. Немовъ боявся топтаты мисце, полыте кровью святого. А може до

цёго мисця торкалась нога Аджи́деръ-меле́къ-султана, колы винъ, у давню давнину ще, нисъ свою голову по пидъ пахою та полывавъ кровью шляхъ до могылы. Коженъ разъ, колы Абибула тыхымы ночамы простувавъ у теке́ на молытву, винъ уявлявъ соби людыну безъ головы, зъ кривавымъ горломъ, а зъ пидъ пахы у неи дывылась на нёго страшнымы очыма виттята голова.

И коженъ разъ, якъ и теперъ, було ёму страшно, и середъ тыши калатало серце. Властыве, це було добре. Винъ самъ выклыкавъ ту уяву, оберигавъ тоѝ страхъ и той настрій, ворушывъ ёго немовъ болючый зубъ. Винъ хотивъ, щобъ душа въ ёго гойдалась, якъ хыбкый човенъ на мори, тремтила, якъ лыстъ на вогни, щобъ стала прозорою, легкою й могла злынуты въ небо. Такъ щиро винъ прагнувъ еднання зъ Богомъ.

Абибула пидійшовъ до теке́; ще никого не було. Скризь тыхо и темно.

Абибула ставъ пидъ тополею. Чекавъ. Дывывсь на зори и вбиравъ въ себе таемну тышу святого мисця. Ёму було такъ добре, въ голови трохы крутылось, душа сподивалась роскошивъ молытвы и трипала, якъ птыця, крыламы.

Вразъ одъ стины оддилылась била фигура.

— Ахша́мъ хаи́ръ олсу́нъ [1])!..

— Ахша́мъ...

Те «ахшамъ» брата, тыхе, якъ ничне шелестиння тополи, здалось незвычайнымъ, таемнымъ.

Де́рвишы помалу збиралысь.

Зъ мороку ночы, якъ изъ туману, выплывалы фигуры у довгыхъ халатахъ, у билыхъ чалмахъ, мовчазни и поважни.

Ахшамъ! Ахшамъ!.. шелестилы слова, якъ сухе лыстя й гынулы середъ ночы.

Въ викни теке́ блымнувъ несмилый вогныкъ.

Тыхо ступаючы, гордо пройшовъ у теке́ шейхъ [2]), высокый,

---

[1]) Добрый вечиръ.

[2]) Старшый дервишъ, игуменъ.

пышно зодягненый. Пишовъ, подывывся, и зновъ вернувъ до дому. Ни до кого не обизвався, нихто до нёго. Винъ теперъ постывъ и давъ зарикъ мовчаты.

Середъ тыши чутно було, якъ десь далеко торохтивъ визъ.

Дервишы сходылысь. Кыдалы слово—два, тыхо, пошепкы й мовклы. Дзвинко дзюрчала вода. Высоки тополи все шелестилы. Билилы въ темряви чалмы и бороды.

Пидкотывсь до теке́ визъ и ставъ. Коняка форкнула. Два чоловикы скочылы зъ воза, мовчкы пиднялы кожухъ, пидъ якымъ щось стогнало.

— Меджи́нъ... меджинъ... хтось сказавъ стыха.

Зняли слабого на рукы и понеслы у теке́. Ногы высилы въ нёго безвладно, якъ перебыти.

Зновъ стало тыхо. Уси чекалы. Абибула не зводывъ очей зъ теке́, надъ якымъ здіймавсь минаретъ, мовъ билый прывыдъ.

Та ось уси стрепенулысь. Въ викни минарета мыгнула тинь и заразъ розлигся спивъ муэзина—сумный, скрыпучый та жалибный.

Вси знялысь зъ мисця.

Въ теке́ було темно. Тильки коло миграбу [1]), де стоявъ шейхъ, горилы дви прости лямпы. Нызька, закопчена стеля, темни кылымкы на помости, неривни, колысь ще билени стины, холодне сперте повитря—скоришъ нагадувалы запущеный складъ, а нижъ димъ Божый. Ряды стоптаныхъ капцивъ, полышеныхъ биля порогу, насычалы повитря йидкымъ запахомъ поту. Люде ставалы порядкамы и прыкладалы рукы до вухъ: мы слухаемъ, Боже!.. Почалась звычайна мусульманська видправа и скоро скинчылась.

Тыхо, босымы ногамы, пидходылы дервишы до шейха, вклонялысь и сидалы доли въ кружокъ... Ногы пидъ себе, плече до плеча, у тисне, братерське коло. Абибула чувъ тепли плечи своихъ сусидивъ. Ёму здавалось що ёго тило росшырылось, зросло праворучъ и ливоручъ, ажъ генъ далеко, й тремтило, немовъ жыва каблучка. Горде облыччя въ шейха стало поважнымъ, наче застыгло. Очи спустывъ до долу, дывывсь, здавалось, на бороду.

---

[1]) Вивтарь.

Уси мовчалы. Такъ тыхо стало... Свитло прытьмарылось, и брудни стины тиснище зсунулысь. Оддаль безвладною массою лежавъ недужый.

Уси чекалы.

Раптомъ, якъ зъ одныхъ грудей, почався спивъ. Повильный, розмиреный, скучный. Слова гупалы въ писни, якъципъ на току, окреме, выразно:

— Ла-иль—Ал-ла...

Монотонно и безконечно, наче велыки дзыгари рахують хвыли:

— Ла—иль—Ал-ла...

Абибула прыжмурывъ очи. Голова въ нёго хытается въ тактъ писни и слова йдуть за словамы, немовъ верблюды въ пустыни.

— Ла—иль—Ал-ла..

На одынъ голосъ, въ тактъ, безъ перестанку, безъ передышкы. Все тижъ слова, усе той темпъ.

Такъ тягнется довго. Мынають хвыли, годыны; здается, дни цили проходять. Винъ вже не чуе ни власного голосу, ни свого тила, ни тила сусидивъ. Вси воны злылысь разомъ, въ одно суцильне тило, у одынъ спильный голосъ, якый веде писню, довгу, скучну, монотонну, немовъ машына помпуе водў, або слова хтось ныже на безконечну нызку.

— Ла-иль—Ал-ла...

Не то скучно стае Абибули, не то спаты хочется. Щось налягло на мизокъ. А проте Абибула чуе, якъ тамъ десь глыбоко, у грудяхъ, на самому дни, зерно по зерни, крапля по крапли, збирается сыла, росте, змицняется. И зновъ йдуть, якъ хвыли:

— Ла-иль—Ал-ла...

Сумно такъ стало въ теке́; блиди облыччя немовъ застыглы, а въ серци щось неспокiйне, тамъ щось ворушытся... Клубкомъ котытся въ грудяхъ, бере за горло. Хочется крыкнуть: ты одынъ, Боже, всесыльный, могучый, въ тоби вся радисть, въ тоби надiя... Ты одынъ, Боже! о Боже!..

Хтось хлыпнувъ, не здержавсь...

— Алла!..

И збудывъ назбирану сылу, всихъ знявъ на ногы.

Тремтыть въ Абибулы тило и горять вуха. Розгойдана душа рвется хвалыты Бога, тягне зъ собою тило. Щось въ нёму йе. Якась пружына. Велыка радисть. Побожный рухъ.

— Немае Бога, оприче Бога!..

Плече зъ плечемъ, зновъ тисный кругъ, братнее коло. Винокъ зъ халативъ та зъ билыхъ чалмъ. Радисно писня вырвалась зъ грудей.

Ля илля́ ге — иль Алла́-ге...
Ля илля́ ге — иль Алла́-ге...

Жыва каблучка уже хытнулась. Разъ въ той бикъ, разъ въ другый. Спочатку плавко, поволи, у тактъ, немовъ тыхи витры хытають коломъ, немовъ лагидни хвыли гойдають водни лилеи. Схыляются чалмы въ честь шейха, гойдается мозокъ якъ у колысци, душа бажае розгону й де дали зростае рухъ. Здается, витры мицніють, пидхоплюють коло. Все швыдче тай швыдче. Зростае писня... дужчае голосъ, облыччя сяють. Били халаты надулысь одъ витру и мають полы. Поклоны все глыбши, все ныжчи. Тило згынается вдвое, вьется якъ вужъ, кытыци фезивъ скачуть по чалмахъ, а слова писни злылысь у крыкъ:

— Е-ге́-лла!.. е-ге́-лла!..

Росте той крыкъ, скаче, мовъ по драбыни, все выще, якъ дыкій звиръ въ горахъ, тягне зъ собою тило, захоплюе духъ.

— Е-гге́-лла́!.. е-гге́-лла!..

Блиди облыччя скрывылысь, тило бьется у ко́рчахъ... Абибула плаче. Хлыпають други... Вже не стае сылы, знемога...

Та ось потиха. Мовъ впала зъ неба. Высокый тенорь почына писню—веселу, бадёру, ясну, якъ янголыный спивъ:

Юдже́ султа́нымъ
Дерде́ дерма́нымъ —
Шу те́нде джа́нымъ
Ху де мекъ и́стеръ-гу!..

— Гу-у!

Зъ десяткивъ грудей выхопывсь радисный покрыкъ.

— Гу-у! Одынъ! Ты одынъ, Боже, велыкый Боже, даешъ ликъ тамъ, де вже нихто помогты не здолае... Душею й тиломъ прагну сказаты, що ты одынъ! Г-у-у!..

Дыка радисть хапае за серце... Абибула чуе, якъ нови сылы, велыки, незмиряни, вилляла та писня у його члены. Воны вси скачуть, радіють, вси славлять Бога... Плыгае тило въ шаленыхъ рухахъ, хвылюють груды и скаче голова, залыта по́томъ, а кризь заплющени очи винъ бачыть небо, усе въ огняхъ. Бачыть троянды, червони гранаты, били лилеи... Горять... цвитуть... литають... Цилый дощъ квитивъ... Льють пахощи въ груды... Трудно такъ дыхать... Винъ вже не може спиваты, винъ ледве встыгае за всимы:

— Га́л-гай!.. а́й-гай!.. а́й-гай!..

Вси—одно тило, що скаженіе у рухахъ, вси—одынъ голосъ, що славыть Бога:

— Ай-гай... а́й-гай...

А писня бадёрыть, а писня льется, якъ зъ неба, весела, радисна, чыста, мовъ янголь спива́е.

Хтось плеще въ долони... Отъ хтось сміется—ха-ха!

Алла!..

Швыдче, пруткище, вси разомъ... Останнимъ духомъ... Рештковю сылъ.

Хай-хай... Жывый... жывый... Богъ жывый...

Крыкъ скаженіе, гарчыть, якъ прыбій моря, якъ лютый песъ... Бьють кытыци фезы, мотаются головы, пидплыгуе тило, танцюють передъ очыма зелени круги й хытаются стины таке́ у славу Аллаха...

— Жывый... жывый... жывый...

Охъ, яка радисть... охъ, яке счастя... Небо роскрылось... Янголивъ выдко... мають вже крыла... Ажъ плакать хочется... слёзы душать за горло...

— Ай-хай... ай-хай!..

Танцюйте, радійте!..

Море бушуе и ревуть хвыли и лизуть на берегъ, щобъ все затопыты.

Тоди простягъ шейхъ руку и однымъ згукомъ утышывъ хвыли. Вси стыхлы, спынылысь, блиди, схудли, зивьяли, мовъ тины. Вси силы. Ногы пидъ себе, плече до плеча. Знялось мижъ нымы биле рядно, й недужый, волочучы ногы, наче павукъ, пидлизъ пидъ нёго.

Ще веселище заспивавъ тенорь, ще бадёрище. Немовъ до танцю. Водыть смычкомъ по нервахъ, лоскоче серце. Ожыло тило. Розгойдане серце здійма нови хвыли, высоки, сыльни. Нема имъ впыну. Тило все скаче, якъ на пружынахъ. Абибула не може спынытысь, немае воли. Чужа якась сыла вхопыла тило, бье, крутыть, волочыть. Тило ниміе, тило знықае. Десь счезло. Духъ пиднявъ крыла, летыть й порывае...

— Аа-хай... ай-хай!..

Швыдче... ще швыдче... Гей, швыдче... До Бога... жывого... едыного Бога...

— Хай-хай!..

Мовъ съ пугы ляскае-плеще спивець у долони, жене, пидгоняе, бадёрыть, сміется. Летыть ёго писня, якъ выхорь. Росте божевилля. Плазують кругъ ряденъ тилá божевильныхъ, якъ въ перелогахъ. Ходоромъ ходять плечи и рукы, головы скачуть, страшни облыччя застыглы, якъ у мерцивъ. Клацають зубы. Крыкъ переходыть въ лементъ.

Тремтыть теке́, хвылюе свитло, скачуть по стинахъ нляканы тины й хмарка билои пары висыть надъ коломъ. Ось-ось паде́ блыскавы́ця, ось-ось ударыть гримъ, росколыть стелю и Божа сыла ввійде въ слабого.

Вона вже тутъ: хвылюе рядна, здіймае въ гору, немовъ туманы й безвладный калика стае на ногы. Вставъ, твердо ступае, выходыть зъ кола.

Вси камьяніють. Сталося чудо. Блыскучи очи, повыти млою, застыглы якъ скло.

Врешти хытнулысь... Якъ пьяни...

— Жывый!—гуркоче гримъ зъ грудей.

— Хай!.. Хай!..

Радисть велыка. Счастя. Рукы шукають обіймивъ. Хапають за плечи, за шыю. Крыкъ рвется зъ грудей. Не крыкъ, а буря.

— Алла!.. Хай-хай!..

Гарчять. Ревуть. Скрегочуть. Рыгають. Трутся лобамы. Гавкають голосно, часто:

— Гавъ... гавъ... гавъ... гавъ...

Якъ дыки звиры, якъ стадо шакаливъ.

Счезла свидомисть. Повна нестяма. Шаленисть.

И зновъ, якъ надъ бурхлывымъ моремъ, простягъ шейхъ рукы и кынувъ глухо, протягло:

— Гей-х-х-х!..

Хвыли ущухлы и стало тыхо.

Абибула пиднявъ долони и потеръ чоло, облыччя. Немовъ прокынувсь. Обвивъ всихъ зоромъ и скризь побачывъ здывовани очи.

Вси мовъ пыталы:

— Що було? Що сталось?

Потому знялы рукы до Бога и втомлени, тыхи, розбыти, зитхалы:

— А-минь, а-áминь, а-áминь...

Жалибно, ревно, якъ сплакани диты.

Видправа скинчылась.

Було вже пизно. Въ далекыхъ оселяхъ спивалы пивни. Тыха, холодна ничъ обняла землю. Билила стерня по-пидъ горою, и чорни круглі тюрбé важко вкрывалы кисткы святыхъ та ханивъ. Въ чорному неби клипалы зори.

Зновъ тыхо ступавъ Абибула по святому Азизи. Нисъ въ серци радисть, въ голови мріи... За нымъ повзлы поволи, якъ тины, гурткы дервишивъ.

Абибула навить не стямывсь, якъ опынывсь биля дому. Його вывивъ зъ задумы чудный якыйсь згукъ. Немовъ фиртка скрыпнула, чы клямка брязнула. Хто бъ то мигъ буты? Батько по-

йихавъ зъ-дому. И ривночасно побачывъ на вулыци тинь, що мыгнула пидъ муромъ и швыдко счезла. Що жъ то за знакъ?

Вдома, здается, вси спалы.

Джіаферъ сподивавсь гостей. Винъ зумысне трохы ранійше зачынывъ свою крамныцю, щобъ маты часъ усе доглянуть, бо вже пивъ-року, якъ въ ёго доми не було хазяйкы: винъ розвивсь зъ жинкою. Коженъ разъ, колы домашни клопоты потребувалы ёго увагы та забиралы у нёго часъ, Джіаферъ думавъ про свою розведену жинку, хочъ не жалкувавъ, що такъ сталося. Найбильшъ нагадувалы ёму жинку хаты, прыбрани по европейському. Тамъ, опричъ загратованыхъ виконъ, ничого не було схидънёго. Оци виденськи мебли, образы, статуэткы, такъ гостро заказани кораномъ, кныжкы и альбомы—все це недавно ще выклыкало у ныхъ незгоду. Щыра мусульманка, яка знала страхъ Божый, выхована у давнихъ звычаяхъ та забобонахъ, вона не могла выбачыть чоловикови гяурськыхъ прымхивъ, вважала ёго мало не зрадныкомъ. А винъ, купець, що разъ-у-разъ мавъ дило зъ рижнымъ народомъ, йиздывъ по чужыхъ земляхъ, побувавъ за кордономъ, захопывся блыскомъ та багатствомъ европейськои культуры, правда бильше зовнишнои, и вважавъ своимъ обовязкомъ, обовязкомъ освиченои людыны прыеднатысь до неи, або, що найменче, не цуратысь іи. Жинка не подиляла чоловиковыхъ поглядивъ и нарикала, сварылась. Колы винъ хотивъ, щобъ вона ходыла по вулыци зъ одкрытымъ лыцемъ, або щобъ показалась знаёмымъ мущынамъ, яки бувалы у ёго въ доми, вона казала, що винъ не любыть іи, що винъ ламае завиты корану та завдае ій соромъ передъ людьмы. Джіаферъ не бажавъ іи сылувать. Винъ вызнававъ за жинкою бильши права, нижъ дае ійислямъ, и тымъ тильки сердывъ свою правовирну дружыну. Рижныця въ поглядахъ та смакахъ довела врешти до того, що воны обрыдлы одно одному и мусылы розійтысь. На счастя, дитей не було въ ныхъ. Джіаферъ тоди зитхнувъ вильнище. Веселый, гостынный, винъ любывъ товарыство и скоро зибравъ биля себе гуртокъ мо-

лоди бильшъ поступовои та й одводывъ тамъ душу. Зъ Рустемомъ спрыятелювався особлыво. Выгнаный батькомъ, Рустемъ навить вкинци оселывся у його. Натура глыбока, суцильна, Рустемъ, хочъ молодшый, мавъ вплывъ на свого товарыша: той його слухавъ та мало-по-малу втягався у роботу гуртка.

Сёгодня Джіаферъ бувъ лыхый. Зъ спектаклемъ, вже зовсимъ готовымъ, щось не ладылось. Джіаферъ надававъ ёму велыку вагу, бо ця новына для Бахчисарая безперечно выклыче багато всякыхъ розмовъ, зворушыть думку, особлыве черезъ те, що малы выставляты Рустемову пьесу, въ якій зачеплено такъ багато болючыхъ сторинъ мусульманського жыття. Все вже готове, и ось теперъ несподивани перешкоды.

Проте Джіаферъ не перестававъ клопотатысь биля вечери. Въ кухни вже щось шкварчало. Винъ самъ поставывъ на стилъ свій любымый коньякъ. Винъ не крывся, що вжывае заборонeный трунокъ. Огрядна постать Джіаферова, вся въ чесучи, одкрытый румяный выдъ зъ горбатымъ носомъ, прывитна усмишка сирыхъ очей немовъ веселылы освитлену хату. Та гостей щось не було. Ну, Рустемъ—той не швыдко поверне зъ роботы, бо кавьярню замыкано пизно. Але щожъ други? Наче въ одповидь на це застукано до дверей и увійшовъ Абдураимъ, молодый мектебдаръ (народный учытель), шкильный товарышъ Рустемивъ, сухый, схорованый, жовтый, а за нымъ ще двое молодыхъ софтъ [1]).

Не встыглы гости прывитатысь зъ хазяиномъ, якъ у дверяхъ зъявывся видомый на весь городъ эфенди Мустафа, у чорній визитци, рябому лейбыку, завишаному брелёкамы, та зъ закрученымы вусыкамы на блидому выду. Тонкый, верткый, высмоктаный, винъ говорывъ якымсь надирванымъ голосомъ и безъ потребы сміявся. «Ну, чого сей прылизъ?»—скрывывся Джіаферъ, выдымо нерадый.

-- Ха-ха!—сміявсь Мустафа, и кытыця на фези въ нёго метлялась.—Дамы наши прогналы мене. Марія Петровна и Ольга

---

[1]) Софта--семинарыстъ.

Иванивна. Прыходьте, кажуть, пизнище... пидемо въ садъ... pour passer le temps... весело буде... ха-ха!..

И за кожнымъ разомъ, колы вымовлявъ зъ неможлывымъ акцентомъ французськи слова, повертавсь на вси бокы та позыравъ на прысутнихъ.

Эфенди Мустафа развалывся на стильци и заразъ почавъ росповидаты дрибни новынкы, яки займалы ёго товарыство. Винъ дуже чванывся тымъ, що бувавъ у полицмейстра, нотаря та начальныка почты, хочъ тамъ зъ ёго сміялыся та гордувалы нымъ.

Розмова чогось не клеилась.

Абдураимъ бильше мовчавъ або прытакувавъ, Джіаферъ выдымо нетерпелывывся, очикуючы Рустема, а софты уважно розглядалы альбомы.

Колы врешти показався Рустемъ, Джіаферъ зразу налетивъ на нёго.

— Знаешъ, яка непрыемнисть. Белялъ зрикся оддаты намъ шопу пидъ театръ. Послухавъ репетицію и сёгодня прынисъ свою одмову.

— Черезъ що?

— Боиться... Небезпечне, каже, дило; що люде скажуть...

— Щожъ теперъ діяты? Доведется шукаты десь инде.

Рустемъ бувъ дуже стурбованый.

— Вы такы думаете выставляты пьесу?—обизвався Абдураимъ.

— Конче. Або що?

— Я бъ не радывъ цёго робыты. Вы высміюете въ ній наше духовенство... занадто гостро ставыте жиночу справу.

— А ты думаешъ, що це шкодлыво?—глянувъ на ёго Рустемъ.

— А вже жъ шкодлыво... Нашъ народъ держытся покы що ислямомъ, слухае своихъ имамивъ и поважае ихъ. А вы хочете зруйнуваты ёго свитоглядъ, ёго виру, хочъ замисть того ничого ривноцинного не даете ёму... Народъ треба ранійшъ пидготуваты... Дайте ёму перше добрый мектебъ, видповидно новымъ педаго-

гичнымъ вымогамъ, зробить ёго пысьменнымъ, дайте коранъ на татарськiй мови, бо арабськои винъ не розумiе й черезъ це темный...

— Чекай, чекай!—захвылювався Джiаферъ.—Мектебъ—дило добре, та нымъ всёго не зробышъ... Ты кажешъ--ислямъ, коранъ. А коранъ каже, що жинка ныжча одъ мущыны, що вона тильки для нёго й сотворена, що iи можна быты... У насъ жинка въ неволи, закутана, якъ маграмóю [1]), нашымы жъ забобонамы, темна, безправна... Iи треба вывесты на шляхъ культуры, зривняты въ правахъ зъ мущыною...

Слово «культура» було любымымъ словомъ Джiафера, яке ёго трохы пьяныло, одъ якого очи въ нёго почыналы блыщаты и ёму робылося тепло.

Эфенди Мустафа вмишався въ розмову: наморщывъ чоло и оддувъ губы.

— Ще Бокль напысавъ кныжку «Про залежнисть жинкы». Жинка, каже Бокль... жинка не повынна залежаты одъ чоловика... ха-ха!.. Laissez faire, laissez passer!.. Вы подывится на нашу татарку: нигти нафарбувала, спустыла до пьятъ штаны, закуталась, якъ та копыця... Брр!.. Отъ наши дамы... Charmant!..

Винъ заскакавъ на стильци, ажъ кытыця одъ феза на ёму заметлялась и забрязчалы брелёкы.

Рустемъ поглянувъ на нёго зъ злистью.

— Милль, а не Бокль... Ничого Бокль такого не пысавъ.

— Ахъ, pardon!

— Не мектебы поможуть нашiй видсталосты, звернувся Рустемъ до Абдураима,—бо що зъ того, колы народъ чытатыме байкы про святого, якый по смерты бижыть зъ головою по пидъ пахою, а справжня наука—боротьба зъ темнотою. Муллы держать народъ въ темноти, бо имъ се выгодно... Муллы затримують поступъ, той свитлый день, що сяе вже европейськымъ народамъ. Проты ныхъ и треба боротыся... Намъ треба будыты думку... Треба показаты, якъ жывуть други народы, що воны не невирни,

---

[1]) Маграмá—жиноче покрывало.

а старши браты, треба будыты свидомисть... Бида, що насъ мало, роботы багато, а ворогивъ ще бильше... Ну, та поборемось. Будемо творыты литературу, организуваты интеллигенцію, мійську и сильську, вызволяты жинку зъ неволи... Покажимъ народови, хто ёму ворогъ, хто другъ... Отъ европейцямъ—тымъ легше: у ныхъ жинка товарышъ, помишныкъ мущыни, а въ насъ... Ну, я васъ пытаю, чы багато знайдется нашыхъ татарокъ, щобъ зважылысь прылюдно хочъ бы одкрыты лыце, або навчылысь пысаты?.. Колы я одружусь...

— Не зразу, не зразу,—гамувавъ Абдураимъ: треба рахуватыся зъ тымъ, що батьки нашы жыви ще, що народъ правовирный... Не знаю, чого вы нападаете на islямъ Його тильки погано розуміють .. Коранъ треба толкуваты не такъ, якъ доси, а видповидно новымъ дослидамъ наукы. Тоди одпаде усе те темне, проты чого обурюетесь. Про це вже пысалы и Касумъ Эминъ и Сами-бей.

— Давайте намъ литературу. Давайте Байронивъ, Шекспиривъ, Гете!.. й мы станемо поручъ изъ другымы, мы увильемось въ симью культурныхъ народивъ,—крычавъ Джіаферъ, загритый суперечкою.

— Якъ будуть у насъ нови мектебы, колы матымемо багато освиченыхъ учытеливъ—мугалимивъ, тоди у насъ все буде, не заразъ, а буде, стоявъ на своёму Абдураимъ, и ёго вынышченый й заляканый выдъ, зъ выразомъ затятосты та обмеження, навить крывывся.

— Панове, ну, що вамъ мужыкъ? Вѣдь это Горьковскій типъ... Ха-ха!.. Де наша татарська интеллигенція? У насъ нема іи. Отъ подывиться: у русскихъ—нотаръ, дамы, начальныкъ почты... Tout le monde! Циле товарыство. Це я розумію, а мужыкъ... Ха-ха!..

— Отъ, ій Богу, я вирю, що людына походыть одъ малпы!— сміявся Рустемъ, миряючи окомъ эфенди.

Але той немовъ не розумивъ и тильки сміявсь, такъ ёму подобалась та вильна думка.

— Знаете, messieurs, Спенсеръ бувъ велыкый ученый, ёму можна повирыты!.. Ха-ха!..

Розмова де-дали ставала палкійшою. Софты булы на боци Рустема. Гости загрилысь суперечкамы и середъ дыму папиросъ та выпаривъ кавы знявся такый гармидеръ, що нихто гараздъ не розбиравъ, хто за кого й за що стоить.

Джіаферъ гаряче оборонявъ потребу оригинальнои литературы та перекладивъ европейськыхъ пысьменныкивъ. Татары мусять знаты, якъ и чымъ жывуть европейци, яки въ ныхъ идеалы, яки напрямкы.

— Выробляйте литературну мову, спильну для всихъ татаръ... Годи намъ говорыты на рижныхъ мовахъ. Се анормально, що крымській татарынъ погано розуміе те, що пыше казанській, а пысьме́нныка зъ Тифлису не вси можуть чытать въ Оренбурзи, або въ Баку... Спильна литературна мова и сыльна, въ европейському дуси литература—отъ мій девизъ!..

— Не забувай, що мы вже робымо де що въ такому напрямку,— гарячывся Рустемъ.—Згадай, що було литъ двадцять передъ сымъ! Опричъ аль-корану та ёго коментаривъ, народъ ничого не знавъ. А теперъ по нашихъ селахъ не ридко знайдешъ простыхъ свидомыхъ татаръ. Воны знають, хто воны й чого хотять...

— Овъ, чы багато такыхъ!—крычавъ Абдураимъ.—Не буде багато, покы въ насъ будуть старосвицьки мектебы зъ допотопнымы методамы, покы не переробыть всёго учытель...

Середъ гамору й крыку нихто не помитывъ Бекира. Молодый хлопець прычаивсь за порогомъ й зъ цикавосты высунувъ голову въ двери. Потому насмилывся, переступывъ поригъ и, пидобгавшы ногы, сивъ доли въ куточку. Винъ весь обернувся въ увагу, очи въ нёго блыщалы, а вуха, червони й велыки, ще бильшъ настовбурчылысь, немовъ боялысь пропустыты хочъ слово зъ розмовы.

— Ты чого туть?—помитывъ ёго Джіаферъ.

— Та... я до Рустема... Ничого, нехай потому,—благавъ винъ, немовъ боявся, щобъ ёго не прогналы.

— Вставай, Бекире, сидай зъ намы до гурту,—клыкавъ Рустемъ.

— Ни... ни... мени и тутъ добре...—мотавъ головою Бекиръ, засоромленый вкрай та весь червоный.

— Онъ сыдыть Азія доли и не хоче встаты на ногы! — сміявся Джіаферъ середъ загального реготу.

— А мы іи зведемо, посадымо на европейськый стилець.

Але цее було не легко. Азія соромылась и ни за що не хотила розигнуты пидобганыхъ нигъ.

Такъ и лышылась въ кутку.

Тильки колы зновъ знялась розмова про освиту жинокъ, Бекиръ весь стрепенувся и навить вставъ.

— Э-э... розуміешъ...—заикнувсь винъ, пророкъ не такъ казавъ... Я навчу жинку пысаты, а вона мене зрадыть... Напыше до другого: прыходь (хай лежыть слово мое пидъ каменемъ)... И буде тому гирше, а нижъ бы наився болота... Грихъ буде, зле... Ч-чортъ ёго знае! Магометъ давъ законъ... Державы ёго, покы не вмрешъ. А такъ—ни, зле.. Ч-чортъ ёго знае...

Бекиръ хвылювався, заикавсь и червонивъ.

— Ты не ривняй жинкы до чоловика... Аллахъ, якъ творывъ чоловика, то сказавъ ёму дывытысь въ небо, а жинци—въ землю... Такъ все на свити:—що краще—мущына, що гирше—жинка. Лито—мущына, а зима жинка... День зновъ—мущына, а ничъ жинка... Не дурно-жъ поклавъ такъ Аллахъ... Ч-чортъ ёго знае...

И винъ розводывъ рукамы та блыскавъ очыма, щыро дывуючысь Алахови, що все такъ мудро росклавъ.

Гости сміялысь.

Тильки эфенди Мустафа зразу надувся. Ёго ображало, що якыйсь наймытъ, бидный мищанськии парубокъ, встрявъ до розмовы, якъ зъ ривнымы.

Винъ раптомъ вытягъ годынныкъ та забрязькавъ брелёкамы.

— Ой-ой!—заверщавъ винъ: а мои дамы чекають... Марія Петровна и Ольга Иванивна... Ха-ха!.. Adieu, messieurs!

Заметлялась кытыця на фези, брязнулы брелёкы, мыгнувъ рябый лейбыкъ—и эфенди счезъ за дверыма.

— Ну, на що ты клыкавъ ту малпу?—обурывся на Джіафера Рустемъ.

— Хто ёго клыкавъ? Самъ влизъ, якъ скризь и завжды. Винъ тежъ, бачъ, стоить за культуру.

По видходи эфенди всимъ стало легше. Навить Бекиръ насмилывся и сивъ на стилець.

Розмова велась вильнище. Смилыви речи Рустема, найбильшъ гарячого та поступового, розворушылы всихъ. Бекиръ уперше чувъ таки речи, гришни, зухвали, и бувъ прыголомшеный нымы. Винъ боронывся, стоявъ на своёму, упертый, немовъ ослюкъ, и мало не плакавъ, колы мицни, здавалось, якъ муръ, основы старои виры хыталысь и падалы пидъ новымъ словомъ. Се просто не мистылось въ ёго голови. Очи въ нёго горилы безсылымъ гнивомъ, а вуха свитылысь немовъ рожеви мушли.

Гости розійшлысь пизно, а Рустемъ зъ Джіаферомъ все ще велы розмову. Рустемъ турбувався. Що значыть, що й доси не дають ёму школы? Ёму хотилось пожыты та попрацюваты ще на сели, мижъ сильскимъ людомъ, а тутъ винъ мусыть гаяты часъ та подаваты въ кавьярни каву. Не на те жъ винъ скинчывъ медресé, дванадцять литъ бувъ софтою.

Червоный досвитокъ глянувъ у загратовани викна, колы воны скинчылы розмову. Лягаты було вже не варто. Рустемъ выйшовъ на вулыцю, щобъ освижиты голову, и ёго стрилы перши проминня сонця. Въ долыни лежавъ Бахчисарай, що хвылювавъ, якъ море, рожевою черепыцею. Ще сыни абрикосы дрималы на билыхъ стинахъ, а лисъ минаретивъ, залытыхъ сонцемъ, здіймавсь до неба, якъ праведни души. Тыхо ще було. Та ось на минаретахъ, одынъ за другымъ, зъявылысь муэзины, якъ чорни духы тыхъ билыхъ вежъ, и прыклавшы побожно рукы до вухъ, збудылы тышу жалибнымъ спивомъ. Высоко, надъ соннымъ мистомъ, неслася дыка музыка, якъ передсмертни рыданя гришныхъ, й лунала по рудыхъ скеляхъ, ще темныхъ й холодныхъ...

А сонце вставало.

Спектакль такы одбувся. Надаремне Джіаферъ бигавъ по мисту, шукавъ будынку пидъ сцену, ёму не вдавалось ёго знайты. Одни одмовлялы, боячысь тои не зовсимъ безпечнои выгадкы, у другыхъ шопы булы тисни и невыгодни. Джіаферъ мусывъ купыты дощокъ та поставыты сцену у своему садку. Народу зибралось дуже багато, чого нихто не сподивався. Йшлы ремиснықы, робочи, купци и навить хаджи, бажаючы на власни очи побачыты, якъ далеко сягнула смилывисть Рустема, до чого дійшлы грихъ та роспуста.

На другый день весь Бахчисарай ажъ клекотивъ. По всихъ кавьярняхъ, крамныцяхъ и навить на вулыци тильки й розмовы було, що про Рустема. Сотни правовирныхъ повторялы ёго ймення, оповидалы, дилылысь вражиннямы, судылы. Найбильшъ хвылювало те, що въ пьеси осміяный бувъ мулла, темный вызыскувачъ народу, якый цилкомъ не розуміе духу исляму та дбае тильки про свій «закя́тъ»—десятыну. Уси одразу пизналы въ нёму видомого въ городи вплывового муллу Ибрагима. Змистъ пьесы, окремыхъ подій—переходывъ изъ устъ въ уста, змипявся, розвывавсь та зроставъ у легенду. Хаджи ажъ скреготалы зубамы. Колы жъ се выдано! Въ тому мерзотному твори дочка богомильныхъ батькивъ, забувшы давни звычаи й законъ Магометивъ, скризь безсоромно ходыть зъ открытымъ лыцемъ, допомынается правъ, добывается освиты и заганяе батька у домовыну. А іи коханець бунтуе народъ. Се жъ вже роспуста! Винъ хоче зробыты гяуривъ зъ усихъ правовирныхъ! Винъ самъ невирный та бейнамазъ!..

Вси жалкувалы муллу Смаила, що мавъ на старисть таку потиху зъ сына.

Тыхого Абибулу не можна було пизнаты. Скризь бигавъ и скризь пидъюжувавъ. Збиравъ правовирныхъ и навить казавъ, що забыты Рустема не грихъ. Краще хай гыне одна душа, а нижъ народъ.

За те молодь була цилкомъ захоплена, зворушена. Збиралась гурточкамы и сперечалась. Стари й правовирни кыдалы на неи недобрымъ окомъ.

Молодыхъ особлыво вразыло те, що сказавъ Рустемъ по спектакли. Въ своій промови Рустемъ выяснывъ становыще мусульманъ, запедбанисть ихъ та темноту й заклыка́въ до освиты, до европейськои культуры. Щось нове, не чуване, про що тильки догадувалысь та нышкомъ мріялы, було сказано прылюдно, палко, зъ вирою—и выклыкало справжній выбухъ. На другый день Рустемъ не мавъ одбою одъ новыхъ знаёмыхъ, що стыскалы ёму руку, трипалы по плечахъ, хвалылы та прохалы кныжокъ.

Чутка про незвычайни подіи дійшла и до Мирьемъ. Вже зъ лыхого настрою батька, зъ его бурчання, зъ окремыхъ фразъ—вона догадалась, що зъ Рустемомъ щось сталось. Але що? Сыдячи доли у своій хати на повстянимъ кылымку, Мирьемъ ламала голову надъ тымъ пытанням, не мала сылы спокійно шыты. Трудно и нудно вышываты якись квиткы, колы серце таке не спокійне. Кризь загратовани викна лылося свитло въ нызеньку хатыну, мыгтило на злотоглавахъ по стинахъ и лышъ дратувало. Тамъ, за мурамы, де воно сяло на воли, вси зналы, що сталось зъ іи Рустемъ, тильки вона, найблыжча до нёго истота, грызлась сумнымы думкамы у цій старій клитци.

Мирьемъ дывувалась. Николы перше, покы не знала Рустема, ся маленька хатына не була для неи тисною. Ій було добре й просторо, якъ у гнизди тепло, у сыхъ мурахъ, въ тисному подвирри. Тамъ днямы цилымы стоявъ холодокъ, дывылось сыне небо кризь выноградне лыстя й дзюрчала вода фонтана. Вона могла одъ рана до вечора поратысь биля квитокъ, що роскишно кущылысь помижъ каминнямъ, и зовсимъ не почувала тугы за свитомъ, за невидомымъ жыттямъ, що клыкало іи теперъ зъ-поза сыхъ билыхъ, высокыхъ стинъ. Колыбъ маты дизналась, що зъ нею робытся ныни, то певно сказала бъ, що то лыхый духъ—«джинъ» ввійшовъ у неи, бо перестала вплитаты въ косы святи амулеты. Перше, у ти недавни часы, вона була счаслыва. Любыла свои кросна, зъ-пидъ якыхъ спувалысь довги рушныкы зъ чуднымы вызерункамы, втишалась тыхымъ теплымъ гниздомъ, выстланымъ кылымкамы та старымы грызетамы, обкладенымъ подушкамы по турецькыхъ канапахъ, любыла веселыхъ подругъ, колы воны зби-

ралысь на ла́фу[1]), та щебеталы, мовъ горобци коло зеренъ. Все пе мынулось. Кросна стоялы сыриткою, хата здавалась темныцею, а весели подругы пустымы й темнымы. Своимы розмовамы та кныжкамы Рустемъ вкынувъ у душу іи нове зерно, що зросло тамъ якъ дерево, зацвило тугою, вродыло думы й нови бажання. Ій все хотилось знаты. Знаты, якъ жывуть люде, що воны думають, чого хотять, яки краи на свити, дерева, звири, якъ мисяць ходыть навкругъ земли. Нихто ій цёго не мигъ сказаты, тильки Рустемъ.Винъ тильки одынъ бувъ такый, що мигъ здійняты изъ виконъ граты, розвалыты муры та вывесты іи зъ ныхъ у шыршый свитъ. Вона тяглася до нёго, якъ квитка до сонця. И ось теперъ іи мучылы думкы, що зъ нымъ, яка нова прыгода трапылась ёму, що навить батько, мовчазный завжды, клепе ёго ймення та ходыть, якъ ничъ.

Мирьемъ одсунула роботу. Въ хати було душно и трудно дыхалось, нызька стеля гнитыла. Мирьемъ встала, поправыла свій рожевый фезъ зъ дукачамы и выйшла у двиръ. Вона не знала, що ій робыты, якъ довидатысь про Рустема. Чы не пійты куды? А може поспытать матиръ? Ни, маты теперъ готуе йисты и не любыть, щобъ іи заважалы, та й якось ніяково звертатысь до неи. Можебъ пійты куды?..

Тымъ часомъ вона безъ меты блукала стежкамы брукованого двору, якъ въ клитци, й сама не знала, що ій початы. Колыбъ хочъ Айше́ побачыты та передаты лыстъ. Та Айше певно ганяе десь по вулыцяхъ и іи трудно знайты. Раптомъ щось калатнуло въ фиртку. Чы не вернувсь Абибула? а може батько?

— Хто тамъ!—поспытала Мирьемъ.

— Ты вдома, Мирьемъ?

— А! Це Шерфе́!—зрадила Мирьемъ и побигла на зустричъ подрузи. Може вона що чула!..

Закутана въ биле, якъ прывыдъ, вскочыла у двиръ Шерфе́ и почала развыватысь. Гарна, чорноока дивчына вывынулась зъ

---

[1]) Бесида.

фереджé, немовъ метелыкъ изъ каптучка, и засміялась. Пры зведеныхъ чорною фарбою бривкахъ й румяныхъ лыцяхъ іи зубы блыщалы, немовъ намысто.

— А що! а що!.. ты гнивалась на мене завжды, колы я сміялась зъ Рустема, а теперъ воно й выйшло... А що!..

Мирьемъ поблидла.

— Що жъ выйшло?

— Моя маты така рада теперъ, що я не за Рустемомъ, така рада... Добре, каже, сталось... Ахъ, яки гарни квиткы!.. Де ты такыхъ дистала? Батько каже, що видколы жыве на свити, ще такого не було... Ты вже скинчыла вышываты рушныкъ? Колы бъ ты знала, я ёго бачыла...

— Кого?

— Що мене сватае. Винъ мае багато овець и гарный садъ. Прыходывъ до батька, а я зъ викна й зырнула. Гладкый, здорови вусы... Зъ села. Ну, я й не хочу... Далеко.

— А що жъ той... Рустемъ?

— Ахъ, Рустемъ!.. Ха-ха!.. Знаешъ, воны зъ Джіаферомъ поставылы изъ дощокъ буду... таку, въ якій тютюнъ сушать... Склыкалы людей—багато народу и не далы имъ йисты. Ха-ха!.. Ну, слухай... Джіаферъ посывивъ и ставъ муллою..., а Али перебрався за ёго дочку й забувъ певно надиты фереджé... Такъ зъ одкрытымъ лыцемъ и показавсь помижъ люде... Джіаферъ каже: закрый лыце, а Али каже: не хочу. Ну, певно, тожъ бувъ такы хлопець, а не дивчына. Джіаферъ сердытся, а Али плаче... А Рустемъ перекынувсь въ Халиля и забывъ чоловика... ха-ха!..

— Якъ! забывъ?—скрыкнула Мирьемъ.

— Ну, певно не влучывъ, бо на другый день бачылы того чоловика на вулыци. Йшовъ соби жывый и здоровый...

Винъ не забывъ!..

У Мирьемъ одійшло серце.

Ну, це ще не такъ страшно, що на Рустема розгнивалысь муллы та старши. Абы ёму ничого не сталось.

Шерфе не вгавала.

— А на кинци Рустемъ знов ставъ Рустемомъ и тоди казавъ людямъ, щобъ вси зробылысь гяурамы, наплювалы на Магомета та йилы свынину...

— Щобъ йилы свынину?

— Эге.. ха-ха!..

Мирьемъ не вирыла. Це справди вже щось неможлыве. Ну, та хвала Аллахови, бида не така ще велыка.

Подругы посидалы по-пидъ фонтаномъ, и покы винъ спивамъ имъ свои тыхи писни, воны жывылысь всякымы ласощамы, якыхъ Шерфе завжды носыла повни кышени.

— Шерфе!

— Що, Мирьемъ?

— Тоби николы не спадало на думку, що мы, жинкы, жывемо по хатахъ, якъ птахы въ клитци?

— Ни. Або що?

— Не вси такъ жывуть. Шырокый свить, а въ ёму бильше гяуривъ, нижъ насъ. У ныхъ жинка на воли, куды схоче—ходыть, съ кымъ хоче—говорыть...

— Воны жъ гяуры, а мы правовирни...

— Воны тежъ вирять въ Аллаха. У ныхъ жинци и до мечету можна, вчытыся можна... Ты не хотила бъ учытысь, все знаты, все бачыты...

— Ха-ха! Я вже учылась, якъ була малою. Доволи.

— То не така наука, якъ у мектеби. . Я часомъ сыжу и думаю... Слухаю, якъ бижыть оця вода зъ фонтана маленькымъ струмочкомъ... бижыть кудысь далеко, черезъ городъ, поле, черезъ лиса... така весела, жыва и бачыть рижни краи, всякыхъ людей, знае, куды сонце сидае на ничъ и звидкы встае мисяць... Я хотила бъ буты струмочкомъ.

— Ха-ха! Чудна! А мени добре й въ Бахчисараи.

— Знаешъ, я заздрю витрови. Якъ бачу, що винъ бижыть хутко, гне наши тополи, летыть надъ землею й спивае писню, я думаю: чомъ я не витеръ...

— Ха-ха! витеръ! Винъ тильки пылъ здіймае зъ дорогы... Тоби скучно, то й думкы лизуть у голову... Ты вдома заседилась... подругъ забула. Чомъ не прыходышъ? Прыходь... Не довго може будемо вкупи. Певно такы виддадуть мене за того вусатого дидька, що мае вивци .. Ха-ха!..

— Що?

— Скучно мени буде за Бахчисараемъ. Тутъ мени весело, тутъ вси мои подругы... Ахъ, ты не бачыла; яку одежу пошыла соби Уми...

Шерфе запалылась й заторохтила, немовъ горохъ. Смихъ дзвенивъ въ горли, наче дзвиночкы. Въ одну хвылыну вона наказала стильки, що Мирьемъ ледве зибрала до купы.

Вона зацикавыла навить Мирьемъ.

Врешти зибралась до-дому. Схопыла фередже и влизла въ нёго, якъ въ шкаралущу. Тильки очи блыщалы мижъ билымъ полотномъ.

Лышывшысь сама, Мирьемъ заходылась пысаты лыста. Хочъ операція ся не зовсимъ безпечна, та теперъ се зробыть найзручнійше: мущынъ нема вдома, а маты готуе йисты. Мирьемъ вытягла каламаръ та клаптыкъ паперу зъ-пидъ софы и сила за лыстъ. Пальци въ неи не дуже слухалысь, слова розлазылысь на папери, якъ ракы.

«Хай тоби пошле радисть Аллахъ та мае въ своій опици,— пысала Мирьемъ. Ты мене десь не жаліешъ, Рустеме, що такъ довго не пышешъ. А я турбовалась, бо не знала, що тамъ зъ тобою. Тильки чую: бейнамазъ, а за що—не знаю. Теперъ пуста Шерфе розсказала про все, а мени такъ жалко, що не могла сама усёго бачыты. Отъ тильки не знаю, чы добре ты робышъ, що радышъ йисты свыныну. «Домузъ» створиння нечысте, и я ёго николы бъ не йила. Тежъ слава Аллахови, що ты не влучывъ та не забывъ чоловика. Може винъ и дуже розсердывъ тебе, та все жъ бытысь не слидъ. А мени зновъ бида трапылась. Не лякайсь, не велыка. Маты застала за твоимы кныжкамы и пожалилась батькови. А батько давно бувъ сердытый, що я не хочу носыты амулетивъ у косахъ. Винъ дуже сердывся и навить по-

бывъ мене. Кныжокъ не забравъ, бо я сховала. Я теперъ краще ховаю и каламаръ»...

Стукнуло щось... почулысь крокы... Мирьемъ вхопыла шытво та накрыла пысання. Серце въ неи завмерло и очи пошыршылысь... Зновъ тыхо. То певно прохожый пройшовъ по-пидъ викнамы.

«Велыку радисть мала учора,—пысала вона дали.—Абибула прынисъ цукоръ въ папери. Я прочытала той клаптыкъ. Тамъ пышуть, що наша «кызъ» (дивчына)—Бедріе́—хану́мъ вчытся десь у велыкій школи. Хочъ я николы не буду така счаслыва, та радію за неи. Хай и мижъ нашымы будуть розумни жинкы. Бильше вже ничого не зрозумила. Выдко, що пысано не для дивчатъ»...

— Мирьемъ!..

Мирьемъ жахнулась. Схопыла й прыклала мокре пысання до серця. Десь маты клыче. Засунула швыдко пидъ софу вси прычындалы и кынулась зъ хаты.

Скоро вернулась. Вытягла зибганый лыстъ и зновъ пысала.

«Якъ мени душно, якъ мени тисно тутъ, колыбъ ты знавъ, Рустеме! Никому я тутъ не потрибна, бо я не хлопець, а «кызъ». Батько лышъ знае свого Абибулу, а за мене згадае тоди, якъ треба крычаты. Маты про те лышъ гадае, щобъ швыдче выпхаты замижъ. Прыходь, Рустеме, и заберы мене. Або скажы, я сама пійду до тебе. Отъ я не знаю, що вже говорю... Бувай здоровъ. За тебе благае Аллаха твоя Мирьемъ».

Въ кавьярни повно. Вси ляды—викна, одчынени настижъ, весело сялы у чорній питьми. Сызый дымъ люлёкъ вылитавъ зъ виконъ й, осяяный свитломъ, высивъ, якъ хмара. Безладный гамиръ, брязкъ филижанокъ, били чалмы, червони фезы й мицный духъ кавы. Дзвинкый смихъ гостей, вприли облыччя, лисъ цыбухивъ, вогныкы въ люлькахъ и брешкитъ струнъ—все це мишалось разомъ. Ляпалы карты грачивъ, блыщавъ мидный казанъ зъ чорнои печи, гралы вогнямы скляни картыны—весела Мекка, пышна Ме-

дина й велечный Стамбулъ. Брынькавъ веселый «са́нтеръ» [1]) й засыпавъ хату гомономъ струнъ. Кавярня блыщала у темряви ночи, якъ велыка лихтарня, гудила, якъ рій. Стрункый Бекиръ, въ одній сорочци, заголывъ рукы по ликоть, фезъ зсунувъ на тимья и бывъ по струнахъ зъ такымъ завзяттямъ, що не чувъ навить, якъ ёго клыкалы. Рустемъ вже самъ розносывъ каву. Поважни хаджи, зъ ногамы на нызькыхъ софахъ, зъ подушкамы пидъ бокомъ, смачно пахкалы зъ люлёкъ. Старый Сулейманъ, блидый якъ мрець, тильки блымавъ очыма. Въ кутку пывъ каву Абибула. Молодь кыдала косты и гучно сміялась. А Бекиръ гравъ. Бывъ струны, торсавъ, тупавъ ногамы, крутывъ головою, заплющувавъ очи—и пидъ буденни розмовы про цину фруктивъ або фасоли—тоненькый голосъ спивавъ про мылу, про мукы серця, фонтаны слизъ, тонки дивочи кискы.

Ахъ,—ти красуни!

Твои бровы гнутся якъ дугы,
А віи стрилы пускають,
Биліи груды крамныци одкрылы,
А щичкы медомъ торгують...

— Ха-ха!—реготала молодь и навить беззуби хаджи ховалы усмишку у били бороды.

Рустемъ бувъ счаслывый. Мирьемъ напысала, що готова пійты зъ нымъ хочъ на край свита. Отъ колыбъ тильки дистаты мектебъ—и винъ іи вырве изъ пекла. Воны будуть счаслыви. Винъ перестане служыты цымъ товстопыкымъ хаджамъ, що сыдять по канапахъ, важки й непорушни, немовъ мишкы зъ мукою. Винъ буде робыты любыме дило, готуваты нове поколиння до нового жыття. А тымъ часомъ жваво и зручно розносывъ дрибни филижанкы и вывся помижъ гостямы, якъ вьюнъ. Тому сказавъ слово, тамъ засміявся, встрявъ на хвылынку до гурту и зновъ варывъ каву.

---

[1]) Цымбалы.

Молодь зибралась въ окрему купку. Тамъ йшлы розмовы про недавній спектакль.

Якыйсь сильськый челяднык згадавъ про свого муллу. Той, якъ почувъ, що сталось въ Бахчисараи, то такъ налякався, що кынувъ правыты десятыну. Ще може зъ голоду згынуты.

— Рустеме, якъ згыне мулла зъ голоду, ты будéшъ одповидаты!—гукалы до нёго звидты.

— Овва!—свитъ не завалытся, якъ стане менче однымъ муллою!..

— Винъ буде годуватъ ёго диты...

— Ха-ха!—сміялась молодь.

— Не теперъ дасть одповидь, то въ день останній,—заскрыпивъ Сулейманъ.—О! якъ затрубыть тоди сурма и прочытае Аллахъ кныгу въ ёго ливій руци! ..

И скынувъ злымъ окомъ на молодь.

Абибула правывъ сусидамъ про чудо.

Блиде облыччя свитылось въ нёго, немовъ при мисяци, а очи горилы одъ згадкы.

— Холодный витеръ повіявъ. Страхъ обнявъ душу... сыла Аллаха спустылась зъ неба... пидняла биле рядно и вставъ на ногы калика...

— Тц... тц...—цмокалы правовирни та хыталы побожно чалмамы.

— Дозвольте мени перерызаты медомъ ваши слова,—ввичлыво звернувся до нёго якыйсь молодыкъ зъ другого гурту.—Вы кажете—чудо. Отъ я жыву на свити вже скильки литъ, а чуда не бачывъ.. Та й нихто зъ насъ не чувъ про чуда. Чы тильки дервиши можуть бачыты чудо?

— Дывно мени,—озвавсь Абибула.—Якый ты мусульманынъ, колы въ чуда не вирышъ? А хиба жъ не було такъ, що Магометъ прылюдно росколовъ мисяць на дви половыны? Хиба не розмовлявъ пророкъ зъ ящиркамы, або не промовывъ до нёго зъ мыскы вже спеченый баранчыкъ?

— Га-га! колы се було! Теперъ не ти часы. Щось не трапляются чуда.

— У Бога усе можлыве...

— Алла икбе́ръ!—зитхнувъ Сулейманъ.

Розмова почынала усихъ цикавыты. Очи въ старыхъ блыщалы у хмари дыму, а позы немовъ набралысь руху. Молодь почала осмихатысь. Навить Бекиръ покынувъ сантеръ и настобурчывъ велыки вуха.

— Гей вы, невирни,—гукавъ Абибула.—Вы хочете чуда, колы вы наскризь зопсовани, немовъ червыве яблуко. Вы еднаетесь зъ невирнымы, зъ гяурамы... переймаете ихни звычаи и ихни думкы... Мы булы сыльни, покы державысь окремо, покы йшлы за пророкомъ... О, вирни, казавъ, пророкъ, еднайтесь тильки помижъ собою.. Вы любыте невирныхъ, а воны васъ не люблять.. Колы вамъ добре, воны засмучени, колы вамъ зле—воны радіють...

— Неправда, воны велыкый народъ, воны сыльнищи одъ насъ, бо розумъ у ныхъ дужчый, меншъ забобонивъ... Воны освичени... Годи цуратыся ихъ, намъ треба въ ныхъ взяты все, що мають краще... инши часы насталы...

Пидиявся зъ-за столу якыйсь правовирный, здоровый, якъ быкъ, насунувъ на голену голову шапку и стукнувъ люлькою въ стилъ.

— А я кажу—роснуста!—гукнувъ винъ на всю кавярню.— Вы пьете горилку... Забулы Бога... мечеты пустують, скризь бейнамазы...

Очи въ нёго лизлы на лобъ й облыччя налылось кровью.

Уси схвылювалысь. Мертви фигуры хаджи ворухнулысь по софахъ и пересталы пахкаты зъ люлёкъ. Молодь була обурена. Уси крычалы.

— Вы темни... ваши муллы и ваши дервишы!—гукалы одни.

— А вы гяуры!..

— Вы держыте наридъ въ темноти, а мы бажаемъ розвою...

— Дозвольте, дозвольте! я хочу спытаты,—скрыкнувъ одынъ молодыкъ. Заворушывъ тонкымы вусамы й лукаво пидморгнувъ окомъ.—Скажить мени, чы правда, що хто почавъ якъ злодій, скинчыть якъ дервишъ?

Розлигся смихъ... Бекиръ звыщавъ и ляснувъ себе по стегнахъ.

— Ч-чортъ ёго знае...

Хаджи обурылысь.

Въ Абибулы тремтилы рукы и били уста безгучно ворушылысь.

— Стійте, стійте, чого вы сварытесь! я краще розскажу вамъ одну историю—гукнувъ Рустемъ.

— Кажы! кажы!..

Це зразу втышыло галасъ. Уси любылы послухать казку. Хто вставъ, зновъ сивъ на мисце. Забряжчалы посудою, засёрбалы каву й запахкалы зъ люлёкъ. Дымъ знявся пидъ стелю. Мекка и Медина загралы вогнямы. Правда, хаджи булы ще лыхи; недобрый вогныкъ не згасъ ще въ ихъ очахъ. Ну, що той грішныкъ роскаже?

Рустемови давъ хтось стилець. Винъ сивъ, обтеръ вуста, поправывъ фезъ и, злегка погойдуючысь, почавъ:

— Ну, слухайте жъ... У ти давни часы, колы казкамъ ще йнялы виры, якъ правди, колы верблюды булы ще блохамы, черепахы й жабы литалы у повитри, а минареты схылялысь до ричкы, щобъ напытысь воды, бувъ соби одынъ анатолійськый шейхъ. И трапылось такъ, що треба було когось послаты ёму въ далеку дорогу у пильній справи. Клыче винъ до себе старого дервиша, дае ёму свого любымого осла и каже: «йидь, брате». Пойихавъ дервишъ и опынывся швыдко въ пустыни. Йиде и все соби думае, якъ бы ёму краще доглянуть осла. Бо той оселъ та бувъ любымчыкъ шейхивъ. Якъ схудне, або заслабне въ дорози, шейхъ буде гниватысь. То жъ дервишъ не йисть самъ, не пье. а доглядае осла. Поить ёго водою зъ михивъ, годуе, жалуе. Де важко йихаты, писокъ глыбокый—злазыть зъ осла, йде пишкы. Щобъ скучно не було ослови—зъ нымъ розмовляе. Все дума догодыть шейхови и ёго любымчыку. Себе не жалуе. Стане на ничъ пидъ пальмамы, всю ничъ не спыть—все пасе ослыка. Тильки про те й думавъ старый. Та якъ не глядивъ, якъ не старався—сталась прыгода: заслабъ оселъ въ пустыни та й здохъ. Лежыть

на жовтимъ писку, вытягнувъ ногы, вышкирывъ зубы, а волохатый жывитъ—такъ якъ гора. Сивъ надъ нымъ дервишъ та й плаче: ну, якъ я зъявлюся передъ шейхови очи? Що ёму скажу? Чы я жъ не беригъ ёго, мовъ ридного батька, якъ власну дытыну, не поивъ, не годувавъ, не жалувавъ? Не повирыть шейхъ, скаже, що я въ тому вынenъ. Тай справди хорошый бувъ ослыкъ, людяный, смырный, слухняный. Жалко скотыну, такъ жалко, мовъ брата. Плаче невтишно дервишъ, лье слёзы на жовтый писокъ, рыдае. Не йисть, не пье, не шукае розвагы.—Ажъ ничъ настала. Зійшлы велыки зори, блыщыть, якъ срибло, писокъ, биліють далеки горбы... Сыдыть на писку дервишъ у велыкій роспуци, а коло нёго чорніе тило осла, немовъ нечысте сумлиння. Вже й сонце сходыть, день настáе. Бачыть нашъ дервишъ, що нищо не поможе, биды не поправышъ. Выпорпавъ яму, поклавъ осла, засыпавъ пискомъ, сивъ надъ могылою й плаче. Плаче й не може спыныты слизъ, що такъ и льются на гарячый писокъ. Колы такъ згодомъ надходыть якыйсь караванъ. Ревуть верблюды, летыть хмара писку, мотаются горбы верблюжи. Побачывъ отаманъ, що щось чорніе въ пустыни, спынывъ караванъ. Пидходыть, ажъ тамъ сыдыть билобородый дервишъ надъ свижою могылою й плаче. Вклонывся отаманъ. «Чого такъ плачешъ не втишно, старче?»—пытае.— Якъ же не плакать, эфéндимъ, якъ не вбыватысь... Умеръ... Ще вчора жывый бувъ, здоровый, а ныни лежыть, захованый въ землю...—Й заплакавъ сыльнище, бо людськый голосъ вытыснувъ зъ серця ряснищи слёзы.—«Не плачъ, чоловиче Божый... потишся. Усе жывуще мае однакову долю, все, що жыве—мусыть врешти померты»... потишае отаманъ.—Пидійшлы купци зъ каравану, роздилылы горе старого, потишылы ласкавымъ словомъ, а врешти проказалы молытву надъ гробомъ, хто кынувъ грошы на свижу могылу, хто хлиба для старця—й пойихалы дали. А дервишъ усе сыдыть на тому жъ мисци, сумный, невтишный, не знае, якъ повернуты до шейха, занесты вистку про несчаслыву долю осла. Вже й другый караванъ надходыть. Пытають, що сталось.—Ой, поховавъ... одказуе дервишъ... отъ тильки сёгодня пискомъ засыпавъ... И показавъ рукою на свижу могылу, говорыты не може за слизьмы та жалемъ...

Рустемъ урвавъ и обвивъ слухачивъ окомъ. Вси булы скуплени та зацикавлени. Чорна кава стыгла у филижанкахъ, сыни струмочкы дыму липыво здіймалысь зъ люлёкъ и прычаився жаръ въ печи пидъ сывою шапкою попилу. Бекирови очи горилы, якъ дви жарынкы, червони вуха свитылысь, якъ мисяць на сходи.

— Ну,—почавъ знову Рустемъ,—побачылы ти, що на могыли гроши, десь певно недурно люде ихъ наскыдалы, поклалы й свою частыну до купы, наскыдалы старому харчивъ, лышывъ хтось рушныкъ, щобъ бидный дервишъ въ пустыни мигъ до намазу умыты рукы, й подалысь у свою путь. А дервишъ лышывся. Сыдивъ винъ день, сыдивъ винъ другый въ глыбокій жалоби, вкинци заспокоився трохы и думкы обсилы стару ёго голову.— Чы варто вертатысь до шейха? Та й зъ чымъ вертатысь? Дила не справывъ, оселъ пропавъ... Тильки розсердышъ шейха. Чы не краще лышытысь на мисци? Тутъ не погано. И гроши складають, харчи йому звозять. Йе зъ чого жыты. Хай шейхъ подума, що винъ збывсь десь зъ дорогы, пропавъ. Подумавъ дервишъ, подумавъ—та й залышывся. А тымъ часомъ пишла по свитахъ чутка, що у пустели сыдыть надъ могылою святого убогый дервишъ и плаче зъ горя, а та могыла й святый новитній роблять велыки чуда. Слабымъ вертае здоровья, сумныхъ потишае, навить мертвымъ даруе жыття. Почалы звидусюды зйиздытысь люде, почалысь молытвы надъ ослячымъ гробомъ и справди діялысь чуда. Дервишъ зибравъ грошей сылу сыленну и забагативъ. Збудувавъ надъ могылою пышне тюрбé, укрывъ могылу дорогымъ оксамытомъ. Ба, незабаромъ и самъ ставъ видомымъ шейхомъ, поставывъ теќе, прыйнявъ дервишивъ та вславывсяврешти ще бильше, а нижъ той шейхъ, якого покынувъ...

Рустемъ мусывъ спынытысь. Мертви фигуры хаджи заворушылысь; якыйсь невыразный гоминъ розлигся въ кавярни. Люлькы задымилы, якъ дымари, а чорни очи спахнулы, якъ вовчи.

Та, разъ почавъ, треба кинчаты. Рустемъ вивъ дали.

— Мынуло такъ щось килька рокивъ. Отъ разъ йиде той старый шейхъ, въ якого колысь пропавъ оселъ та дервишъ. Ста-

рый вже, ажъ билый. Навколо его прости дервиши. Бачыть, стоить въ пустели теке й пышне тюрбе. Захотилось ёму перепочыты у брата—шейха, та поклопытысь могыли святого Завернувъ, входыть, оддавъ «селя́мъ», вклонывсь могыли—колы зыркъ, а передъ нымъ его давній дервишъ, що пропавъ колысь безъ висты въ дорози.—«Ты що тутъ робышъ?—здывувався випъ. Ты чому не вернувся до мене?—Ой, шейху ясный, я все розскажу, ходимъ тильки звидсы до мене въ господу.—Завивъ до себе, посадывъ на почесному мисци и розсказавъ усе, якъ було. Якъ пропавъ у дорози оселъ, якъ винъ сумувавъ та боявся вернутысь до-дому, якъ люде скыдалы грошп та молылись на могыли покійного.—Я имъ забувъ сказаты, що поховавъ тамъ твого осла. Ну, якъ почалы даваты гроши, я и подумавъ: нехай дають.. А оце незабаромъ збирався йихаты до тебе зъ подарункамы, бажавъ покаятысь. Та одно мене мучыло тильки, отче святый: якъ тоби скажу, що люде молылысь на могыли осла?—мало не плакавъ дервишъ.—Тоди старшый шейхъ осмихнувся у билу бороду, поклавъ свою руку на руку дервиша, наблызывсь до его вуха и лагидно мовывъ:—«Не турбуйсь, брате, хай тоби стане видомымъ, що пидъ нашымъ славнымъ тюрбе похованый цидъ сёго осла».

— Ха-ха-ха!—выбухла молодь голоснымъ смихомъ. Але въ той регитъ увиллялось щось гризне, негармонійне, немовъ далекій гримъ. Наче хмара нависла въ кавярни. Посуда вразъ брязнула, стукнулы люлькы объ стилъ, облыччя скрывылысь зъ гниву. Щось лыховисне було въ гарячимъ повитри кавярни и навить Мекка й Медина злорадо загралы вогнямы. Отъ-отъ щось буде. Се вси почувалы.

Высокый татарынъ, здоровый якъ быкъ, вытрищывъ очи й поводывъ нымы навколо, немовъ збиравъ по облыччяхъ ужынокъ гниву. Урешти скочывъ. Зирвавъ зъ головы шапку и грымнувъ нею объ землю.

— Собака!

Той крыкъ захрыплого горла покрывъ загальный регитъ та гвалтъ.

Рустемъ звився на ногы.

— Чого вчепывся? Не хочешъ слухать—не слухай...

— Винъ такъ росказавъ, якъ стоить въ казци!—крычала молодь.

— Брехунъ! гяуръ! гришныкъ!—хрыпилы старши.

Уси схопылысь, щобъ зупыныты бійку. Та було пизно. Татарынъ стоявъ вже передъ Рустемомъ, сердытый, розъюшеный. Ёго голова, голена й кругла, немовъ кавунъ, здіймалась надъ всимы, а жылы на вьязахъ булы напружени й груби, наче мотузкы.

— Гяуре. выгнаный батькомъ!—крычавъ татарынъ —Ты зважывсь сміятысь зъ правои виры, зъ нашыхъ святыхъ!..

— Геть!—скрыкнувъ Рустемъ и схопывъ въ рукы стилець.

Кровъ зашумила ёму въ голови. Винъ вже добре не тямывъ, що було дали. Знавъ тильки, що ёго бьють и що винъ бье. Не чувъ кругъ себе крыку, не бачывъ гризныхъ очей, лизъ просто на нижъ, слипый, завзятый, спьянилый—зъ однымъ бажанњямъ переможты.

— Тутъ рижуть! вбываютъ!—крычалы въ кавярни, и биглы на крыкъ той зъ вулыци люде.

Трудно було протыснутысь. Пидъ натовпомъ люду трищалы столы, звенило скло. Одни намагалысь спыныты бійку, а други рвалысь до бою. Насылу розборонылы.

Блидый, росхристаный Рустемъ ледве стоявъ. Винъ хотивъ врешти выйты зъ кавярни. Зробывъ килька крокивъ, хытнувся и раптомъ схопывсь за бикъ. По пальцяхъ сплывала кровъ.

— Кровъ! Забылы людыну!—хтось крыкнувъ.

Бекиръ зъ цикавистью й жахомъ дывывсь Рустемови въ очи.

— Швыдче до-дому... прохавъ Рустемъ.

Кынулысь клыкать фіакра... По чорній вулыци розлигся крыкъ... Заторохтилы колеса... Зъ червоныхъ виконъ летивъ у пітьму гвалтъ и метушылысь въ кавярни люде, якъ на пожежи...

Тыхо поплывъ фіакръ зъ Рустемомъ крывымы вулыцямы. Чорни домы лежать зъ обохъ бокивъ, якъ скели... Немовъ не городъ, а ричка, темна, глыбока... Плыве по ній човенъ... плывуть минареты, мовъ били щоглы... хвыли гойдають Рустема... скачуть,

якъ въ танци, зори, ростуть, знывають... Такъ чудно, такъ дывно... Чы сонъ—чы дійснисть? Рустемъ не мигъ розибраты...

Джіафера не було вдома, колы прывезлы Рустема. Винъ почувъ сёгодня непрыемну новыну: эфенди Мустафа зъ певныхъ джерелъ дизнався, що Рустемови не дадуть школы, бо вважають ёго небезпечнымъ—и переказавъ про це Джіаферови. Джіаферъ дуже стурбовався и пишовъ трохы пройтысь та обдуматы на самоти, якъ бы про це сказаты пріятелеви, щобъ не дуже ёго засмутыты. Повернувшы до-дому, винъ здывувався, колы побачывъ въ хати незвычайный рухъ та чужыхъ людей. Бекиръ сыдивъ карячкы биля дверей и дывывсь наляканымы очыма на видомого въ городи ликаря, що нахылывсь надъ Рустемовымъ лижкомъ. Якыйсь татарынъ бигавъ по хати, носывъ щось, переставлявъ. Що сталося? Бекиръ заразъ схопывся на ногы и почавъ жваво оповидаты прыгоду, вымахувавъ рукамы, запынавсь и безперестанку повторявъ свое любыме «ч-чортъ ёго знае». Джіаферъ на сылу розибравъ.

Караимъ—ликарь врешти скинчывъ роботу и повернувъ до Джіафера свое блиде облыччя, ледве помитне зъ-пидъ шапкы кучеривъ.

— Ничого, ничого, за два тыжни хочъ весилля гуляй—хай останне впаде на твою голову, якъ у васъ кажуть,—кысло шуткувавъ ликарь, и кутыкы устъ не пиднималысь въ ёго, а опускалысь.

Зъ лижка осмихався блидый Рустемъ.

— Ну, конче треба було когось дратуваты, пидійшовъ зъ докоромъ до ёго захмареный Джіаферъ.

— Э, пусте! ликарь каже, що нижъ зализъ неглыбоко. Мени ничого.

— Ахъ, Рустемъ! молодець, ій-Богу! пидбигъ Бекиръ.— Колы бъ ты бачывъ, якъ винъ ёго бывъ... Стильцемъ... по голови...

Очи въ Бекира засялы одъ захвату и винъ зробывъ рукамы рухъ, немовъ збиравсь роcколоты Джіаферови голову.

Чужи пишлы, але зъ Бекиромъ трудна була рада: винъ уперся, якъ цапъ, и лышывсь на ничъ. Скулывся доли биля порога и що хвылыны скакувавъ—заспаный, наляканый и торопленый, хочъ ёго помичъ не була потрибна.

Рустемъ поправлявся. Ёго одвидувалы товарыши, галаслывый жвавый гуртокъ, якый уважавъ рану Рустемову почесною, бо винъ диставъ іи у боротьби изъ забобонамы. Крычалы, сміялысь, накурювалы въ хати и дратувалы Рустемови нервы. Бекиръ корыстувавсь зъ кожнои вильнои хвылыны и прыносывъ слабому свижи новыны зъ вулыци, пидслухани розмовы, дрибни події дрибного жыття крамаривъ и кумедно показувавъ, якъ муллы перебирають чоткы, а тымъ часомъ вынюхують, що въ кого йе, щобъ узять десятыну. Мулливъ и дервишивъ винъ зразу зненавыдывъ.

Разъ надъ вечиръ, колы Рустемъ мигъ вже сыдиты на лижку, до ёго прыйшовъ несподиваный гисть—дядько Абдулá, грубый, дыхавычный, старый хаджи. Рустемъ мало знавъ дядька, бо мулла Смаилъ не у велыкій згоди жывъ доси зъ братомъ.

Хаджи Абдула долго мовчавъ, видсапувавъ та гладывъ долонямы бороду.

Старый почавъ жалитысь на недугы и старисть, а потому звивъ свою мову на роспусту и зневирря сучаснои молоди. Якъ крается батькивське серце, колы у правовирній родыни шайтанъ посіе незгоду! Батько кинчае свій викъ, а сынъ почынае. Сынови легше скорытысь. Такъ навчае пророкъ и такъ повынно буты. Бидный мулла Смаилъ! Винъ схудъ и що-дня мые слёзамы бороду. Винъ радо простягъ бы рукы до гришного сына, колы бъ той прыйшовъ до нёго изъ чыстымъ серцемъ. Хаджи Абдула сапавъ, харкавъ, плювавъ и зовсимъ втомывся одъ довгои промовы.

Ёго слова зворушылы Рустема. Жаль стало батька. Винъ щыре хотивъ бы зновъ поеднатыся зъ нымъ, та якъ? Якою цiною? Що треба зробыты?

Хаджи Абдула мавъ вже готови умовы.

— Залышы свои думкы. Покынь небезпечну роботу и свое товарыство, и батько забуде все давне.

Рустемъ замотавъ головою.

Ни, винъ цёго не може зробыты й не зробыть. Винъ мигъ бы вернутысь, колы бъ батько прыйнявъ ёго такымъ, якымъ винъ йе.

Хаджи Абдула зъ тымъ и пишовъ.

Даремне тилькы трудывъ свои стари косты та важке тило.

Рустемъ лышывся самъ. День гасъ, и викна сирилы. Хата швыдко сповнялась мягкымы вечирнимы тинямы. Писля важкои розмовы про батька, Рустемъ почувъ себе краще. Немовъ щось важке, дошкульне щось скынувъ съ плечей, наче вырizавъ зъ серця болячку. Теперъ все ясне. Чувъ, що стоявъ доси на роздорожи и врешти выбравъ шляхъ. Думкы зробылысь ясни и освитылы розлоге поле жыття, зъ ёго тернамы, каминнямъ та будякамы, але разомъ й зъ цилющою водою, яку винъ сподивавсь роздобуты, щобъ полыть те сухе поле. Надіи, якъ глыбоки пидземни джерела, прохалысь на свитъ, и сердце одъ ныхъ тремтило. Колы бъ не оця досадна рана, винъ знявся бъ, якъ стій, и пишовъ на роботу, велыку, важку, солодку роботу. Почувавъ у соби сылы. Забувъ навить Мирьемъ — и колы врешти згадавъ про неи, ёму соромно стало. Якъ винъ мигъ оддилыты іи одъ своихъ кращыхъ надій? Хиба воны не разомъ будуть усе жыття, у гори и въ счасти, у спильній роботи?

Мыналы дни. Тремтячымы, безсылымы ногамы Рустемъ ходывъ вже по хати. Ёго дратувало, що не мавъ звисткы одъ Мирьемъ. Чомъ не напыше хочъ килька сливъ? Правда, ій трудно, а все жъ... Чы не дистала ёго лыстивъ? Невже Айшé загубыла, або хто перейнявъ? Недобра, вона жъ певно чула, що сталося зъ нымъ. Якъ бы дизнатысь, що зъ нею? Едыный спосибъ — Айше, але й тои не выдко. Рустемъ ни зъ кымъ не дылывсь своимъ счастямъ, навить Джіаферъ, найщырійшый прыятель ёго, ничого не видавъ про те. Хиба попрохать Джіафера, щобъ поклыкавъ Айше!..

Джіаферъ розшукавъ таки Рустемову небогу. Вона клялась й божылась, що передала Мирьемъ уси лысты, але та ничого ій не давала. Щожъ сталось? Чы здорова вона? Здорова. Чы не плаче? Ни. Така, якъ завжды. Чомъ же не пыше? Айше нызала плечыма и вытрищала очи. Рустемъ заходывъ у голову, не спавъ по ночахъ, и турбовáвся. Ходывъ сердытый, роздратованый и сварывсь зъ Джіаферомъ.

Колыжъ за килька день зновъ прыбигла Айше и всунула въ рукы сирый клаптыкъ паперу, ще теплый одъ пробування по пидъ халатомъ, на грудяхъ, рукы въ нёго тремтилы такъ, що винъ роздеръ цидулку й забувъ про небогу. Айше надулась и довго стояла въ куточку, здывована й ображена.

«Багацько слизъ выллялы мои очи,—чытавъ Рустемъ,—колы я почула, що тебе мало не вбылы. Я зразу хотила бигты до тебе, та Аллахъ у часъ пославъ мени розумъ и за те що дня молюсь и дякую ёго. Зъ того выйшло бъ погане для обохъ насъ. Айше казала, що тоби краще, що ты вже ходышъ—й за це дякую Бога. А винъ бы мигъ тяжче скараты тебе за твое глузування зъ нашои виры. Ты до мене пысавъ, а я збиралась довго, не знала, що маю сказаты. Наславъ Аллахъ на мою бидну голову думы, а я былась у ныхъ, якъ павукъ у тенетахъ. Важка голова стала, а серце ще важче. Побыла посуду, якъ несла батькови каву, спалыла пилавъ, помогаючы матери, и не було що йисты въ той день. Маты побыла, а я не вынна: все черезъ думы. По ночахъ тежъ думаю—чы булы бъ мы зъ тобою счаслыви? Чы благословывъ бы Аллахъ шлюбъ нашъ проты воли батькивъ нашыхъ? Я знаю, воны не такъ думають, якъ мы... та воны ще жыви, а пророкъ сказавъ: спусты передъ ными крыло твоеи покоры, слухайся ихъ. Ты пышешъ, Рустеме, про новый свитъ, обицяешъ показаты ёго мени,—душа моя рветея до нёго—та чы прыйняло бъ серце наше радисть, колы бъ упала на землю слёза зъ батькового ока? Я довго думала, Рустеме, такъ довго, що лыця въ мене запалысь, наче видъ посту, а рукы втратылы сылу. Мои очи не знають сону й червони одъ слизъ. Аллахъ мылосердный змылувавсь нади мною й сказавъ мени въ серци моему: крипысь.

Нехай Рустемъ пиде до батька, впаде ёму въ ногы и скаже: мій грихъ, моя покута. Тоди твоя буду на викы. Тоди выблагай въ батька дозвилъ побратысь—и мій тато прыстане на се. Таки думы вклавъ мени Богъ въ серце однои ночи—и я несмію зламаты ёго слово. Колы жъ сёго не зробышъ—така моя доля. Кожній людыни до шыи Аллахъ прывьязавъ ёго птаху. Такъ каже пророкъ. Не пыши мени бильше, не шукай стричи. Я буду твоею передъ людьмы й Богомъ, чесно, одкрыто, якъ у людей. Просты, Рустеме, за ти необачни слова, що я доси пысала и говорыла. Шайтанъ замутывъ тоди мій розумъ. Твоя несчасна Мирьемъ».

Перше, що почувъ Рустемъ, скинчывшы лыста, бувъ гнивъ. Шаленый, непереможный и дыкый.

Такъ ось яке те кохання?

Такъ ось що выросло, зъ зерна, що винъ посіявъ у чысту душу!

А, значыть, пута темноты сыльнищи одъ свитла?.. Бурьяны швыдче ростуть, а нижъ колосъ?

Кровъ бухала въ голову и гнивъ розрывавъ ёму серце.

Вона!.. Вона тежъ хоче, щобъ винъ у пороси скрухы схылывъ свое чоло пидъ ногы! Щобъ зрадывъ усе найдорожче, що выносывъ въ серци? Все найяснійше—волю, надіи и миць перемогы?

Й за те винъ дистане добру хазяйку й покирлыву жинку?

Такъ ось же!

Роздеръ сирый папирчыкъ на дрибни шматочкы и кынувъ до-долу. Мовъ деръ свое серце.

Впалы шматочкы на помистъ, тыхо, поволи, мовъ першый снигъ.

Дывывся.

— Що вона пыше? Що напысала?

Почавъ збираты шматочкы, складаты до купы. Рукы тремтилы, гнивъ сплывавъ жалемъ.

Складавъ базгранызну, злучавъ крывульки, мовъ дыки колючкы, що ранылы серце.

Чытавъ и плакавъ.

Зъ жорсткого слова хтивъ выдушить краплю надіи, бывъ каминь объ серце, щобъ выкресать искру.

А може... А може бурьянъ не розрисся, може ще можна выполоть хопту. Самъ вынenъ... давно не бачывъ... ота прыгода—дурна, непотрибна ..

И сивъ пысаты. Благавъ зустричы, хвылыны, хочъ слова...

Тутъ гынуло въ нёго не лышъ кохання, а грунтъ пидъ ногамы... тутъ гасло свитло, яке такъ трудно було добуты.

Скинчывъ. Выйшовъ на вулыцю.

Де бъ могла буты Айше?..

Блидый, непевнымъ крокомъ, блукавъ по вулыцяхъ, шукавъ. Стрични хаджи одверталысь одъ нёго, немовъ жахалысь гришныка. Закупывъ по дорози мало не цилу крамныцю, щобъ ублагаты Айше. Де бъ вона могла буты?

Знайшовъ урешти пидъ мостомъ, биля фонтану, колы сповняла кухоль водою. Впхавъ ій до рукъ солодки пакункы, благавъ щобъ заразъ бигла. Стежывъ, якъ нисся жовтый халатыкъ помижъ домамы, бажавъ, щобъ швыдче счезъ зъ очей блыскучый фезъ, на якому зиркамы грало вечирне сонце. Стоявъ на мисци, и серце былось въ нёго тривожно. Дитвора биля нёго крутылась—червони фезы, квитчасти халаты, ажъ въ очахъ рябило. Ганялы зграи собакъ, голодныхъ, худыхъ, сердытыхъ. Били муры рожевилы на сонци, летивъ по дорози рожевый пылъ и тыхо дзюрчала вода фонтану. Спишылы байдужи люде, торохтилы возы по каменыстій дорози и тыхо, якъ прывыды, плывлы по пидъ стинамы били жинкы. Жыття точылось своею чергою и мовъ тикалы одъ нёго въ гору струнки минареты, що пидпиралы блакитну баню, якъ мармурови колоны.

Рустемъ чекавъ. Кожна хвылына здавалась за цили рокы. Та ось!.. Ну, врешти. Бижыть Айше, якъ золота кулька й червони кискы женутся за нею, немовъ проминня. Засапана, очи горять. Прыбигла и вткнула Рустемови въ руку назадъ ёго лыстъ...

Мирьемъ не прыйняла... не хоче.

Ага! не прыйняла? Ну, добре .. ну, дуже добре. Рустемъ хоче сміятысь. Значыть, муры мицни ще... Ти, що винъ думавъ звалыты... Стоять, рожевіють, немовъ невынни, немовъ сміются. Що жъ, добре. Нехай сміются. Ще прыйде день, що стануть зъ ныхъ лышъ купы грузу. Колы не зможуть бильше держаты въ тини людськи осели, заступаты свитъ сонця... А теперъ—хай рожевіють... хай высысають кровъ серця... Холодни, бездушни, прокляти!..

Рустемъ знявъ руку, гнивный, ображеный и мовъ жывій истоти грозывъ мурамъ...

А диты крутылысь биля Рустема, сміялысь и щебеталы:

— Афузъ! афузъ!.. Винъ самъ до себе говорыть!..

. . . .

— Джіафере!

— Що скажешъ, Рустеме?

— Я хочу звидсы тикаты...

— Якъ звидсы?

— Зъ Бахчисараю. Мени тутъ тисно... Я тутъ не можу. Хочу прохаты, щобъ мени швыдче далы мектебъ па сели. .

— Чого поидешъ? Не идь...

— Не ихать? Чому?

— Ну, бачышъ, ты вже теперъ здоровшый, хочъ ходышъ такый похмурый, немовъ не знать що сталося. Я доси мовчавъ, а теперъ мушу сказаты: тоби не дадуть мектебу. Тоби вже навить одмовлено. Останни подіи тоби нашкодылы. Вси, що у насъ мають сылу, що уважають себе цвитомъ народу—вси проты тебе. Воны крычать на раздорожяхъ, що ты небезпечный. Навить самъ муфтій [1]) вже знае про тебе.

— И тутъ стина. Зновъ муръ ставъ на дорози...

— Що кажешъ?

---

[1]) Найвыща духовна особа у мусульманъ.

— Я кажу, що въ насъ куды не питкнешся, наскочышъ на муръ. Загородылы муромъ одъ свита жинку, склалы стину забобонивъ, и муръ темноты стоить мицный ще, немовъ фортеца. А ты розбывай соби голову объ ти муры, трощы свое счастя...

— Ну, знаешъ, ты вже занадто. Ты жъ самъ казавъ недавно, що муры пощербылысь. Май ясне серце и не сумуй. Невже ты не будешъ сміятысь зъ того, що муллы у мечетяхъ кленуть тебе передъ народомъ? Онъ ще недавно у джуми-джами, въ соборнимъ мечети, хатипъ ривнявъ тебе зъ вовкомъ, що краде вивци зъ кошары. Та то байдуже. Ты знаешъ прыказку: перше, нижъ запалае вогонь, мусыть выбухнуть сирый дымъ...

Рустемъ ходывъ по хати, повисывъ голову и тини вкрылы ёго облыччя.

Замовкъ и Джіаферъ.

Такъ трудно... такъ тяжко... Идешъ впередъ, якъ у тернахъ, що рвуть твое тило... За кожный здобутокъ платышъ циною кровы... Простуешъ до свитла—и замисць ёго стричаешъ вогныкъ, дрибный, минлывый, якъ у багни... блымне, сховается, засвитыть знову—и згасне. Якъ Мирьемъ... Ахъ, годи, забуты, не згадувать краще... Забигты, кудысь далеко, забуты, загоить болячку... Якъ звиръ, що тика до норы й залызуе тамъ тяжки свои раны...

— Пойиду...

— Куды?

— А, свитъ за очи... Абы лышъ звидсы...

— А наше дило? А товарыство?

— Васъ тутъ багато...

— Стыдайсь, Рустеме...

— Стыдатысь? Ха-ха! Хай тымъ буде стыдно, що... Ахъ, ты не знаешъ... Ты нічого не знаешъ... Колы ты садышъ зерно... розумієшъ, колы ты въ поти чола скопаешъ грунтъ, вкладешъ у ёго зерно, польешъ гиркымы... колы дочекаешся врешти стебла и сповнышъ надією серце... и отъ тоди, розумієшъ, за одну ничъ выросте пышный бурьянъ, заглушыть стебло и колы прыйдешъ на сходи сонця—застанешъ лышъ мертве бадилля,—а! ты знаешъ, яка тоди пустка у серци?..

Очи въ Рустема блыщалы, губы тремтилы, винъ мало не плакавъ.

— Пойиду... Кажы, що стыдно, кажы, що хочешъ, а я не можу...

Винъ бигавъ по хати и середъ тышы луналы крокы, гучно й тривожно...

Раптомъ стукнулы двери.

— Хто тамъ?

То бувъ Бекиръ.

Влетивъ у хату якыйсь не свій, червоный, рáдисный и засоромленый. Щось хтивъ казаты и не знаходывъ сливъ. Ставъ биля дверей и дывывсь на Рустема.

Рустемъ зупынывся.

— Чого ты, Бекире?

Тоди Бекиръ зважывсь. Пидбигъ до Рустема й хвылюючысь та заикаючысь, почавъ кыдать слова, швыдко, безладно:

— Ч-чортъ його знае... Ты не ходы въ кавярню... Плюнь на эфенди Мухтара. Винъ каже... Я кажу: за що? Винъ каже: мени не треба такого слугы. Рустемъ гяуръ, невирный... На, каже, несы йому гроши, що заробывъ у мене... бачыты, каже, не хочу... Ахъ ты собаче вухо... Ахъ ты копыця гною!.. Такъ мени, знаешъ, кровъ й вдарыла въ очи. Ч-чортъ його знае... Я йому кынувъ гроши до-долу: несы соби самъ. Я бильше въ тебе не служу, бо и я такыхъ думокъ, якъ и Рустемъ!..

— Якъ ты сказавъ?

— Я кажу: я такыхъ думокъ, якъ и Рустемъ, хай тебе вхопыть шайтанъ зъ твоимъ багатствомъ!..

Вуха въ Бекира палалы якъ жаръ, голосъ тремтивъ одъ обурення и въ очахъ сталы слёзы.

Рустемъ не вирывъ. Чы жъ може буты?

— Ты такыхъ думокъ, якъ я? Ты такъ сказавъ йому въ вичи? Плюнувъ въ лыце? Ты втратывъ службу и все черезъ мене? Эй, слухай, ты!..

Рустемъ вхопывъ Бекира за плечи и дывывсь йому въ вичи, немовъ не вирывъ, що сёму правда.

— А щожъ твій Стамбулъ? Ты жъ не зибравъ ще грошей? Якъ ты пойидешъ?

Бекиръ мотнувъ головою й зневажлыво цмокнувъ.

— Ч-чортъ ёго знае!.. Я не пойиду. Отъ ты жъ не йидешъ... и Джіаферъ. Я буду зъ вамы .. Ч-чортъ ёго знае—мени зъ вамы найкраще...

Очи въ ёго сталы ще бильши и блыщалы одъ слизъ.

Рустемъ тремтивъ. Чувъ, що війшло щось у груды, велыке, радисне, тепле—и было въ серце, якъ хвыля...

— Джіафере, ты чуешъ? Ты чуешъ, Джіафере?—гукавъ.— Винъ такыхъ думокъ, якъ мы... Винъ нашъ. Покынувъ службу лышъ черезъ мене, винъ ставъ за мене, тоди якъ други... Ты чуешъ?

Джіаферъ осмихався.

— Ну, отъ бачышъ, зерно не все гыне, не скризь ёго глушыть бурьянъ. Та що тоби зъ того: ты жъ однаково йидешъ .. Бекиръ пидвивъ на Рустема здывовани очи.

Тоди Рустемъ вхопывъ Бекира за плечи и показуючы на Джіафера скрыкнувъ:

— А ты ёму не виръ... чуешъ, не виръ ёму... Я никуды не йиду...

И колы такъ стоялы вси трое, схвылёвани и радисни, у викна зъ надвору прылынувъ спивъ.

Жалибный, дыкый, роспучлывый спивъ минаретивъ.

Винъ лынувъ пидъ небо, падавъ на землю, бывся мижъ горамы, и плакавъ, и клыкавъ усихъ правовирныхъ прыйты до Аллаха, благаты рятунку...

М. Коцюбинський.

Переводъ П. А. Кулиша на украинскій языкъ манифеста 19 февраля 1861 года и Положенія о крестьянахъ.[1]

РОЗДІЛЪ ПЕРВИЙ.

Права підданихъ [2]), що вийшли зпідъ кріпацтва.

Голова перва.

Права що до чоловіка и до стану.

21). Піддані [3]), що вийшли зпідъ кріпацтва, зостаютця підъ спільнимъ правомъ ґражданськимъ, що до правъ и одбутківъ [4]) семянихъ. Тимъ самимъ піддані [5]) братимутця и семьямъ своімъ порядокъ даватимуть, безъ державського [6]) на те дозволу.

---

1) См. Кіев. Стар. № 2.

2) Крестьянъ.

3) Крестьяне.

4) Не лучше ли употребить слово „винности". Это слово употреблено въ этомъ смыслѣ ниже (см. стр. 33, ст. 58).

5) Крестьяне.

6) Поміщицького.

Прúписка. Пильнувати коло самихъ малолітківъ сиріть и іхъ добра повинні сельскі громади [1]). Назначати опекунівъ и старальниківъ, повіряти іхъ учинки и всякі инші такі справи чинити підданимъ [2]) своіми помістовними звичаями. Колибъ родичі малолітка постеригли, що громада въ своіхъ распорядкахъ робить що небудь на ёго втрату, такъ маютъ вони право до Мирового третёго [3]) вдатися.

22). Підданимъ [4]), и порозницею, и цілими громадамъ [5]), дозволено, по спільному праву, чинити всякі правні умови, обітності и підряди:

1) Зъ усякими людьми, по обопільнёму ладу, на які хотя гроші зъ одниі и другоі сторони.

2) Зъ скарбомъ [6]); тутъ не платять вони гильдійськихъ пошлинъ тілько за ті речи, чимъ піддані [7]) добуткують, и за держання оброчнихъ статей и поштовихъ коней, а беруть уставлене на торгъ свідчення, або платять суму, яка приходитця,—по всякихъ справахъ, по спільнёму праву вільнихъ сельскихъ землянъ (Св. Зак. 1857 р. Т. X. Ч. I Зак. Гражд. Кн. IV, Розд. III).

Приписка 1-а. Щобъ убезпечити умови и обітності зъ скарбомъ [8]), підданимъ [9]) вільно самостай одъ спільнихъ зарукъ, указанныхъ у праві, явити и поруки своіхъ громадъ по правиламъ на обітності въ умовахъ зъ скарбомъ (Св. Зак. 1857 р. Т. X. Ч. I. Зак. Гражд. кн. IV). Землі, що державці [10]) означили підданимъ [11]) у користування, ні въ якому разі не будуть служити

---

[1]) Общества.

[2]) Крестьянамъ.

[3]) Посредника.

[4]) Крестьянамъ.

[5]) Обществами.

[6]) Не лучше ли «казной?».

[7]) Крестьяне.

[8]) Казной.

[9]) Крестьянамъ.

[10]) Поміщики.

[11]) Крестьянамъ.

заруками въ умовахъ и обітностяхъ пiдданихъ [1]) зъ скарбомъ [2]), або зъ сторонніми людьми.

Приписка 2-а. Сільскимъ и волоснимъ старшинамъ не вільно, поки держять своі уряди, чинить съ підданими [3]) своеі волости обідності въ держанню оброчныхъ статей и въ одбуванню якихъ небудь одбутківъ.

23. Підданимъ [4]), що вийшли зпідъ кріпатцтва, даетця право, вільно зъ іншими сельскими землянами, аби тілько виконали правила, уставлене въ спільнёму праві и въ сему Уставі:

1) Чинити вільний торгъ, дозволений підданимъ [5]) безъ торговихъ свідчинь и пошлинъ (Св Зак. 1857 р. Т. XI Ч. 2 Уст. Тор, арт. 295—298, 349—356 и 358).

2) Заводити и держати по правнимъ правиламъ, фабрики и всякі добуткові торгові и ремесні заходи (Св. Зак. 1857 р. Т. X., Ч. 2 Уст. Торг., арт. 335, 349—356, и Уст. Фабр., арт. 48).

3) Записуватись у цехи; ремествувати по своіхъ селахъ и продавати свою роботу и въ селахъ и въ городахъ (Св. Зак. 1857 р. Т. XI, Ч. 2 Уст. Торг., арт. 356).

4) Входить въ гилдіі, у торгові розряди и въ згідні зъ ними підряди (Св. Зак. 1857 р. Т. XI. Ч. 2. арт. 234, 238—244 и 251—255).

Приписка. Правила, якъ заводити ново всякі добуткові заходи въ осадахъ, которихъ піддані [6]) ще не викупили, прописані въ Помістовнихъ Уставахъ.

24. Підданимъ [7]) даютця отъ які права въ позвахъ, жалобахъ, речництві и суді:

---

[1]) Крестьянъ.

[2]) Казной.

[3]) Крестьянами.

[4]) Крестьянамъ.

[5]) Крестьянамъ.

[6]) Крестьяне.

[7]) Крестьянамъ.

1) у справахъ гражданськихъ: отшукувати своі права, починати позви и справи и одвітувати за себе, або облично, або черезъ повіренихъ, а такожъ бути повіреними у підданихъ [1]) своеі громади и въ людей сторонніхъ.

2) у справахъ криминальнихъ и полиційськихъ: подавати жалоби и оберегати своі права усіма правними способами, облично и черезъ повіренихъ, у тихъ случаяхъ, коли въ криминалахъ довіренному вільно правуватися; и

3) бути свідітелями и поруками, по спільнимъ справамъ.

Приписка 1-а. У справахъ підданськихъ [2]) громадъ [3]) вільно речникувати, на правахъ повіренихъ тілько людямъ, которихъ громадська рада [4]) на те змоцнила.

Приписка 2-а. Хочъ по сёму артикулу піддані [5]) на дальші, послі ознайми сёго Уставу, часи мають право позва и жалоби и на стороннїхъ людей и на державця землі, де вони сажені; а про те заказуетця підданимъ [6]) починати пізви и сутяги у такихъ діяхъ и порядкахъ державськихъ [7]), которі сталися до ознайми сёго Уставу по тогочаснихъ кріпацькихъ стосункахъ, опрічъ случаівъ, указанихъ въ арт. 32-му.

Приписка 3-я. Грошові стяганки съ підданихъ [8]) чинити, прилагожуючись до правилъ, уставленихъ Св. Зак. 1857 р. Т. XII ч. 2 Уст. благоустр. скарб. [9]) сел. въ артикулахъ 384—407-му. Продаючи добро підданське [10]) на вгонобу стягання, перше всёго и вповні добутими грішми вгонобляютця недобори въ скар-

---

[1]) Крестьянъ.

[2]) Крестьянскихъ.

[3]) Обществъ.

[4]) Вирокъ.

[5]) Крестьяне.

[6]) Крестьянамъ.

[7]) Помѣщицьихъ.

[8]) Крестьянъ.

[9]) Казны.

[10]) Крестьянъ.

бовихъ [1]) и державськихъ [2]) одбуткахъ, а такожъ у мирськихъ поплаткахъ, а тамъ уже и инші стягання, якъ до якого позву.

25. Підданихъ [3]) ніякъ не карати, тілько по судовому вироку, або по правному распорядку зверхниківъ, що надъ ними поставлені одъ уряду, чи одъ громади.

26. Підданимъ въ сутягахъ и зводахъ міжъ себе, правитись судовимъ порядкомъ. Самостай того, вільно імъ на розсудини вдаватись до державця [4]), на чиій землі осажені, коли самъ державець [5]) и обидві сторони сутяжні на те згодятця. У такому случаі на вирокъ державський не вільно вже жалуватысь и такий вирокъ повиненъ виконатись.

27. Про такі случаі, коли піддані [6]), чи хто самъ по собі, чи усією громадою, змоцнять на речництво у своіхъ справахъ державцівъ, на чиіхъ земляхъ вони осажені, віри такі пишутця на простому папері і свидчить іх Мировий третій [7]) уставленимъ порядкомъ.

28. Державцеві [8]), ради оборони підданнихъ [9]), осаженихъ на его землі, и безъ особного на те одъ іхъ змоцення, вільно бути при розвідахъ, що чинятця надъ підданими [10]) у справахъ объ провинностяхъ и злочинствахъ, або де вони замішані, и користуватись тутъ правами, указаними Св. Зак. 1857 р. Т. XV, кн. 2, судопр. угол. въ арт. 152 и 153-му и т. II, ч. I. Прил. къ Общ. Губ. Учр. арт. 4013 (прод.) и по 4-му прод. № 2 Учр. Суд. Слѣд. арт. 24; такожъ брати въ сихъ речахъ справки въ По-

---

[1]) Казенныхъ.
[2]) Помѣщичьихъ.
[3]) Крестьянъ.
[4]) Помѣщика.
[5]) Помѣщикъ.
[6]) Крестьяне.
[7]) Посредникъ.
[8]) Помѣщику.
[9]) Крестьянъ.
[10]) Крестьянами.

вітовихъ и Губерськихъ Установахъ тиі губерніі, де сі піддані [1]) живуть.

29. Піддані, [2]) що выйшлы зъ-пидъ кріпацтва, яко вільні сільскі земляне, осягають тежъ права стану отъ які:

1) по правиламъ, прописанимъ у сёму Уставі, мають голосъ на радахъ [3]) у радніхъ вирокахъ и виборахъ; такожъ мають право держати по виборамъ усякий громадський урядъ, уставлений правомъ;

2) приписуватись у другі стани и громади [4]), по правиламъ, прописанимъ у сему Уставі, а такожъ, своёю охотою, ити въ військо и найматись у рекрути, по спільнёму праву про сільскихъ землянъ;

3) одлучатись изъ своіхъ домівокъ, виконуючи при сёму правила, уставлені спільнимъ правомъ и симъ Уставомъ.

4) оддавати дітей своіхъ у спільні школи и йти на учебну, учену и межеву службу, по правиламъ, уставленимъ про сю ричъ для вільнихъ податковихъ людей, по одпускнимъ свідченнямъ, зъ виписомъ зъ подушного окладу. (Св. Зак. 1857 р. Т. Ш. Уст. о Служ. отъ Прав. арт. 60—63, 69, 73—75, 77 и 81; Т V, Уст. о Под. арт. 316—320, и Т. X, Ч. 3. Зак Меж. арт. 267, и по Прод. Ш. № 1 прип. до арт. 271).

30. Піддані [5]) теряють права стану або часть іхъ тілько по суду або вироку громади [6]), стверженому такъ, якъ уставлено въ сёму Уставі.

---

[1]) Крестьяне.
[2]) Крестьяне.
[3]) Сходахъ
[4]) Общества.
[5]) Крестьяне.
[6]) Общества.

Голова друга.

Права що до добра.

31. Після ознайми сёго Уставу, підданимъ [1]) оставляетця іхъ осадню селидьбу, доки вони не набудуть іі у власність, по правиламъ, визначенимъ въ Уставі про те, якъ викуповувати підданимъ [2]) осадне займище и яку допомогу чинитиме імъ урядъ до набутку у власність полёвихъ угіддівъ. Усе рухоме добро підданихъ [3]) якъ-оть: домашній и робочий скоть, пахарська приправа и инше, по сили уставленного права, все то властність підданихъ [4]), а громадські іхъ гроши и громадські жъ хлібні засоби—властність підданськоі громади [5]).

32. Землі, хати и огуломъ усяке нерухоме добро, що набули піддані [6]) у предсі часи на имя державцівъ [7]), оддаютця підданимъ и іхъ наслідникамъ навіки, якъ перепишуть на іхъ сі добра сами державці [8]), або якъ вирече такъ мирова установа, обпіраючысь на особні правила, тутъ надруковані [9]).

33. Усякому підданому вільно набувати у власність нерухомі и рухомі добра, а такожъ и збувати іхъ, оддавати у заставу и огуломъ обертати іхъ якъ хотя, виконуючи тільки спільни устави про сю ричъ для вільнихъ сельскихъ землянъ.

34. Сильскій громаді [10]) вільно такожъ по спільному закону набувати у власність рухомі и нерухомі добра. Землями, набу-

---

[1]) Крестьянамъ.

[2]) Крестьянамъ.

[3]) Крестьянъ.

[4]) Крестьянъ.

[5]) Крестьянскаго общества.

[6]) Крестьяне.

[7]) Поміщиківъ.

[8]) Поміщики.

[9]) Значитъ напечатаны, а не приложены.

[10]) Обществу.

тими у власність, самостай свого наділу, вільно громаді[1]) орудовати по своій уподобі, ділити іх по між господарями и оддавати всякому ділницю у особизну власність, або зоставляти сі землі въ спільнёму користуванні усіхъ господаривъ.

35. Право на користування спільною власностю, що набула громада[2]), усякому громадянинові вільно зособна передати стороннёму чоловікові не инаково, якъ за згодою миру[3]).

46. Усякому сельскому громадянинові вільно жадати, щобъ изъ землі, набутоі у громадську власність, виділили ёму у особизну власність ділницю въ такій мірі, въ якій вінъ причинився до набутку тоі землі. Коли не зъ руки, або и зовсимъ не можна буде вволити волю громадянина, то громаді[4]) сплатити ёму за ділницю грішми, по обопільнёму ладу, або по осумованню.

Приписка. Зводи въ такихъ случаяхъ розбіратиме повітова мирова рада[5]).

37. Набутими у власність, по 11 и 12-му артикуламъ сёго уставу, землями підданського[6]) наділу и викупленними осадами піддані користуватимутця и орудуватимуть, якъ своімъ добромъ, по правиламъ, прописанимъ у передніхъ артикулахъ (33, 34, 35 и 36), виконуючи ті правила, по которимъ набуті осади и земли, и у всякому случаі зъ тимъ запиномъ, що въ перві десять[7]) рокивъ, після того якъ сей Уставъ стверженo, реченихъ земель не вільно збувати або заставляти стороннимъ не громадськимъ людямъ; а про те не боронитця передавати и заставляти такі землі своімъ громадянамъ.

---

[1]) Обществу.

[2]) Общество.

[3]) Громады.

[4]) Обществу.

[5]) Съѣздъ.

[6]) Крестьянскаго.

[7]) Девять—это чрезвычайно важная опечатка.

Приписка. Якимъ порядкомъ користуватись и обертати землі підданського[1]) наділу, що набудуть піддані[2]) у власність, съ підмогою одъ уряду, про те доскональнѣ виречено въ уставі про те, якъ мусять піддані[3]) викуповувати осадне займище (селидьбу) и яко урядъ допомагатиме імъ набувати у власність полёві вгiддя.

38. Кому повинні доставатися спадки—про те вільно підданимъ[4]) порядкуватися по своімъ помістовнимъ звичаямъ.

39. Добро, що зостанетця після підданихъ,[5]) которіи вмерли безъ наслідниківъ (пустизна), обертати на користь тиі громади[6]) сільскоі, у чиіхъ границяхъ воно буде.

РОЗДІЛЪ ДРУГИЙ.

Упорядкования сільскихъ громадъ и волостей, и громадське іхъ урядовання.

Голова перва.

Складъ сільскихъ громадъ и волостей.

40. Сільска громада[7]) складуетця съ підданихъ[8]), осаженихъ на землі одного державця:[9]) у громаді[10]) буде або усе село, чи хутіръ[11]), або одна частина ёго, якъ що воно не одного державця[12]), або и двое, трое и більше невеличкихъ, скілько можна

---

[1]) Крестьянскаго.

[2]) Крестьяне.

[3]) Крестьяне.

[4]) Крестьянамъ.

[5]) Крестьянъ.

[6]) Того общества.

[7]) Общество.

[8]) Крестьянъ.

[9]) Помѣщика.

[10]) Въ обществѣ.

[11]) ?

[12]) Помѣщика.

суміжнихъ и, у всякому случаі, найближчихъ до себе селъ (чи то виселківъ, починківъ, хуторівъ, застінкивъ, односілокъ, або особніхъ дворівъ и инш. так.), которі користуютця спільно або всіма, або де-которими вгіддями, або жъ мають инші спільні вигоди господарскі.

41. Підданимъ [1]) тихъ державъ [2]), де не бильшъ двадцяти ревизькихъ чоловічихъ душъ, коли піддані [3]) сі живуть у сели чи хуторі не одного державця [4]), або хочъ и въ особніхъ різнодержавськихъ [5]) поселкахъ, а не далеко одні одъ однихъ, купитись въ одну сільску громаду [6]), або приписуватись до другихъ громадъ [7]), за ихъ згодою.

42. Волості складаютця изъ сільскихъ громадъ [8]) одного повіту и, скілько мога, суміжнихъ. Куплячись у волості, сільскимъ громадамъ [9]) не розризнятця.

43. Щобъ була волость, треба найменшъ до трёхъ сотъ чоловічихъ душъ, а найбильшъ до двохъ тисячъ. Одъ середини урядовання найдальші села чи хуторі [10]) щобъ були не дальшъ дванадцяти верстовъ.

Приписка. У тихъ сторонахъ, де такъ мало людей, що на реченій обширі не буде и 300 душъ підданихъ [11]), або тамъ, де, навпаки, на невеликій обширі скупилось більше 2000 душъ, можно и виступити съ попередъ-реченого правила, зъ дозволу губернаторивъ.

---

[1]) Крестьянамъ.

[2]) Не лучше ли употребить слово «маетность».

[3]) Крестьяне.

[4]) Поміщика.

[5]) Ризнопомістнихъ.

[6]) Общество.

[7]) Обществъ.

[8]) Обществъ.

[9]) Обществамъ.

[10]) ?

[11]) Крестьянъ.

44. Волості складуются, по поділу на парафиі, чи то: изъ усякоі парафиі робити волость, коли тілько парафия підходить підъ правила переднёго артикулу. Коли парафия мала, то скупити у одну волость дві або и більше парафий; а про те парафиямъ не розрізнятця.

Приписка. Можна, зъ дозволу губернатора, виступити зъ прописанихъ вище правилъ, тілько въ тихъ случаяхъ, якъ що, по містовнимъ причинамъ, лучитця яка велика перегорода іхъ виконати.

45. Велике село, чи хутіръ у всякому случаі буде волостю, хочъ би въ ёму було и більшъ людей надъ найбільшу міру, назначену на волость, и хочъ би въ ёму була не одна парафия и не одна сільска громада [1]).

Голова друга.

Сільске [2]) громадське урядовання.

46. Сільске громадське урядовання складують:

1) Сільска рада [3]) и

2) Сільский староста.

Надто громадамъ [4]), коли притьмомъ того захочуть, вільно мати: особнихъ податковихъ сбірщиківъ; дозорцівъ хлібнихъ засобівъ, шкілъ, шпиталівъ; лісовихъ и полевихъ сторожівъ; сільскихъ писарівъ и [illegible] так.

Підголовокъ первий.

Про сільскі ради [5]).

---

[1]) Общество.

[2]) Общественне.

[3]) Сходъ.

[4]) Обществамъ.

[5]) Сходи.

47. Сільска рада [1]) складуется съ підданихъ [2])—господарівъ сільскоі громади [3]) и, надто, изъ усіхъ сільскихъ урядовихъ людей, назначенихъ по вибору. Господареві, про случай одлучитця, захворіе и огуломъ не зможе облично прийти на раду [4]), не заборонено присилать замість себе кого-небудь изъ своеи семъі; зъ дворів же, де не одно тягло, вільно присилати двохъ и бильшъ, коли те згідно зъ помістовнимъ звичаемъ.

Приписка 1-а. У сільскихъ радахъ [5]) мають голосъ и ті, що набули своі ділниці у власність (земляне-господари) [6]); вони подаватимуть голосъ на радахъ [7]) у всіхъ речахъ, які до іхъ сягають, якъ-отъ: у роскидкахъ скарбовихъ [8]) податківъ и одбутківъ, земськихъ и громадськихъ, въ обрахуванні мирськихъ [9]) потребизнъ и користей, у виборахъ урядовихъ людей и так. инш., а не втручатимутця въ справи, которі сягають стосунківъ громади [10]) и съ державцемъ [11]) за землю, що одзначена на громадське [12]) користуванне.

Приписка 2-а. Не мають голосу на раді [13]) такі піддані, которихъ висліжують або судять за такі злочинства або провинності, що мусить чоловікъ втеряти всі особні права и привилеі, надані ёму облично и ёго стану (Свод. Зак. 1857 р. Т. XV, кн. 1, Улож. о наказ. арт. 47), або жъ которихъ оддано підъ громадське дозирання судніми вироками.

---

[1]) Сходъ.
[2]) Крестьянъ.
[3]) Общества.
[4]) На сходъ.
[5]) Сходахъ.
[6]) Крестьяне-собственники.
[7]) Сходахъ.
[8]) Казенныхъ.
[9]) Громадськихъ.
[10]) Общества.
[11]) Поміщикомъ.
[12]) Общественное.
[13]) Сході.

48. Староста матиме перве місто на сільскій ради [1]) и доглядатиме звичайного порядку. Якъ же ради збіраютця: 1) повіряти урядовихъ людей и 2) розбірати жалоби на нихъ—въ такихъ случаяхъ перве місто отдаетця, волосному старшині.

49. Сільску раду [2]) ззивати про нужду, старості передорічъ по неділяхъ и празникахъ.

50. Мировий третій [3]), якъ лучитця нужда, тежъ звелить старості, або иншому урядовому чоловікові, зібрати сільску раду [4]). Се право оддаетсяи державцеві [5]), якъ схоче вінъ иноді зібрати раду [6]).

51. Сільска рада [7]) мае права:

1) вибірати сільскихъ урядовихъ людей и назначати виборнихъ на волосну раду [8]);

2) вирекати, щобъ изъ громади [9]) одлучати шкодливихъ и ледачихъ громадянъ; однімати въ підданихъ [10]) дочасово голосъ на раді [11]), не довше, якъ на три роки;

3) виписувати изъ громади [12]) громадянъ и приймати новихъ;

4) назначати опекунівъ и старальниківъ [13]), повіряти іхъ справування;

4) розвязувати семъяні поділки;

---

[1]) Сільскому сході.

[2]) Сходъ.

[3]) Посредникъ.

[4]) Сходъ.

[5]) Поміщику.

[6]) Сходъ.

[7]) Сходъ.

[8]) Сходъ

[9]) Общества.

[10]) Крестьянъ.

[11]) Сході.

[12]) Общества.

[13]) Попечителей.

6) чинити справи про громадське користування мирською землею, якъ-отъ: переділъ земель *на вічисті* [1]) ділниці и всякі такі речи;

7) въ користвованні землею ділницями або подвірно (спадкомъ), орудовати ділницями мирскоі [2]) землі, которі якимъ-небудь припадкомъ стоять пустизною и ніхто іми подвірно не користуетця;

8) радуватись и речникувати про громадські потребизни, про порядкування, доглядъ и науку письменства;

9) подавати куди треба жалоби и супліки [3]) про громадські справи черезъ особнихъ виборнихъ;

10) назначати накиди [4]) на мирські [5]) трати;

11) роскидати всі накинуті на підданихъ [6]) скарбові [7]) податки, земські и мирські [8]) грошові поплатки [9]), а такожъ земські и мирські [10]) натуральні одбутки, и порядкувати лічбою въ реченихъ податкахъ и поплаткахъ.

12) повіряти урядовихъ людей, що обрала сільска громада [11]) и назначати імъ плату або иншу за службу нагороду;

13) порядкувати въ рекрутському одбутку, скілько та річъ до сільскоі громади [12]) сягае;

---

[1]) Невѣрно.

[2]) Громадськоі.

[3]) Теперь въ Малороссіи никто этого слово не пойметъ; оно вытѣснено русскимъ словомъ: „прошеніе“.

[4]) ?

[5]) Громадські.

[6]) Крестьянъ.

[7]) Казенні.

[8]) Громадські.

[9]) ?

[10]) Громадські.

[11]) Общество.

[12]) Общества.

14) роскидувати оброкъ и робочий одбутокъ по тяглахъ, по душахъ, або иншимъ якимъ звичаемъ, тамъ, де одбутки на державця одбуваютця за круговою порукою всеі громади [1])

15) добірати способівъ, якъ недопускати до недоборівъ и якъ стягати іхъ;

16) назначати позички изъ засобнихъ сільскихъ складівъ и всяку допомогу

17) давати умоцювання на речництво въ громадськихъ справахъ, и

18) справуватися у всіхъ тіхъ случаяхъ, якъ по спільнёму праву и по правиламъ уставівъ про підданихъ [2]), треба развязувати справу за згодою сільскоі громади [3]).

Приписка 1-а. Речи, прописані въ пунктахъ 6 и 14-му и злучені зъ спільнімъ користуваннямъ землею, не підвладні [4]) сільскимъ радамъ [5]) у тихъ сторонахъ, де есть діленичне або подвірне (спадкове) користування землею. Такожъ само рахувати ті жъ речі не мають права люде, що виділились изъ громадського користування землею.

Приписка 2-а. Въ сільскихъ громадахъ [6]), де инші господарі платятъ оброкъ, а инші одбувають одбутокъ роботою, и тимъ и сімъ даетця право, окроме спільнёі сільскоі ради [7]), сходитись, підъ гулящий часъ, особе на малі ради [8]), щобъ обрахувати речі, которі вилучно сягають до оброку або до робітнёго одбутку, що одбуваетця порозницею

Приписка 3-я. Сільскій раді [9]) вільно радитись и вирекати вироки тілько въ речахъ, що прописані въ сёму артикулі.

---

[1]) Общества.

[2]) Крестьянъ.

[3]) Общества.

[4]) NB. Невѣрно.

[5]) Сходамъ.

[6]) Обществахъ.

[7]) Схода.

[8]) Сходы.

[9]) Сходу.

Коли жъ рада [1]) радитиметця и виречe вирокъ у речахъ, ій не підвладнікъ [2]), то вирокъ не матиме сили, а люде, що ёго вирекли, чи самохіть изозвали раду [3]), або одвічатимуть за те по вироку Мирового Третёго [4]), або підуть підъ судъ.

52. Вироки у сільскихъ радъ [5]) мають правну силу тілько тоді, якъ на радахъ [6]) були: сільский староста або ёго наказний и не меншъ якъ половина всіхъ підданихъ [7]), которі мають голосъ на раді [8]), и якъ сягають вони речей, переліченихъ въ 51-му артикулі.

53. Всі справи на сільскій раді [9]) розвязувати або по спільнёму ладу, або перевагою голосівъ. Усякий підданий [10]), хто прийде въ раду [11]), матиме одинъ голосъ.

54) На розвязъ нижче прописанихъ речей треба згода не менше, якъ двохъ третинъ усіхъ підданихъ [12]), що мають голосъ на раді: [13])

1) про переміну громадського користування землею на діленичне або подвірне (спадкове);

2) про розділъ мирськихъ земель на вічисті спадкові [14]) діляниці;

3) про переділи мирськоі землі;

---

[1]) Сходъ.

[2]) Невѣрно.

[3]) Сходъ.

[4]) Посредника.

[5]) Сходівъ.

[6]) Сходахъ.

[7]) Крестьянъ.

[8]) Сході.

[9]) Сході.

[10]) Крестьянинъ.

[11]) На сходъ.

[12]) Крестьянъ.

[13]) Сході.

[14]) ?

4) про установу мирськихъ доброхітнихъ складокъ и обертання мирськихъ грошей, и

5) про одлучання ледачихъ підданихъ [1]), изъ громади [2]) и оддачу іхъ на волю Уряду.

Приписка. Вироки про одлучання підданихъ [3]) изъ громади [4]), поки ще не введено въ діло, подаватиме староста Мировому Третему [5]) (арт. 617).

55. Инші справи декретуютця на радахъ [6]) по вироку тихъ підданихъ [7]), на чий стороні, по лічбі, буде хочъ однимъ голосомъ більше половини всіхъ радовничихъ [8]); якъ же роспадетця рада [9]) на дві часті, рівні лічбою голосівъ, то перевага буде на тій стороні, съ которою згодитця староста.

56. Голоси збіраютця або переділивши раду [10]) на дві сторони и лічучи голоси у тій и въ сій стороні, або жъ иншимъ способомъ, який въ которій громаді звичай.

57. Вироки сільскоі ради [11]) въ речахъ, висловленнихъ въ арт. 54-му, пишутця въ особу книгу. Вироки въ инших речахъ пишутця туди тілько тоді, якъ звелить рада [12]). Для папірнихъ вироківъ ради [13]) не уставляетця ніякоі особнёі форми.

---

[1]) Крестьянъ.

[2]) Общества.

[3]) Крестьянъ.

[4]) Общества,

[5]) Посреднику.

[6]) Сходахъ.

[7]) Крестьянъ.

[8]) Радовничий невѣрно. Это слово значитъ участвующій въ совѣщаніи, а не участвующій въ сходахъ.

[9]) Сходъ.

[10]) Сходъ.

[11]) Схода.

[12]) Сходъ.

[13]) Схода.

Підголовокъ другий.

Винності старости и иншихъ сільскихъ урядовихъ людей.

58. У громадськихъ справахъ сільскому старості, не виступаючи зъ гряниць сільского громадського урядовання, виконувати отъ які винності:

1) ззивати и роспускати сільску раду [1]) и доглядати звичайного на ій порядку;

2) подавати на обрахування ради [2]) всі справи, которі сягають до нуждъ и користей сільскоі громади; [3])

3) виконувати вироки сільскоі ради [4]), распорядки волосноі управи и мировихъ установъ.

4) дозирати, щобъ цілі були межі и межові знаки на земляхъ, которими піддані [5]) користуютця або володіють;

5) дозирати, щобъ у порядку були дороги, мости, гаті, перевози и инше таке на земляхъ, одзначенихъ сільскоі громаді [6]) у наділъ, або на тихъ, що набули піддані у власність.

6) дозирати, щобъ піддані [7]) добре одбували податки и всякі одбутки, чи то казенні, земські и мирські, чи то оброки або робітній одбутокъ на державця [8]), и збірати сі податки и оброки у тіхъ громадахъ [9]), де не буде особніхъ збірщиківъ;

7) Примушувати підданихъ до виконання умівъ и договорівъ одного зъ однимъ, або зъ державцемъ [10]) и сторонніми людьми, коли сами піддані [11]) не змагаютця за такі договори,

---

[1]) Сходъ.
[2]) Схода.
[3]) Общества.
[4]) Общества.
[5]) Крестьяне.
[6]) Обществу.
[7]) Крестьяне.
[8]) Поміщика.
[9]) Обществахъ.
[10]) Поміщикомъ.
[11]) Крестьяне.

8) доглядати порядку въ школахъ, шпиталяхъ и иншихъ громадськихъ заводахъ, коли все те заведено коштомъ громадськимъ;

9) дозирати, щобъ у свій часъ компонувалися ревизькі реестри [1]), и подавати іхъ куди треба;

10) коли піддані [2]) просять собі уставленихъ білетівъ и пашпортівъ на одлучку або на вихідъ зовсімъ изъ громади [3]), то ёму завіряти, якъ слідъ, волосного старшину, що нема перегороди до виходу реченихъ підданихъ. [4])

11) заправляти по громадському порядку мирскимъ [5]) господарствомъ и мирскими [6]) скарбами [7]); доглядати, щобъ цілий бувъ запасний громадський хлібъ и щобъ порядкували нимъ по правді; и

12) оберегати одъ рострати те добро недбалихъ оплатниківъ, которе вбезпечае зиски недобору.

59. Поки піддані [8]) стоять у обічнихъ [9]) стосункахъ зъ державцемъ [10]), на чиій землі вони осажені, сільский староста мусить підданихъ [11]), що одбувають робітній одбутокъ, висилати на роботу, а зъ оброчнихъ стягувати оброкъ, яка буде воля державця [12]), згідня съ правилами Помістовихъ Уставівъ, и огуломъ

---

[1]) Сказки.

[2]) Крестьяне.

[3]) Общества.

[4]) Крестьянъ.

[5]) Громадськимъ.

[6]) Громадськими.

[7]) Не лучше ли употребить слово: «грішми».

[8]) Крестьяне.

[9]) Обязательныхъ.

[10]) Поімщикомъ.

[11]) Крестьянъ.

[12]) Помішика.

безъ проволоки виконувати правні жадання державця [1]), згідно зъ виданими Уставами про підданихъ. [2])

60. Сільскій староста виконуе всі прикази волосного старшини по справамъ полиційского роспорядку [3]), висловленимъ у арт. 83-му. Надто, не дожидаючись приказу, староста повиненъ, у границяхъ своеі громади [4]):

1) добірати якихъ треба способівъ до захования доброго порядку и вбезпечення людей и іхъ добра одъ злочинства и такожъ, щобъ не було спашу въ збіжі и въ травахъ, щобъ не було пожежі и порубу въ гаяхъ [5]);

2) задержувати волоцюгъ, утікачівъ и військовихъ дезертирівъ и передавати іхъ земській полиції на дальшу росправу;

3) порядкувати підмогою въ надзвичайнихъ случаяхъ, яко отъ прикладомъ: у пожежахъ, повіддяхъ, повальнихъ хоробахъ, поморі бидла и въ инщихъ громадськихъ злигодняхъ, безъ проволоки, сповіщаючи волосного старшину, а якъ потреба вкаже доносючи просто й полиції про головнійші випадки въ сільскій громаді [6]).

4) На случай якого злочинства, попереду чинити дознання, задержувати виноватого [7]) и оберегати признаки злочинства, поки прибуде земська полиція або судній слідовникъ.

61. У речахъ, що висловлені въ переднёму артикулі, сільский староста повиненъ, не гаявши часу, виконувати всі правні жадання державця, [8]) згідно съ правилами, висловленними въ арт. 150-му сёго уставу.

---

[1]) Поміщика NB. Пропущено: «подъ личною отвѣтственностью».

[2]) Крестьянъ.

[3]) ?

[4]) Общества.

[5]) Гай—роща, а не лѣсъ. Ниже въ стр. 68-й переводчикъ передаетъ слово: «лѣсной сторожъ» не гаевий, а лісовий.

[6]) Обществѣ.

[7]) ?

[8]) Поміщика.

62. Сільскому старости підвладні [1]) всі, хто живе на земляхъ, одзначенихъ сільскій громаді [2]) у надилъ, або на такихъ, що набули піддані у власність, люде податкового стану, а також отставні и безрочно-отпускні військові чини и іхъ семьі.

Приписка. Виймаютця зъ сёго тілько ті люде, що служать у державцівъ, и инші, которі живуть у іхъ осадахъ: сі просто підвладні земській полиціі. Коли такі люде вчинять яки непорядки въ селі на підданськихъ [3]) земляхъ, то староста передае виноватихъ державцеві [4]); якъ же вчинять вони криминалъ або велике злочинство [5])—тіко полиціи, спільнимъ порядкомъ.

63. Сільский староста повиненъ безперечно виконувати всі правні жадання мирового третёго, [6]) суднёго засідателя [7]), земскоі полиціі и всіхъ уставленихъ урядівъ въ речахъ імъ підвладніхъ.

64. Сільскому старости даетця право за малі провинності підвладніхъ [8]) ёму людей назначати на громадськи роботи не більшъ, якъ на два дни. Хто вважатиме, що ёго покарано неправедно, той нехай жалуетця, не пропускаючи семи днівъ, мировому третёму [9]).

65. Сільский староста, въ виконанню справъ дуже великихъ, именно: якъ чинитиме обличну кару, чи то полиційську, чи то виречену громадськовою радою, [10]) якъ робитиме обиськъ у піддансь-

---

[1]) Невѣрно: підвладний—значитъ подвластный.

[2]) Обществу.

[3]) Крестьянскихъ.

[4]) Поміщику.

[5]) ?

[6]) Слідовника. NB. Выше судебный слѣдователь переведемъ судний слідівникъ, а здѣсь засѣдатель.

[7]) Посредника.

[8]) Невѣрно.

[9]) Посреднику.

[10]) Крестьянскимъ судомъ чи сходомъ.

кому [1]) домі або оселі, якъ кого задержить або візьме підъ сторожу, якъ братиме одъ сбірщика и тратиме мирські гроши и якъ оддаватиме оброчну плату державцеві [2]), повиненъ неодминнно взяти до себе двохъ свідківъ, передоричъ изъ старихъ людей сільскоі громади. Те жъ правило, скілько можна, виконуетця и якъ попередъ всёго чинять дознання въ провинностяхъ и злочинствахъ.

Приписка. На случай, якъ сільска громада [3]) буде мала, або якъ у селі обліčъ мало підданихъ, старості дозволяетця вимагати для сеі речі свідківъ изъ ближчихъ громадъ [4]).

66. Коли въ волості тілько одна сільска громада, [5]) тоди винності старости виконувати волосному старшині. Въ такому разі обірати *помошника старшини*, одного, двухъ або трёхъ, по громаді [6]). Вони помагатимуть старшині виконувати всі ёго винності и послухатимуть [7]) ёго самого.

67. Сбірщикъ податківъ повиненъ:

1) збірати накинуті на підданихъ податки, оброки на державця [8]) и всі уставлені грошові поплатки, а також и недобори у тихъ поплаткахъ;

2) лічити які треба гроші;

3) дозирати, щобъ усякий господарь платівъ скілько зъ ёго впадае безъ недобору;

4) берегти що зобрано зъ підданихъ [9]) податківъ, поплатокъ и оброківъ, поки оддасть іхъ кому треба у тому місті и тимъ звичаемъ, якъ вирече *громада на радахъ* [10]);

---

[1]) Крестьянскому.
[2]) Поміщику.
[3]) Общество.
[4]) Обществъ.
[5]) Общество.
[6]) Обществу.
[7]) NB. Не точно.
[8]) Поміщика.
[9]) Крестьянъ.
[10]) Сходъ.

5) оддавати въ повітову скарбовню[1]) податки и оброки и брати уставлені квітки[2]).

6) Здавати на радахъ[3]) лічбу грошей, що зобрани зъ підданихъ[4]).

7) відомо чинити радамъ[5]) про неплатниківъ, щобъ добрано способу, якъ зъ нихъ стягти недобори, и

8) роздавати всімъ господарямъ окладні книжки, або карби, або які инші знаки, на одзначъ, що збірщикъ гроши зібравъ, згідно зъ громадськимъ звичаемъ.

68. Винності *всіхъ инщихъ урядовихъ людей*, якъ отъ: дозорцівъ хлібнихъ складівъ, шкілъ и шпиталівъ, лісовихъ и полёвихъ сторожівъ, сільскихъ писарівъ и инш. так. виречені вже самими назвали урядівъ.

Голова третя.

Волосні урядовання.

69. Волосне урядовання складують:

1) Волосна рада[6])..

2) волосний старшина зъ волоснимъ правленіемъ,

3) волосний підданський[7]) судъ.

2) волосній раді[8]) збіратися, а волосному правленію и волосному судові мати свое місто передоричъ у тому сели, де есть церква парафияльна, коли у волості всёго тілько одна парафія; коли-жъ инше, то въ тому селі, которе буде посередыні волости, або въ которому людей найбільше, або торги и добутки найбільші.

---

1) Слова «повітова скарбовня» никто въ Малороссіи не пойметъ.

2) Квитанціи.

3) Сходахъ.

4) Крестьянъ.

5) Сходамъ.

6) Сходъ.

7) Крестьянскій.

8) Сходу.

Підголовокъ первий.

Волосні ради [1]).

71. Волосну раду [2]) складують сільскі и волосні урядови люде, по вибору (прописані вони въ арт. 112-му) и піддані [3]), которихъ вибірають одъ усякого села або поселка, що тягне до волости, по одному одъ *десяти* дворівъ и изъ тихъ, що користуютця землею за одбутки, и изъ тихъ, що набули ділниці у власність.

72. Отъ поселка, виселка, хутора, починка, застінка, односілля и инш., де менше десяти дворівъ, вільно посилати на волосну раду [4]) по одному виборному.

Приписка. У губерніяхъ Виленській, Волинській, Гродненській, Киівській, Ковенській, Минській и Подольскій, а також у повітахъ Динабурському, Дризенському, Люцинському и Ріжицькому губерніі Витебськоі, наймитамъ и бурлакамъ [5]) вільно посилати на волосну раду [6]) по одному виборному одъ усякихъ *двадцяти* дорослихъ парубківъ.

73. У справахъ рекрутського одбутку вільно подавати голосъ на радахъ підданимъ [7]), що мусять ёго одбувати, ихъ батькамъ або тимъ, хто іхъ зростивъ.

74. Тамъ, де въ волості одна тілько сільска громада [8]) замість волосноі ради [9]) буде сільска. У такому случаі до речей підвладнихъ сільскій раді [10]) и прописанихъ у арт. 51-му, дода-

---

[1]) Сходъ.

[2]) Сходи.

[3]) Крестьяне.

[4]) Сходъ.

[5]) NB. Не лучше ли употребить слово: бобіль.

[6]) Сходъ.

[7]) Сходахъ крестьянамъ.

[8]) Общество.

[9]) Схода.

[10]) Сходу.

ютця и всі огуломъ речі підвладні волоснимъ радамъ [1]) и визначені въ арт. 78-му сёго Уставу.

75. Изъ підданихъ, шо мають голосъ у волосній раді [2]), обіраютця чергові судці, обпіраючись на арт. 93-й сего Уставу.

76. Мировий третій [3]) назначатиме особні реченці, по докладу волосного старшини, на збіръ волоснихъ радъ [4]) у тихъ волостяхъ, де більшъ ніжъ одна сельска громада [5]). Колибъ потреба вказала збірати раду не въ той реченець, що назначено, то такий збіръ ради чинити не инаково, якъ зъ відома и згоди на те мирового третёго [6]).

77. Перве місто на волоснихъ радахъ [7]) матиме волосний старшина; винъ доглядатиме тутъ и звичайного порядку. Якъ же старшину повірятимуть або на ёго жалуватимутця, тоді перве місто на волосній раді [8]) давати кому-небудь зміжъ сільскихъ старостъ (або кому-небудь зміжъ помошниківъ старшини, якъ у волості тілько одна сільска громада) [9]) по доброму міжъ ними ладу, а на случай неладу—тому, хто зъ нихъ старший.

78. Волосна рада [10]) мае право:

1) вибірати волоснихъ урядовихъ людей и судцівъ волосного суду;

2) уставувати про всі речи, які сягають до справъ господарськихъ всіеи волости;

3) добірати способівъ про громадський доглядъ; споружати волосні школи; порядкувати волосними запасними складами, де вони есть;

---

[1]) Сходамъ.

[2]) Сході.

[3]) Посредникъ.

[4]) Сходовъ.

[5]) Общество.

[6]) Посредника.

[7]) Сходахъ.

[8]) Сході.

[9]) Общество.

[10]) Сходъ.

4) жалуватись кому треба або прохати у справахъ волоснихъ, черезъ особнихъ виборнихъ;

5) назначати и роскидати по людяхъ мирські поплатки и одбутки, що одбувае уся волость;

6) повіряти порядки и гроші у урядовихъ людей, що обрала вся волость;

7) повіряти рекрутські реестри [1]) и роскидати рекрутський одбутокъ, по правиламъ, прописанимъ въ арт. 192--207-му, и

8) змоцняти на речництво у справахъ волости.

Приписка. Волосна рада [2]) мае право радитись и вирекати вироки тілько въ речахъ, прописанихъ у сёму артикулі. Якъ же рада [3]) радуватиме и вирече вирокъ у речахъ, которі ій не підвладні, то вирокъ уважати за нікчемний, а людей, що ёго змислили, або самохіть иззивали раду [4]), глядя по справі, або карати такъ, якъ вирече мировий третій [5]), або оддавати підъ судъ.

79. Вироки волосного суду [6]) мають силу, коли на раді [7]) були: волосний старшина, або той, хто займае ёго місто, и не менше двохъ третинъ підданихъ, що мають голосъ у раді [8]). Усі справи у волосній раді [9]) розвязувати по спільнёму ладу або перевагою голосівъ, которі лічити по правиламъ, прописанимъ въ арт. 53—56-му. Правні вироки ради [10]) мають силу тілько тоді, якъ зъ виконаннямъ реченого вище варунку, сягають тілько до речей підвладнихъ [11]) волосній раді [12]). Вироки записувати въ книгу

---

[1]) Списки.
[2]) Сходъ.
[3]) Сходъ.
[4]) Сходъ.
[5]) Посредникъ.
[6]) Сходу.
[7]) Сходи.
[8]) На сходи.
[9]) Сході.
[10]) Сходу.
[11]) NB. Невѣрно.
[12]) Сходу.

у справахъ дуже великихъ [1]), и тоди, якъ вирокъ мае силу на довгий часъ, а такожъ и про случай, якъ сёго вимагатиме рада [2]).

80. На вирокъ волосного суду [3]) жалуватись мировому третёму [4]), а вінъ передасть на розвязъ мировій раді [5]).

Підголовокъ другий.

Про волосного старшину.

81. *Волосний старшина* одвітуватиме за спільний порядокъ, тихість и звичайність у волості. Що до сёго, то ёму зовсімъ підвладні [6]) сільскі старости.

82. Волосний старшина старшинуватиме: надъ сільскими громадами [7]) тиі волости и огуломъ надъ людьми підвладними [8]) сільскому урядованню—тихъ громадъ [9]) (арт. 62), а такожъ и надъ приписними до волости дворяками.

Приписка. Волосний старшина не старшинуе надъ людьми, шо визначені у приписці до арт. 62-го сёго Устава; тільки жъ, на случай якъ зроблять криминалъ, або велике злочинство, тоді старшина оддаватиме виноватихъ въ полицію, спільнимъ порядкомъ.

83. У справахъ *полицiйскихъ* волосний старшина, у границахъ волосного урядовання, повиненъ:

1) ознамовувати, по приказамъ Земськои Полиціи, права и роспорядки Уряду, и дозирати, щобъ не ширилось поміжъ під-

---

1) ?

2) Сходъ.

3) Сходу.

4) Посреднику.

5) Съїзду.

6) NB. Невѣрно.

7) Обществами.

8) NB. Невѣрно.

9) Обществъ.

даними [1]) фалшованихъ универсалівъ [2]) и чутокъ, шкодливихъ громадскій тихості;

2) пильнувати, щобъ у громадськихъ містахъ поводилось звичайно, щобъ ніякого худа не чинилось ні людямъ, ні ихъ добрамъ, а якъ стане не тихо, неладно и небезпечно въ громаді, заразъ добірати первого способу противъ безладдя, поки Земська Полиція що вчинить;

3) задержувати волоцюгъ, утікачівъ и військовихъ дезертірівъ и видавати [3]) ихъ полиційській старшині;

4) якъ одлучитця хто самохіть зъ волости або яки злочинства и безладдя постануть, про все те сповіщати Земську Полицію;

5) дозирати, щобъ непохібно виконувались уставлені симъ Уставомъ правила на прописъ, виписъ и переписъ підданихъ [4]) изъ одниі громади [5]) въ другу, и сповіщати про те Земську Полицію, а вона сповістить Повитовий Скарбъ [6]) и Скарбову [7]) Палату [8]);

6) порядкувати у надзвичайнихъ случаяхъ, якъ-отъ: пожежи, повіддя, повшехні [9]) громадські злигодні, и безъ проволоки сповіщати полиційску старшину про надзвичайні випадки въ волости;

7) запобігати и зупиняти злочинства и вини; добірати полиційского способу, щобъ дознатись и задержати виноватихъ и видавати іхъ на дальший роспорядокъ, якый треба старшині, и

---

1) Крестьянами.

2) NB. Универсалы издавались гетманами, а Русское Правительство издаетъ указы.

3) ?

4) Крестьянъ.

5) Общества.

6) Уѣздное казначейство.

7) Казенную.

8) NB. На страницѣ 32 уѣздное казначейство названо „Повітовая Скарбовня“, а здѣсь—„Повітовий скарбъ“. NB. Слова „скарбовий“ въ Малороссіи никто не пойметъ, слово же „казенний“ всякъ понимаетъ.

9) ?

8) дозирати, щобъ виконувались вироки мировихъ уставівъ и волосного суду.

84. Волосний старшина у справахъ громадськихъ повиненъ у гряницяхъ роспорядку волосного урядовання:

1) иззивати и роспускати волосну раду [1]) и держати на ій звичайний порядокъ;

2) подавати до уваги ради [2]) всі справи, що сягають потребъ и користей волосноі громади [3]);

3) уводити у діло вироки волосноі ради [4]), виречені по правамъ и правиламъ, уставленимъ у сёму Уставі;

4) дозирати, щоби у порядку були у волості шляхи, мости, гатки, перевози и инше.

5) дозирати, щобъ и сільскі старости и инши урядові люде чинили непохибно коженъ своі винності;

6) дозирати, щобъ громади [5]) добре одбували усякі скарбові [6]) и земські одбутки, и грошові, и натуральні, и рекрутську;

7) порядкувати волосними мирськими грішми и волосними мирськими добрами, одвітуючи за те, щобъ усе було ціле и добре оберталося;

8) підданимъ [7]) и дворякамъ, приписанимъ до волості, уставленимъ порядкомъ и добре впевнившись, видавати свідчення, що можна тимъ підданимъ [8]) и дворякамъ брати собі пашпорти и билети и на одлучки, и на перехідъ у другі громади [9]) и стани;

---

[1]) Сходъ.

[2]) Схода.

[3]) Общества.

[4]) Схода.

[5]) Общества.

[6]) Казенні.

[7]) Крестьянамъ.

[8]) Крестьянамъ.

[9]) Общества.

9) дозирати порядку у школахъ, шпиталяхъ, богодільняхъ и всякихъ громадськихъ заводахъ, коли іхъ завела волосна громада [1]) власнимъ своімъ коштомъ;

10) писати реестри дворякамъ, приписанимъ до волости, и брати зъ нихъ які уставлені поплатки, щобъ оддати куди треба;

Приписка. Коли у волості тілько одна сільска громада [2]), то волосний старшина, опрічъ прописанихъ вище винностей, мусить чинити и всі винності сільского старости Тимъ то волосний старшина мусить слухати державця [3]) у всіхъ его правнихъ жаданняхъ, чи то буде отбування на ёго отбутківъ, які съ підданихъ [4]) ёму впадають, чи то буде оберегання порядка и запобігання пригодамъ, не похибно по арт. 59, 61 и 150 сёго Уставу.

85. Волосний старшина мусить, не одмовляючись, чинити все, що ёму по праву звелять Мировий Третій [5]), Судній Слідовникъ, Земська Полиція и всяка уставлена зверхність [6]) у тихъ речахъ, що вони іми порядкують.

Приписка. Прикази Земскоі Полиціи, що до полицейскихъ винностей волосного старшини, або сільского старости, передаватиметця імъ або просто, або черезъ соцького. Соцькому можна передавати старшині або старості тілько прикази Земськоі Полиціі, и не мае вінъ права втручатись у справи волосного або сільского урядовання; а про те вільно ёму зажадати іхъ підмоги, щобъ зробити, що звеліла полиція, и задержати злочинцівъ або непевнихъ людей. У такому случаі сільска и волосна старшина повинна слухати жадання соцькихъ и въ чому треба помогати імъ, а такожъ и соцькі повинні допомагати сільскій и волосній старшині чинити іхъ полицийскі винності и оберегати порядокъ.

---

1) Общество.

2) Общество.

3) Поміщика.

4) Крестьянъ.

5) Посредникъ.

6) NB. Этого польскаго слова (zwierchność) многіе не поймутъ.

86. За малі полиційські вини людей, підвладнихъ [1]) волосному старшині, мае вінъ право карати виноватихъ у такій мірі, якъ то указано сільскому старості (арт. 64).

Підголовокъ третій.

Про волосне правленіе.

87. Волосне правленіе складують: старшина, всі сільскі старости або помошники старшини и сбірщикъ податківъ, тамъ, де есть особні сбірщики.

Приписка. Волосній раді [2]), по ії власній уподобі, вільно вибірати, на засідання у волосному правленіи, одного або двохъ особнихъ засідателівъ, коли рада [3]) завважить, що се треба зробити, и сі засідателі заступатимуть місто сільскихъ старостъ въ урядованні.

88. Волосному правленію збіратись, коли можна и не трудно, по неділяхъ; якъ же на случай старшині звелять, або негайне діло трапитця, то и по буденнихъ дняхъ.

89. Правление мае право розвязувати спільною згодою, або перевагою голосівъ тілько отъ-які справи: 1) чинити изъ волоснихъ грошей всяку трату, яку рада [4]) уже ствердила; 2) продавати особизне підданське [5]) добро по стяганнямъ скарбу, державця [6]) або стороннёго чоловіка, опрічъ тихъ случаївъ, де, по праву, повинна те чинити полиція и 3) настановляти и одставляти волоснихъ урядовихъ людей, що служять по найму. Старшині, у всіхъ инишихъ справахъ ёго порядкування, тілько радитись съ правленнемъ, а порядокъ даватиме, по своії уподобі, вінъ самъ, облично за ёго одвітуючи.

---

[1]) NB. Невѣрно.

[2]) Сходу.

[3]) Сходъ.

[4]) Сходъ.

[5]) Крестянске.

[6]) Поміщика.

90. Справи у волосному правлениі чинити словесно. У заведену при волосному правлениі книгу приказівъ уписувати: 1) прикази, що ознаймить старшина правлению, або порозницею урядовимъ людямъ того правления, коли такоі записі у книгу зажадае самъ старшина, або той, кому данъ приказъ, и 2) вироки, що правление приняло спільною згодою, або перевагою голосівъ.

91. При волосному правлениі, опрічъ книги, реченоі у переднёму артикулі, мусять бути: 1) книга вироківъ волосноі ради [1]) 2) книга развязівъ волоснихъ и третійскихъ судівъ (арт. 100, 107 и 108), и 3) книга згідъ и умівъ. У сю книгу вписувати, съ жадання умовнихъ сторінъ, усякі згоди и обітности (на гроші не більшъ трёхсотъ карбованцівъ), що піддані [2]) уложили и міжъ себе и зъ державцемъ [3]), або сторонніми людьми, коли такі згоди и обітності оглашено словесно при бутності не меншъ двохъ свідківъ и підписали іхъ обидві умовні сторони, або, по іхъ проханню, хто-небудь инший, якъ сами не письменні. Записі въ сій книзі, а такожъ свідченні копиі, що зъ іхъ видадутця, матимуть, про случай звади, силу суднёго доводу, аби були слушні [4]) (не фалшовані).

92. Писати книги у волосному правлениі, та й огуломъ писати въ ёму, що вкаже потреба, мусить *волосний писарь*, а старшина найближче ёго назиратиме, щобъ вінъ нехибно и въ порядку писавъ речені книги, и въ папірахъ и въ свідченняхъ, що даватимуть волосний старшина, волосне правление, волосний судъ и волосна рада [5]), щобъ якъ разъ такъ прописувавъ, якъ вони уставлять и виречуть. На случай фалши, писаря оддавати підъ криминальний судъ и кару, яка виречена за фалши по службі, обпіраючись Св. Зак. 1857 р. Т. XV, кн. І. Улож. о Нак. арт. 404-го.

---

1) Схода.

2) Крестьяне.

3) Поміщикомъ.

4) ?

5) Сходъ.

Підголовокъ четвертий.

Про волосний судъ.

I. Складъ суду и часъ сборівъ.

93. Щобъ зважити волосний судъ, що-року волосна рада [1]), або сільска, коли у волості тілько одна громада [2]), вибірае чотири, пять и до *дванадцяти* черговихъ судцівъ. Скільки вибірати сихъ виборнихъ и якъ імъ чергуватись, те все оддаетця на волю ради [3]) отъ на якихъ постановахъ:

1) засідати у суді мусить не менше трёхъ судцівъ [4]);

2) судцівъ можна вибірати або на цілий рікъ до безпереміниого урядовання, або до урядовання чергою, яку попереду виречe рада [5]).

3) у сёму посліднему случаі, изъ вибранихъ лікомъ одъ 4-хъ до 12-ти судцівъ, мусять виходити у указані реченці (якъ-отъ: черезъ два, чотирі або шість місяцівъ) не більше половини, а потімъ на іхъ місце засідати иншимъ вибранимъ суддямъ [6]), чергуючись.

Приписка 1-а. Раді [7]) даетця право, коли вбачить. що треба, назначати нагороду черговимъ судцямъ, по своій уподобі, за часъ іхъ урядовання.

Приписка 2-а. У тихъ волостяхъ, де вже есть уставлений, по номістовнимъ звичаямъ, судъ, его не касувати, тілько щобъ, вибіраючи судцівъ, настановляла уся волость.

94. Волосний судъ збіраетця черезъ усякі два тижні, коли можна и не трудно, по неділяхъ; на случай же нужди, волосний старшина иззивае въ другі дні и частійше.

---

1) Сходъ.

2) Общество.

3) Схода.

4) NB. Тутъ судьи называются *судцями*, а ниже *судьями*.

5) Сходъ.

6) ?

7) Сходу.

II. Речи порядкования и гряниці зверхности волосного суду.

95. Волосному суду, обпіраючись на дальші артикули, розбірати звади и сутяги проміжъ підданнихъ [1]), а такожъ и справи у невеликихъ іхъ провинностяхъ.

96. Волосному суду развязувати безъ пересуду: усі звади и сутяги власно проміжъ підданними [2]), ціною до ста карбованцівъ бірно, и за нерухомі и рухомі добра въ гряницяхъ підданського [3]) наділу, и за позички, купна, продажі и всякі инші згоди и обітності, а такожъ и справи про нагороду за втрати и ущербки у підданськихъ [4]) доброхъ.

97. Коли справа перейде за суму, прописану у 96-му арт., або сутяга иде за нерухоме добро, которе піддані [5]) набули у власність опрічъ наділу, а такожъ, коли въ сутягу ввійшли люде иншихъ станівъ, то у всіхъ такихъ случаяхъ, якъ одна сторона зажадае, мусять розбірати справу спільні судні міста, нехибно обпіраючись на права.

98. Самостай сёго, волосному суду розвязувати безъ пересуду, яка бъ не була ціна стягання, усі звади и сутяги, що сутяжні сторони оддадуть на розвязъ волосного суду. Звади и сутяги, що въ іхъ, опрічъ підданихъ [6]), замішались и сторонні люде, можна такожъ, коли сутяжні сторони схочуть, оддавати на безпересудний розвязъ волосного суду.

99. У всіхъ справахъ, яка бъ ні була іхъ ціна, аби тілько зъ ними не злучилось злочинство або провинність и не завязались користі малолитківъ и божевільнихъ, підданнимъ [7]) и одніі и різнихъ волостей вільно, замість росправи у волосному суді,

---

1) Крестьянъ.

2) Крестьянами.

3) Крестянського.

4) Крестянськихъ.

5) Крестьяне.

6) Крестьянъ.

7) Крестьянамъ.

удаватися, по обіпільній згоді, до полюбовного, по совісті, суду, занедбавши усякі форми.

100. Вирокъ полюбовного суду безъ проволоки ознаймовати сутяжнимъ сторонамъ и вписувати у книгу, заведену, при волосному правленіи. Скоро впишуть ёго въ ту книгу, съ того часу вінъ матиме правну силу. Ніякихъ жалібъ на такий вирокъ нігде не приймати.

101. Волосний судъ розбіратиме підданихъ [1]) своеі волости и вирекатиме імъ кару за малі провинності, коли вони вчинені у гряницяхъ самоі волости и противъ людей тогожъ стану и коли не замішались тутъ люде инишихъ станівъ, а такожъ, коли речені провинності не звязались съ криминалами, которі мусять розбірати спільні судні міста. Коли у ту провинпість увійшли піддані [2]) иншои волости, то виноватимъ мусить вирекати кару судъ тиі волости, де провинність учинено.

Приписка. Людямъ иншихъ станівъ, противъ кого піддані [3]) вчинили провинності, вільно шукати своеі вгоноби у волосному суді, або у спільнихъ установахъ.

102. Волосний судъ мае право за такі провинності карати виноватихъ: громадською роботою—не більше *шести* днівъ, або грошовимъ стяганнямъ—не більше трёхъ карбованцівъ, або вязеннямъ [4])—не більше *семи* днівъ, або, на остатокъ, не визволенихъ изъ кари на тілі,—різками не більшъ *двадцяти* шмагівъ. Якою мірою за всяку провинность карати, оддаетця на волю самого суду.

Приписка 1-а. Поки буде видано спільній сільский судній уставъ, волосні суди, а такожъ волосні старшини и сільскі старости, вирекаючи, нехибно по арт. 64, 86 и 102-му сёго Уставу, міру каръ за малі злочинства и провинності, мусять

---

1) Крестьянъ.

2) Крестьяне.

3) Крестьяне.

4) NB. Не лучше ли употребить такое же выраженіе, какъ и въ ст. 14 (стр. 37)?

згожатися зъ правилами, уставленими про сю річъ въ уставі сільскому суднёму для скарбовихъ підданнихъ [1]) (С. Зак. 1851 р Т. XII, ч. II Уст. благоустр. въ скарб. [2]) сел. ар. 440—536).

Приписка 2-а. Волосний судъ не мае права вирекати кару на тілі: стареннимъ підданнимъ [3]), що дожили шестидесяти роківъ, урядовимъ людямъ, прописанимъ у арт. 1:4-му, и тимъ, що добре держали такі уряди; а такожъ и підданимъ [4]), що скінчили курсъ у повітовихъ школахъ, хліборобнихъ и рівнихъ зъ ними, або вищчихъ учебнихъ заводахъ.

III. Порядокъ справування и розвязу справъ.

103. Волосний судъ починатиме розбірати звади а сутяги не инше, якъ по жалоби жалібника. Розбірати жъ провинності підданихъ [5]) вінъ починатиме: 1) по жалобамъ укривженого або ёго отця—матері, коли укривжений не дійшовъ повного зросту; 2) по зажаду волосного старшини, або помішника ёго, або сільского старости, и 3) по сповіщенню того, хто бувъ свідкомъ провинности, коли укривжений не здолае самъ жалкуватись.

104. Волосному старшині и старості не втручатися въ справування волосного суду и не бути при обрахуванні справъ.

105. Усі справи у волосному суді справувати словесно.

106. У справахъ про злочинство [6]), коли судъ вбачатиме, що люде злучні зъ справою не досить свідчили, то, щобъ ёго вияснити, вільно ёму допитуватись при двохъ або трёхъ свідкахъ изъ тубольцівъ-господарівъ. У справахъ сутяжнихъ оглядини міста при свідкахъ и огуломъ повірку доводівъ чинитиме судъ не инако, якъ по прохацню сутяжнихъ.

107. Якъ розбіратиметця сутяжна справа у самому волосному суді, судцямъ, вислухавши сутяжнихъ сторінъ, старатись

---

[1]) Казенныхъ крестьянъ.

[2]) Казен.

[3]) Крестьянамъ.

[4]) Крестьянамъ.

[5]) Крестьянъ.

[6]) ?

нахилити іхъ до згоди. Коли сторони помирятця, то мусять тоді жъ ознаймити, що одна уступае або чимъ нагорожае другу, и якимъ способомъ мусить учинитися вгоноба. Коли сутяжні сторони не підуть на мирову згоду, то судъ розвяже справу, або обпіраючись на заявлені у волосному правлении згоди и обітности, коли есть вони проміжъ звадними сторонами, або жъ, коли іхъ нема, обпіраючись на помістовні звичаі и правила, що въ підданському [1]) житті здавна ведутця. И умови мировоі згоди, и вирокъ волосного суду записувати у книгу волосного правления, и прописувати имення жалібника и одвітника.

108. Якъ волосний судъ роздивитця, яку провинність [2]) мусить вінъ обрахувати, тоді вписувати въ речену попереду (арт. 91) книгу: имя виноватого, саму вину ёго и яка ёму виречена кара.

109. Вироки волосного суду за провинності, які вінъ мае право обраховувати, не будуть уже пересужуватися.

110. Вироки волосного суду, и въ звадахъ и въ сутягахъ, и за провинности уводити у діло сільскимъ старостамъ, або, коли у волості тілько одна сільска громада [3]), помішникові волосного старшини, підъ дозиромъ старшини и за спільнімъ іхъ одвітуваннямъ.

Голова четверта.

Про порядокъ, якимъ наставляти и одставляти сільскихъ и волоснихъ урядовихъ людей, про іхъ права и одвітування.

Отділеніе первое.

Якимъ порядкомъ настановляти и одставляти урядовихъ людей.

111. На инші уряди підданського [4]) урядовання настановляти

---

[1]) Крестянскому.

[2]) ?

[3]) Общество.

[4]) Крестянского.

людей по вибору, а на инші, по вподобі громади [1]), можна настановляти *або по вибору, або наймомъ.*

112. По вибору настановляти отъ якихъ урядовихъ людей:

1) волосного старшину;

2) сільскихъ старостъ;

3) помішниківъ старшини;

4) сбірщиківъ подушного и засідателівъ волоснихъ правлений (прип. до арт. 87) у такихъ громадахъ [2]) и волостяхъ, которі вбачатимуть, що треба імъ особнихъ сбірщиківъ и засідателівъ, и

5) судцівъ волоснихъ судівъ (арт. 93).

Приписка. Виборні, що маютъ голосъ на волосній раді [3]), не вважаютця за людей урядовихъ.

113. Инших урядовихъ людей, отъ-якъ: дозорцівъ складівъ, лісовихъ и полёвихъ сторожівъ, дозорцівъ богоугоднихъ и громадськихъ заводівъ, волоснихъ и сільскихъ писарівъ и инш. так., настановляти увагою громадською, або по вибору, або наймомъ. Коли наймомъ, можна настановляти и посторонніхъ хорошихъ людей.

114. На урядъ, который даетця по вибору (ст. 112), не можна вибірати: 1) людей, которимъ не сповнилось 25-ти роківъ; 2) людей, караннхъ на тілі по суду, або которихъ судъ оставивъ у непевності, а такожъ тихъ, що зостаютця підъ судомъ и розвідомъ, и довідомо ледачихъ [4]). Ще жъ до того, волосного старшину и збірщика подушного вибірати передорічъ изъ господарівъ.

На этой статьѣ заканчивается сохранившійся трудъ П. А. Кулиша.

---

[1]) Общества.

[2]) Обществахъ,

[3]) Сході.

[4]) NB. Не совсѣмъ вѣрно.

НА БУРЯКАХЪ.

(*Нарысъ зъ жыття простого люду*).

Шыроки, шыроки панськи ланы! Здается, немае имъ ни кинця, ни краю. Генъ-генъ, скилько око згляне, зеленіють панськи бурякы, хвылюють жыта та ярыны. Ланы, ланы! хто васъ оре та засивае що року? Де той велытень, якый зожне отсе море жыта, якый выконае и доведе до ума отсю сылу бурякивъ?

Ще до схидъ сонця сталы шугаивськи дивчата на постать. Прывивъ ихъ панъ управытель, давъ кожній по рядку, поставывъ надъ нымы «паныча», котрого воны булы повынни у всимъ слухатысь, тай пишовъ самъ, а дивчата осталысь сапуваты росяни, зарослі рижнымъ зильямъ бурякы. Брыдко ходыты по роси босымы порепанымы ногамы, та ничого не вдієшъ—не надиваты жъ чобитъ середъ Петривкы.

Сёгодни шугаивськымъ дивчатамъ зовсимъ не посчастыло: «панычъ» попався такый, що, мовлявъ, тилько та слава що панычъ: старый, старый, та сердытый, якъ гадюка.

Зранку, покы охмолостався зъ людьмы, то бувъ ще й сюды й туды, а теперъ не дае и вгору глянуть. И якъ винъ тильки вже не лаявся сёгодни? Перепало и батькамъ и матерямъ, и на сей и на той свитъ!

Ось вже сонечко на обидъ, а дивчата полють, не розгынаючы спыны: просаповують стежечкы, вырывають помижъ буря-

камы щырыцю, мышій, лободу и инше зилля, роспушують землю коло кожного бурячка, щобъ рисъ панській курякъ въ роскоши та шаноби.

Дзинь, дзинь—дзвонять сапы объ суху землю:—

—«Що въ чужого прыказчыка
Обидать пора, обидать пора,
А въ нашого голодранця
Ще й думкы нема, ще й думкы нема».

Заводыть котра-сь зъ дивчатъ—и межъ полилныцямы пиднявся регитъ; вси пересталы полоть и озырнулысь на «паныча».

— «Роззявыла вершу та завела, щобъ тебе зъ глузду звело»— одповивъ той, спокійно нюхаючы табакъ: «я тебе нагодую, зйидять тебе червы!»

— «А вже-жъ, дидусю, ій Богу правда, не давайте намъ йисты цилый день! Яка худоба—така й шаноба. Онъ бачте, мы зъ самисенького ранку хиба тильки гинъ двое й пройшлы!»

— «Гинъ двое!?»—зъ прызырствомъ промовывъ «панычъ», ховаючы за халяву рижокъ: «а якъ-бы тоби дви болячкы сило на языкъ, то чы двое-бъ гинъ було чы ни?»

— «Воно-бъ, паныченьку, и вамъ не завадылы дви болячкы на языци, а третя на лысыни»—пожартувала яка-сь зъ дивчатъ.

— «А чыя ты тамъ така пащыкувата?—трыста кипъ чортивъ твои собачій матери! Ось я тебе побазикаю! Иды заразъ и къ бисовому батькови до-дому и нывы панськои не паскудь!»

— «Цытьте, цытьте, дидусю!—загулы дивчата: «мы вамъ гарнои, гарнои писни заспиваемъ»... и вси разомъ почалы хто куды:

Ой панычу, паныченьку,
Билесенькый на лыченьку,
Въ сыненькому каптанци!

— «И с....ъ на щоци»—додала высокымъ сопрано жартовлыва дивчына, тоди якъ хоръ стыхъ.

— «Бодай тебе лыхо велыке спивало!»—промовывъ дидъ, вынувато обтыраючы щоку: стилько казавъ чортовымъ гойдамъ, щобъ на панськiй ныви а ни телень!—такъ ни, не слухае иродова худоба... Полы! чого росчепирылась, якъ жаба?!»—грымнувъ винъ на нелюбьязну дивчыну.

— «Ой полю-жъ я полю, та старая собако!»—завела та на мотывъ весильнои.

Дидъ одiйшовъ, вдаючы, що не дочува. Озирнулась дивчына—«панычa» нема; потяглась перше до дила, позихнула та й пишла полосуваты сапою прямо по рядку буряків, а якъ трохы зигнала оскому на бурякахъ, то зновъ почала прыспивуваты дидови:

— «Що въ нашого прыказчыка
Що въ нашого панъ-отця—
Нема штанивъ ни рубця,
Якъ у горобця!»

Дивчата, хто въ гречку, а хто въ просо, пидхопылы—и писня залупала. Дидъ комызывся и лаявся.

Колы-бъ теперъ взявъ хто та й спытавъ дида: хто ему найбильшый ворогъ, то винъ одповивъ-бы, не думавшы не гадавшы, що—«отси чорты». Дидъ дякувавъ сёму ворогови якъ тильки мигъ. Вси погани лайлыви слова зъ ёго лексикону булы перебрани и давно стратылы свою сылу: на лайку нихто не звертавъ увагы. Дидъ, кримъ лайкы, корыстувався иноди ще й кулакамы та колиньмы, але сей побытъ прыганять «чортивъ» до праци бувъ не зовсимъ безпешный. И дидови вельмы не до вподобы бувъ той законъ, по котрому за бiйку сажалы въ холодну та прымушувалы платыты гроши.

Але полильныци тежъ не мылувалы свого нашыйныка. На коженъ дидивъ рухъ, на саму дрибныцю ёго туалету булы зложени прызвыща, та спивалысь рижни традыцiйни писни и экспромты. Чы скыне дидъ повстяного брыля и почпе обтыраты брудною хусткою лысыну—дывысь, хтось заводыть:

«Одъ кориня до кориня
Ряба жаба лизла,

А въ нашого паныченька
Голова облизла!»

Чы чухнется дидъ де небудь, то й тутъ ёму прыспивують:

«Одъ кориня до кориня
Дороженька проста;
Що нашого прыказчыка
Напала короста.»

Икъ обиду «панычъ» такъ вбигався, сповняючы свій важкый обовьязокъ, що скынувъ зъ себе сыній «спинжакъ» и зистався въ одній сорочци такого колёру, якъ ковальськый напереднывъ; зъ боку дивчатъ зразу понеслась тыха та журлыва весильна мельодія.

— «Що въ нашого та паныченька
Новая рублена хата;
У его й сорочка чохлата,
А мижъ тымы чохлыцямы
Сыдять в..и копыцямы!»

— «Отъ розбещени бисови дочкы! отъ такъ розбещени, що бильше вже никуды!»—бидкався збытый зъ пантелыку дидъ.— «А нема на тебе халеры та пропасныци»!—промовывъ винъ въ одповидь якій-сь дивчыни, котра писля писни звернулась до дида зъ такымы речамы: «Панычу, панычу, ну я тоби дулю втычу?»

— «Этъ, попадысь ты имъ зъ свижою головою! а ну попадысь!»—дорикавъ комусь невыдымому дидъ: «воны тебе промнуть, а ну попадысь!»...

Генъ въ кинци постати поле молоденька дивчына; вона осторонь держытся видъ дивчатъ и соромлыво спуска очи, колы въ іи кинець зъ поганою лайкою наблыжается «панычъ». Іи дытяче облыччя выдае, що вона не звычна ни до жорстокои лайкы, ни до такыхъ вильныхъ видносынъ, яки истнують межы дидомъ-«панычемъ» и молоденькымы полилныцямы. Се новенька: сегодни першый разъ выйшла вона на панськый ланъ тяжкою працею

заробляты гроши. Зъ особлывою щыристю сапувала Горпына (такъ звалы дивчыну) бурякы, не вважаючы на загальный дивчачый девизъ: «не ридному батькови, не за готови гроши». И ни однымъ словомъ не обмовывся «панычъ», дывлячысь на іи до дила оброблений рядокъ».

«Чого ты дурненька пьятырычышся? полы по людській, а то до вечора ни рукъ, ни нигъ не чутымешъ!»—раяла Горпыни молодыця, котра полола поручъ зъ нею.—«Э, моя ридна, моя срибна, и сама не счуешся, якъ прывыкнешъ; отъ такъ нестемвисинько и мени було: гупаешъ, гупаешъ сапою, а видпочынку въ панивъ дазьби, то въ вечери рукы мовъ поперетынавъ хто, а робыть треба и завтра и пислязавтрёго. Та ты плачешъ голубко, чы що? не плачъ, голубко, матери не вернешъ, а казна на слёзы не вдаряе; дывысь лышень, онъ той луциперъ сюды йде».

И молодыця почала хуткише длубатысь сапою помижъ бурякамы. Горпына полохлыво озырнулась и зновъ почала полоть та думать про свои нови обставыны.

Якъ тильки одійшовъ «панычъ», то молодыця зразу прыпыныла свою щырисгь и стала гомониты зъ Горпыною. Вона перше оповила ій, якъ-то треба працюваты въ панивъ, щобъ и сино циле було и козы сыти. Оповила межъ всякою всячыною, що въ іи сусиды курка третій тыждень лье вылывкы, а въ ихъ самыхъ въ сыривець встрыбнула жаба; въ кинци молодыця поцикавылась знаты про Горпынини справы: чы тяжко ій жыть безъ матери, чы не дума батько зновъ женытысь?

Бидна дивчына наче ожыла. Вона почувала себе такою самитнёю межы юрбою незнаёмыхъ дивчатъ, що зрадила балакучій молодыци, наче ридній матери. Потроху, потроху—та й выклала Горпына передъ чужою чужыною свое бидолашне жыття. Делікатно выслухувала іи молодыця, хочъ и не бачыла въ сыхъ речахъ чого небудь особлывого. Жывъ Дацій такъ, якъ жыве бильша частына шугаивцивъ: перебывався зъ своимъ хлибомъ одъ нового до нового. Мавъ конячку, котра ледве не здыхала зъ голоду кожну зиму, и все лагодывся купуваты волы».—«Колы-бъ мени тильки»—каже:—«уродывся хлибъ, а то бъ я зразу ставъ на ногы; куплю

пару воливъ—и тоди мени море по колина». Такою гадкою була пройнята и вся Даціева симья. Родывъ Богъ що року хлибъ, мирявъ Дацій, що стоить тильки купыты волы—и жыття зразу покращае; а тымъ часомъ бравъ на одкисъ половыну въ экономіяхъ, щобъ прохарчыть свою робитныцю-конячку. Якъ муха въ окропи вылась и Даціиха: нытку до ныткы вьязала, та все збиралась на хазяйство. Наче свое око, доглядала вона Горпыну. Сама ходыла Даціиха въ люти морозы на ополонку, сама зъ чоловикомъ ходыла въ спеку на одкосы.—«Не дамъ»—казала вона сусидамъ—«своеи дытыны панськымъ попыхачамъ на поталу; нехай порос-кошуе за мною, а якъ умру—хай що хоче те й робыть!» Швыдка була Даціиха та й добигалась: пишла сю весну саме въ провидный понедилокъ мочыть коноплі, схопыла якого-сь лыха и черезъ тры дни виддала Богови душу.

— «И хочъ бы такы розсказалы передъ смертью, якъ, що до чого, хочъ бы напутылы»—плакала Горпына:—«а то тильки й чула: «оттамъ, дочко, въ прыскрынку пьять разкивъ доброго намыста—возьмы сховай; берегла свою дивощыну тоби—може колы згадаешъ...

Пройшла довгенька мовчанка.

— «Такъ, такъ»—зъ протягомъ зитхнула молодыця:—пеня не по дереву ходыть, а по людяхъ; въ мене самои корову пидлетила ластивка. Пишла сёгодни вранци зъ дійныцею, а вона хочъ бы тоби краплыночку дала!» Горпына тежъ зитхнула, и обыдви пололы мовчкы, думаючы кожна про свое лыхо. Черезъ килька хвылынъ далеко въ экономіи прокалатавъ дзвоныкъ на обидъ. Дивчата, якъ хвыля, гунулы до становыща, безъ ладу, безъ поладу, не дывлячысь ни стежокъ, ни рядивъ. Дидъ стоявъ и крычавъ наче божевильный. Почався обидъ. Дивчата булы на своихъ харчахъ, бо гребувалы панськымъ хлибомъ-сильлю, але все-жъ не стерпилы, щобъ не заспивать навздогинци дидови, котрый похнюпывшысь потягъ до экономіи:

— «Охъ ты-жъ с...й с..ъ полякъ!
Разсобача твоя мать!

Нащо було насъ паймать,
Якъ не хочешъ годувать!»

— «Цытьте прышелепувати: хлибъ святый въ роти, а вы верзете чортзна-що»—почулось зъ гурту. Бильша частына дивчатъ и справди бенкетувала писля праци тильки однымъ святымъ хлибомъ, котрый такы добре высушыло за пивдня петривчане сонце.

Вылягла писля обидъ спочываты на межи «краса святои Украины», зморена душею и тиломъ, голодна, облаяна, обгыжена. Гріе петривне сонце. Нема й маленькои хмарочкы на блакитному неби, котра-бъ хочъ на мыть дала холодокъ. Вьянуть прополоти бурякы. Тыша. Чуты, якъ маленькый жучокъ порплется надъ травынкою. Цупко спытся шугаивцямъ писля праци. Лежать, наче въ паморокахъ, куци, опукувати постати. И снытся Горпыни сонъ. Буцимъ вона ше маленька-маленька дивчынка; буцимъ-то жыва ще покійна маты. На двори, немовъ, тыхый погожый ранокъ. Рясно, рясно зацвивъ ихъ вышневый садокъ, а яблуня на прычилку такъ и вкрылась кытягамы цвиту.

Сходыть сонечко и радисно грае въ краплынахъ росы. Посередъ двору стоятъ запряжени въ визъ волы, а на вози лежыть борона и били мишкы зъ пашнею. Коло воза пораеться батько. Вси немовъ таки здоволени та ласкави. Маты выганяе до отары овечокъ и гукае:—«Горпынко, Горпынко! иды лышень зо мною, а то ще, боронь Боже, шелеснешъ въ колодязь!» За воритьмы реве отара: го, го, го—вытягае товсто якый-сь валахъ; ме, ме—репетують ягнята. Одна вивця впала, а вивчарь потяга іи зъ усіеи сылы кгырлыкгою и крычыть зовсимъ такымъ голосомъ, якъ у «паныча»:—«вставай, годи рутыть, докладешь воза въ ночи! Бачъ, якъ вытяглась, щобъ зъ тебе кышкы вытягло. Вставайте хутче, а то й доцъ запобижыть сонныхъ! Го-го-го!—чуты все дужче и дужче. Горпына прокыдается—надъ нею стоить розлютованый «панычъ». Дивчата повагомъ вставалы, чухмарылысь и роскуёвжени зъ остовпилымы очыма бралысь за сапы. Нызько-нызько на заходи зъявылась сыненька хмарка зъ темнымы смугамы до долу. Го, го, го!—реготався гримъ.

— «Ой дай, Боже, дощъ
Тыхый та хорошый
На панови бурякы,
Щобъ пойилы червякы,
Та на панивъ лисъ,
Щобъ взявъ пана бисъ!»—

заспивала весела дивчына на все горло. Тыхо и нехотя пидспивувавъ зъ початку хоръ. Все дужче стававъ холодный витрець зъ заходу. Выще й выще пидіймалась туча и почала закрываты сонце. Обвіявъ витрець загорили облыччя, пиддавъ энергіи полилныцямъ,—и залунала писня на ввесь ланъ безкраій. Наклыкалы дивчата дощъ:

— «На панивъ овесъ,
Щобъ погнывъ увесь;
На панивъ баштанъ,
Щобъ сказывся панъ».

— «Оце якъ заспивалы, бодай вы на кутни заспивалы! То вже не жды видъ васъ роботы. Отъ, Боже, Твоя воля свята, лыхо зъ отакымы иродамы»—бубонивъ «панычъ», не звертаючысь ни до кого зъ дивчатъ, та все позыравъ на тучу.—Го, го, го!—гуркотивъ гримъ. Дзинь, дзинь...—дзвонять сапы объ суху землю.

П. Маіорськый.

Лукьянъ Свѣчка въ роли похитителя церковныхъ денегъ въ Пирятинской церкви (нач. XVIII в.).

Лукьянъ Свѣчка, герой печатаемыхъ ниже свѣдѣній, былъ сыномъ лубенскаго полковника (1688—1699) Леонтія Назаровича Свѣчки, нажившаго себѣ большія земельныя владѣнія въ предѣлахъ нынѣшняго пирятинскаго уѣзда. Изъ имѣній отца Лукьянъ Свѣчка получилъ с.с. Малютинцы и Давыдовку съ осаженными тамъ людьми; кромѣ того, онъ самъ продолжалъ увеличивать отцовское наслѣдство, нерѣдко прибѣгалъ къ разнаго рода насиліямъ, пока не встрѣтилъ себѣ соперника въ лицѣ Андрея Марковича, который, пользуясь своимъ положеніемъ брата гетманши Анастасіи Марковны Скоропадской, имѣлъ большую силу въ гетманство Скоропадскаго. Марковичъ не только перехватывалъ у Свѣчки различные лакомые куски, въ видѣ грунтовъ, млиновъ и прочихъ угодій, но заставилъ его (какъ это можно почти навѣрное сказать) продать себѣ хуторъ Коровай, сосѣдній съ Марковичевскимъ селомъ Кулажинцами, и разныя другія имѣнія [1]).

Документъ, изъ котораго мы черпаемъ свѣдѣнія о любопытномъ эпизодѣ изъ жизни малорусскаго пана первой половины

---

[1]) О Свѣчкахъ см.: А. М. Лазаревскій «Люди Старой Малороссіи», Кіев. Стар. 1882 г., т. III, стр. 253—258, и Историческіе очерки Полтавской Лубенщины, стр. 48—50 (Чт. въ Общ. Нестора Лѣт., кн. XI.

XVIII ст., озаглавленъ такъ: «*Виписъ истинний, якимъ способомъ быралъ ключи церковние панъ Лукъянъ Свѣчка и якимъ фортелемъ бывалъ в скарбници*»; составленъ онъ пирятинскимъ протопопомъ Максимомъ Федоровичемъ. Къ сожалѣнію, года на этомъ документѣ нѣтъ, но, принимая во вниманіе время, въ которое жилъ и дѣйствовалъ Лукьянъ Свѣчка, и нѣкоторыя данныя, заключающіяся въ самомъ документѣ, можно съ увѣренностью сказать, что описываемое событіе относится къ первой четверти XVIII ст. Цѣликомъ документа мы не печатаемъ, а представляемъ его читателямъ «Кіевской Старины» въ извлеченіяхъ, сохраняя наиболѣе любопытныя выраженія и ведя разсказъ отъ лица пирятинскаго протопопа, какъ это имѣетъ мѣсто и въ самомъ документѣ [1]).

«Сего настоящаго году, іюня 14, въ недѣлю предъ рождествомъ сватого славнаго пророка и «Предитечи» Крестителя Господня Іоанна, я «отправовалемъ» службу Божию, а панъ Лукьянъ Свѣчка, войдя въ алтарь, «казалъ паламареви засвѣтити свѣчку» и отпереть «скарбницу» въ то время, когда пѣлась херувимская пѣснь. Войдя въ «скарбницу» вмѣстѣ съ своимъ слугою «нѣмцемъ», «Лукьянъ Свѣчка «невѣдомо чого ради» въ ней «бавился» и до тѣхъ поръ, пока я не прочиталъ заамвонную молитву; едва я вошелъ послѣ этого въ алтарь, какъ и Свѣчка вышелъ изъ скарбницы и, принявши антидору и благословеніе, просилъ меня «къ себѣ».—Однако, это посѣщеніе Свѣчкою «невѣдомо чого ради» «скарбницы» сильно обезпокоило Максима Федоровича, и онъ тотчасъ же по выходѣ Свѣчки изъ церкви позвалъ въ алтарь своего ктитора Павла Бусла, которому и сообщилъ о томъ, что Свѣчка провелъ время въ скарбницѣ отъ пѣнія херувимской «ажъ до отпусту».—Павелъ Буселъ «того жъ часу» ходилъ въ «скарбницу» и «всего осмотровалъ», а выйдя оттуда, сказалъ: «Бачится, все цѣло еще, и шкатула важка».—Успокоенный тѣмъ, что въ

[1]) Подлинный документъ найденъ нами въ бумагахъ покойнаго А. М. Лазаревскаго.

«скарбницѣ все цѣло и что во всякомъ случаѣ туда ходилъ и ктиторъ, протопопъ Максимъ пошелъ «до господи» своей, куда за нимъ и прислалъ Свѣчка вновь просить къ себѣ.—«Пойдя къ къ нему, я мало въ его забавилемся»,—говоритъ Максимъ Федоровичъ,—а затѣмъ, по маломъ времени, «отъехалемъ до Прилуки на ярмарокъ»... Таково было первое посѣщеніе Лукьяномъ Свѣчкою пирятинской церковной скарбницы; оно не давало, конечно, прямыхъ уликъ къ тому, что Свѣчка ходилъ красть оттуда деньги, но во всякомъ случаѣ было очень подозрительно и къ тому же таинственно... Въ слѣдующій разъ уже ясно видѣнъ тотъ «фортель», къ которому прибѣгъ Свѣчка, дабы имѣть предлогъ проникать въ церковную «скарбницу».

«Іюня 24, на рождество Іоанна, по окончаніи службы божественной, запросилъ меня (разсказываетъ о. протопопъ) п. Лукьянъ Свѣчка «до господи», въ какое время присутствовали въ его домѣ Григорій Додока [1]), Яковъ Кичкаровскій [2]) и другіе. При этихъ лицахъ Свѣчка сталъ просить меня, чтобы я позволилъ ему поставить «шкатулу з грамотами в скарбници церковной», «такъ какъ мои, говоритъ, грамоти чомусь в ліоху поцвѣли», и я, «не вѣдаючи замисловъ его ухищрения, того ему не отмовилемъ»...— Уходя домой, Максимъ Федоровичъ позвалъ къ себѣ Григорія Додоку и Кичкаровскаго, желая, вѣроятно, съ ними посовѣтоваться по поводу просьбы Свѣчки и сообщить свои подозрѣнія на его счетъ, но едва они пришли въ домъ отца протопопа, какъ пришелъ слуга Свѣчки Иванъ Грисенко съ просьбой дать церковные ключи. «Дайте», говорилъ Грисенко, «добродѣю, ключовъ отомкнути церковь и скарбницу, поставитъ панъ шкатулу свою з грамотами!»—«Я», разсказываетъ далѣе отецъ протопопъ, «пославъ своего «паламара» отпереть церковь, хотѣлъ потомъ и

---

1) Григорій Додока—полковой лубенскій есаулъ въ 1688 г.

2) Яковъ Кичкаровскій, сынъ Леонтія К., бывшаго сперва пирятинскимъ сотникомъ (1687—88), а затѣмъ полковымъ лубенскимъ писаремъ (1688—1690) и судьею (1690—1712).

самъ пойти спросить пономаря, что такъ долго дѣлалъ въ церкви п. Свѣчка,—«толкожъ ради гостя, будучого въ дому моемъ, удержатись мусѣлемъ», а когда возвратился съ ключами пономарь, то я его «питалемъ, для чого «бавился», и онъ разсказалъ слѣдующее: «Скоро, мовить, отомкнулемъ скарбницу, п. Лукьянъ, спитавши мене, чи не машъ у васъ мовитъ, молотка, вийти казалъ з олтара, а самъ, невѣдомо що въ скарбници дѣючи, бавился и стукалъ, не вѣдати чимъ, а потомъ, взявши образовъ три деревъяниxъ в олтарѣ, а четвертий—в церквѣ, отйишолъ, мовитъ до господи»...

Это былъ уже второй случай посѣщенія скарбницы Свѣчкою, на этотъ разъ съ похищеніемъ образовъ, но все же пирятинскій протопопъ не рѣшался на него жаловаться кому слѣдуетъ, а ждалъ дальнѣйшихъ событій, такъ какъ «шкатула» съ Свѣчкиными грамотами все стояла еще въ «скарбницѣ». Спустя четыре дня, Свѣчка опять пошелъ въ церковь. «По рождествѣ Іоановомъ», пишетъ о. Максимъ, іюня 28, «по обыкновенію, въ четвертокъ служба отправлялась «вѣкаріемъ», безъ бытности моей, на «дзвоници» церкви святителя Христова Николая, и когда по окончаніи службы, отомкнули великую церковь, чтобы перенести въ нее съ «дзвоници» книги и «аппарати», то вошелъ въ нее и п. Лукьянъ Свѣчка и велѣлъ паламарю отомкнуть «скарбницю». Но тотъ, «скарбници» неотмыкаючи, «скрился», а «вѣкарій» остался въ церкви и былъ свидѣтелемъ того, какъ Свѣчка, отворивъ «скарбницу» своимъ ключемъ, многое время въ ней «бавился». О. вѣкарій, ожидая выхода Свѣчки изъ скарбницы, спросилъ его слугъ, стоявшихъ въ церкви: «Чого то панъ вашъ такъ довго бавится въ скарбници?» «И тѣ ему на это «отказали»: «Грамотъ переглядаетъ»...—Обо всемъ этомъ отецъ протопопъ узналъ отъ своего викарія по возвращеніи его изъ церкви и тотчасъ же сообщилъ ктитору и атаману.

Новая попытка Лукьяна Свѣчки проникнуть въ «скарбницу» уже встрѣтила со стороны о. Максима нѣкоторое противодѣйствіе, выразившееся въ томъ, что онъ не хотѣлъ дать ему церковныхъ ключей; но у Свѣчки были свои ключи и просьбой

своей о церковныхъ онъ только хотѣлъ замаскировать мотивы своихъ приходовъ въ церковь. «По праздникѣ святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла, во вторникъ (продолжаетъ о. Максимъ), «забавенъ будучи», я не былъ въ церкви и «вѣкарій» мой тогда служилъ часы; въ это время Свѣчка, «подъ часъ Евангелія» прійдя въ церковь, слушалъ церковную службу, а по ея окончаніи «питалъ» викарія: «А протопопа вашъ, мовитъ, гдѣ?» Получивъ въ отвѣтъ, что протопопъ у себя дома, Свѣчка въ алтарѣ хотѣлъ «частовати» викарія «горѣлкою оковитою», но тотъ не хотѣлъ тамъ пить, послѣ чего Свѣчка «частовалъ» и викарія и дьякона «въ опасанѣ», а затѣмъ прислалъ ко мнѣ по ключъ отъ скарбницы своего слугу Тихона. «Прислалъ панъ по ключъ отъ скарбници, мѣетъ грамотъ пересмотровати», сказалъ мнѣ Тихонъ, но я ключа ему не далъ, говоря, что «паламаръ занюсъ гдесь ключи».—Однако, слуга тутъ же и выдалъ свего пана: «Когда, мовитъ, паламаръ ключи занюсъ, естъ же въ пана ключъ свюй,—такъ онъ отомкнетъ своимъ ключемъ!» Послѣ этого Свѣчка отомкнулъ «скарбницу» своимъ ключемъ и «презъ многое время, невѣдомо чого ради, бавился» въ ней»... Въ этотъ же день,—продолжаетъ свой разсказъ о. протопопъ,—пришелъ ко мнѣ Иванъ Пасютенко и «повѣдалъ»: «Есть, мовитъ, дѣльце мнѣ до п. Лукьяна; не вѣдаю, чи есть въ господѣ? На это я ему «отказалъ»: «Подобно, мовлю, въ церквѣ: присилавъ ко мнѣ Тихона по ключъ от скарбници, теди сказалемъ: невѣдаю, гдесь у паламара; и казалъ, мовлю, Тихонъ, же есть у пана свюй ключъ;—то може, ключемъ своимъ отомкнувши скарбницу, переглядаетъ грамотъ»...—Услышавъ это, Пасютенко тотчасъ-же насторожился и спросилъ протопопа: «Чи вамъ, мовитъ, Павелъ Буселъ не казалъ нѣчого?»—«Я, мовлю, не чувъ отъ его нѣчого».—«А минѣ-жъ, мовитъ, в Прилуцѣ на ярмарку онъ, Буселъ, говоривъ, що чомусь, мовитъ, шкатула тая легка, що з грошми стоитъ въ скарбници»...—Встревожившійся о. протопопъ «заразъ» же послалъ по Павла Бусла, котораго сталъ упрекать въ томъ, что тотъ скрылъ отъ него это важное обстоятельство: «Для чого ти, мовлю, не освѣдчилъ мнѣ, же полегшала шкатула?» Но тотъ сказалъ, что замѣчено это было

тогда, когда протопопъ былъ въ Прилукѣ на ярмаркѣ: «Бо в той часъ вы, мовитъ (Буселъ), в Прилуцѣ були, якъ мы зъ писаремъ, будучи в скарбници, глядѣли шкатули и подиймаючи (ее) познали, же полегшала»... Тотчасъ-же «по вислуханю мови таковой» протопопъ Максимъ послалъ за Бусломъ, атаманомъ и писаремъ, надѣясь застать еще Свѣчку въ церкви, но того уже тамъ не было... Отомкнувши «скарбницу», протопопъ, ктиторъ, атаманъ и писарь велѣли вынести «шкатулу» въ церковь, «которую якъ отомкнулъ писарь,—увидѣлисмо, же мало уже щось грошей, якихъ въ тое время не лѣчилисмо». «Толко я,—говоритъ протопопъ,—по совѣту ихъ, реестръ, въ той же «шкатулѣ лежачій, много (ли) въ ней всей суми найдовалося, до рукъ своихъ взявши, въ скритомъ мѣсцу до слушного часу сховалемъ, а шкатулу, знову замкнувши, на томъ-же мѣсцу поставили въ скарбници».— Желая узнать, дѣйствительно-ли деньги взялъ Свѣчка, протопопъ и его товарищи призвали къ себѣ викарія, разсчитывая у него узнать что-либо относящееся къ дѣлу, но тотъ, «барзо подпилий», только и могъ сказать: «Мене, мовитъ, в опасанѣ упоивъ п. Лукьянъ, а самъ я не вѣдаю, що онъ чинилъ въ церкви»... Такъ ничего достовѣрнаго въ улику Свѣчки протопопъ, криторъ и атаманъ съ писаремъ ничего не узнали, а потому, «печални будучи того ради, же панъ Лукьянъ Свѣчка, своимъ ключемъ отмикаючи скарбницу, учащалъ тамъ, а не могучи довѣдатися, же онъ побралъ гроши, молчалисмо, его, п. Лукьяна, не питали»..

Но протопопъ рѣшился все-таки выдѣлать кое-что отъ Свѣчки на счетъ церковныхъ «грошей», надѣясь, что онъ какъ либо проговорится, и потому пустился съ нимъ хитрить. «Того-жъ дня, пишетъ онъ, ходилъ я предъ вечернею до п. Лукьяна, но сказано мнѣ, что спитъ, а когда я служилъ вечерню, то п. Лукьянъ, вызвалъ меня изъ церкви, спросилъ: «Чого ти, мовитъ, до мене, приходивъ?» Я сказалъ: «Приходилемъ, мовлю, по обѣтницу, що обѣщалисте, мовлю, дати минѣ за сорокоустъ коня» [1]), а на са-

[1]) Рѣчь идетъ, повидимому, о сорокоустѣ, заказанномъ Лукьяномъ Свѣчкою „за душу“ его отца, умершаго въ 1699 году.

момъ дѣлѣ «вивѣдуючися» кгрошей церковнихъ: чи не вимовится якимъ словомъ»? При этомъ «тую рѣчь приточилемъ: «Слушне-бъ, мовлю, сховати в землю шкатулу з грошами церковними, чтобъ, мовлю, якая шкода не случилася»... На это Свѣчка отказалъ: «Нехай сотникъ ховаетъ ихъ», и знову сказалъ: «Нехай до утра, завтра уже сховаемо»... «На слѣдующее утро (въ среду), Лукьянъ Свѣчка присылалъ ко мнѣ узнать, дома-ли я, и извѣстившись, что дома, просилъ черезъ посланнаго къ себѣ, и какъ пришелъ въ домъ его, то говорилъ: «Бувъ, мовитъ, у мене атаманъ, и уже мы погодилсь, где тые гроши сховати»... («Якого часу, прибавляетъ о. Максимъ, и въ дому не було атамана!»); «уже жъ, мовитъ, вамъ извѣщу, якъ будетъ время гроши заховати...—Оттягивая время закапыванія «шкатулы», Свѣчка, повидимому, надѣялся еще разъ побывать въ «скарбницѣ»: «Черезъ двѣ «годины» послѣ этого разговора, продолжаетъ свой разсказъ протопопъ, прислалъ ко мнѣ п. Лукьянъ за церковными ключами, но я ихъ не далъ его посланцу, а самъ пошелъ съ ключами и отомкнулъ церковь. Сюда же пришелъ и п. Лукьянъ, а за нимъ «з цеглами и заступами» семь человѣкъ его слугъ, но я, видя «неслушность» съ его стороны и не желая «ховать» деньги безъ присутствія ктитора и писаря (атамана не было тогда въ Пирятинѣ), сказалъ п. Лукьяну: «Потреба, мовлю, ктитора и писара призвати, которые уже тогда стояли въ «опасанѣ», такъ какъ я ихъ извѣстилъ ранѣе, что п. Лукьянъ придетъ въ церковь грошей «ховати» церковныхъ. Какъ только вошли въ церковь ктиторъ и писарь, «заразъ» п. Лукьянъ послалъ писаря по «смюлку» [1]), но писарь ему возразилъ: «На що, мовитъ, смюлка?»—«Потреба, мовитъ (Свѣчка), мнѣ щось запечатати»; тогда и мы велѣли писарю принести хранившійся у него ключъ отъ «шкатули»: «Треба, мовимъ, осмотрѣти, же бысмо вѣдали, що ховати». Писарь принесъ ключъ и «смюлку», послѣ чего приступили къ выносу

---

[1]) *Смюлка* (смолка)—сургучъ.

«шкатули», причемъ сперва вынесли п. Лукьянову «скринку мнимую з царскими грамотами, которую ледво в чотирохъ винесли в церковъ, а когда оную отворили, (то) винайшовся камень болший и нѣякись давнии листи»... «И тогда, говоритъ о. протопопъ, позналисмо неправду пана Лукъянову, же, вмѣсто грамотъ, з каменемъ поставилъ скринку свою в скарбници, даби мѣлъ причину ходити въ скарбницу для забрання грошей церковнихъ»...

Вынеся эту «скринку», въ «скарбницу» вошелъ ктиторъ Буселъ, взялъ церковную «шкатулу из грошми» и, неся ее, говорилъ: «Чомусь, мовитъ, пане Лукъяне, легка шкатула? Чи буде що и ховати?» На это Лукьянъ Свѣчка ничего не «отповѣдалъ» и тутъ-же выдалъ себя тѣмъ, что спросилъ про «реестръ»: «Когда Буселъ, взявъ у писаря ключъ, отомкнулъ «шкатулу», заразъ почалъ п. Лукъянъ питатися: «А реестръ же той где, що тутъ бувъ?» На это ему отвѣтили писарь и ктиторъ: «Реестръ у отца протопопа, бо мы, мовятъ, оглядѣвши, же мало щось в шкатулѣ грошей, совѣтовалисмо отцу протопопѣ реестръ взяти до схования»... Послѣ этого эпизода, стало ясно, что деньги похитилъ не кто иной, какъ Лукьянъ Свѣчка, протопопъ и его товарищи показали реестръ Свѣчкѣ, высыпали «гроши» на амвонъ, «перелѣчили» ихъ («якихъ винайшлося пять золотихъ з лишкомъ»), общую сумму оказавшагося Свѣчка записалъ своею рукою въ реестръ, послѣ чего «мы, говоритъ протопопъ, велце прискорбни былисмо, въ недоумѣнии будучи, где подѣлися тые гроши»... О. протопопъ при этомъ уже сдѣлалъ и нѣкоторые намеки на самого Свѣчку: «Се, мовлю, великое диво, же подчасъ моровой язвы [1]) не пропали гроши з церкви, якъ мѣсто было опустѣло, а на сей часъ, мовлю, нихто, кромѣ васъ, пане Лукъяне не вѣчащалъ в скарбницу, и невѣдомо, гдѣ подѣлися гроши!» На это Свѣчка возразилъ, пробуя свернуть подозрѣніе

---

[1]) Рѣчь идетъ о моровой язвѣ, бывшей въ Малороссіи съ весны 1710 г. до начала 1711 г.

на писаря, хранителя церковныхъ ключей, или на самого о. протопопа: «Въ моръ бо не до грошей було; у кого, мовить, ключи, тотъ, мовить, и вѣдаетъ, гдѣ гроши!»—«По томъ, говоритъ о. протопопъ, замолчалисмо», а затѣмъ стали «питать» Свѣчку, куда поставить «шкатулу» съ позосталими «грошми», на что п. Лукьянъ сказалъ: «Нехай озметъ Буселъ!» Но тотъ на это не согласился, не желая принимать отвѣтственность за цѣлость ихъ: «Я, повѣдаетъ, не хочу брати грошей; где стояли, то нехай тамъ и стоять!» А Свѣчка, соглашаясь на то, чтобы «шкатула» стояла по прежнему въ «скарбницѣ», присовокупилъ: «Глядѣте жъ, мовитъ, щобъ хто не вкравъ и останку!»—«Шкатулу» снова замкнули и поставили на прежнемъ мѣстѣ въ «скарбницѣ», надѣясь, что Свѣчка уже болѣе не будетъ туда навѣдываться. Протопопъ, ктиторъ и писарь «отойшли во свояси», а затѣмъ о. Максимъ, «прискорбнымъ будучи», поѣхалъ до Чорнухъ... Отсутствіемъ его тотчасъ же и воспользовался Свѣчка, причемъ прибѣгъ къ тому же «фортелю»...

«Поутру въ четвертокъ (на слѣдующій день),—повѣствуетъ пирятинскій протопопъ,—безъ бытности моей и моей «господиновой», самъ онъ, п. Лукьянъ, «или презъ посланнаго своего въ дому моемъ взявши ключи тайно», отворилъ церковь и внутри ея замкнулся... На бѣду его, шелъ мимо церкви «паламаръ», который, увидѣвъ, что отворенъ «опасанъ», «почалъ сваритись»: «Невѣдомо, хто то, мовитъ, отворивъ опасанъ!» «Тертичники, тогда близъ церкви рѣжучии дерево на тертици», отозвались на его слова: «Стой, мовятъ, не кричи! То Лукьянъ Свѣчка пошелъ в опасанъ!» Услышавъ это, «паламаръ» тотчасъ же побѣжалъ въ мой домъ, гдѣ и удостовѣрился, же ключи взято". Побѣжавъ тогда въ «опасанъ», пономарь «учулъ, же голосъ ходитъ по церкви», а затѣмъ пришелъ «под скарбницу», «почулъ, же онъ (т. е. Свѣчка), въ скарбници стукаючи, невѣдомо, що чинилъ». Постоявъ немного подъ «скарбницею», пономарь побѣжалъ за ктиторомъ Павломъ Бусломъ, которому и разсказаль о тайномъ похищеніи ключей Свѣчкою въ моемъ домѣ по томъ, что онъ теперь «въ скарбницѣ, не вѣдомо що чинячи, стукаетъ».—Поно-

марь разсчитывалъ на то, что Буселъ пойдетъ съ нимъ въ церковь и они вмѣстѣ накроютъ Свѣчку на мѣстѣ преступленія, но Буселъ на это не согласился: «Я, мовитъ, нѣчого не могу учинити ему. Якъ я, мовитъ, пойду,—то онъ убъетъ мене! Що хочетъ, мовитъ, нехай чинитъ!»—Пономарь одинъ не рѣшился идти въ «скарбницу», такъ что на этотъ разъ Свѣчка безпрепятственно тамъ «бавился». Дѣло этимъ, однако, не окончилось.

Въ субботу (черезъ два дня), Свѣчка въ отсутствіе протопопа вновь присылалъ слугу своего «компанѣйца» по ключи «до господи о. Максима, но «попадья моя ему ихъ не дала: «Для чого вы, мовитъ, хапаете ключи. Чи не вѣдаете, мовитъ, що учинилась шкода в церкви?» «Компанѣецъ же на это возразилъ ей: «Уже-жъ, мовитъ, не вы будете отвѣщати за тую шкоду», и вхопивши ключи, побѣгъ съ хати»... На этотъ разъ Свѣчка опять отомкнулъ церковь и «невѣдомо, что дѣлалъ» въ ней, а затѣмъ взялъ изъ церкви и образъ мой «древяний»,—говоритъ о. протопопъ. Атаманъ съ писаремъ и ктиторомъ сочли нужнымъ безъ бытности о. Максима освидѣтельствовать «шкатулу», которую уже не могли отомкнуть ключемъ, а отбили (вѣроятно, Свѣчка испортилъ замокъ у ней), «и толко въ ней грошей, повѣдаютъ, винайшлося талярей тридцятъ», о чемъ и разсказали протопопу, когда онъ возвратился.

Послѣ этого случая Свѣчка ѣздилъ затѣмъ въ Глуховъ, возвратившись откуда, «запросилъ» къ себѣ о. протопопа и, видя его «велце прискорбнаго взятихъ ради грошей», признался «в тые слова»: «Не скорбѣте, мовитъ, я тые гроши побралемъ», також и предъ атаманомъ и писаремъ того не таился»...

Свой «виписъ» о. Максимъ Федоровичъ заключаетъ слѣдующими словами: «Таковие его, пана Лукъяна Свѣчки, дѣяния, инквѣзите виписавши, зверхнѣйшимъ господамъ ко разсужденію подаю, в невинности моей под совѣстию душевною извиняючися, бо отнюдъ не вѣдалемъ, якъ онъ бьралъ тые гроши, послѣ-жъ отъ его жъ увѣдомилемся; а любо то и вѣдалемъ тое, в який часъ и безъ бытности моей онъ, панъ Лукъянъ Свѣчка, в цер-

ковной скарбницы бывалъ, еднакъ всегда старшинѣ пѣратинской о томъ извѣствовалемъ.

Максимъ Федоровичъ, протопопъ перятинский».

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ финалъ этого дѣла. Было ли оно предметомъ судебнаго иска, или, что вѣроятнѣе, Свѣчка добровольно возвратилъ похищенное—объ этомъ нѣтъ свѣдѣній въ нашихъ источникахъ.

В. Модзалевскій.

Баллада о Бондаривнѣ и панѣ Канёвскомъ.

(Новые варіанты и литература пѣсни).

Въ мартовской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1902 годъ г. Ц. Нейманъ помѣстилъ обстоятельную, цѣнную статью: «Малорусская баллада о Бондаривнѣ и панѣ Канёвскомъ», въ которой, на основаніи всѣхъ извѣстныхъ ему (17) варіантовъ, попытался возстановить балладу въ возможно полномъ ея видѣ, давши сводный текстъ ея. Г. Нейману извѣстны были слѣдующіе варіанты, которыми онъ пользовался: 1) *три* варіанта изъ сборника Kolberga «Pokucie» (1833, т. II, 4—6 и 293); 2) *два* варіанта въ сборникѣ Waclawa z Oleska (1883, 493—494); 3) *четыре* варіанта Головацкаго (1863, т. I, 63—68 и 1870, т. II, 601); 4) *одинъ* вар. въ сборникѣ Закревскаго «Старосвѣтскій Бандуристъ» (1860, стр. 100); 5) *одинъ* вар. въ сборникѣ Чубинскаго (1874, т. V, 426); 6) *одинъ* въ «Zbiór Wiadomości do Antropologji Krajowej (1883, т. VII, Rokossowska); 7) *одинъ*—тамъ же (1884, т. VIII, Neyman); 8) *одинъ* въ «Кіевской Старинѣ» (1885, X, стр. 240); 9) *одинъ* въ книгѣ Stecki. Wolyn pod względem statystyczn. histor., i archeolog. (1864, т. I); 10) *одинъ* неизданный варіантъ: 11) *одинъ* польскій переводъ варіанта въ журналѣ «Atheneum» за 1842 г., т. VI. Изъ этого количества—8 записаны на нашей Украйнѣ (4 въ волынской губ., 2 въ кіевской и 2 въ подольской), а остальные 9—въ Галичинѣ. «Боль-

шинство варіантовъ записано въ Галиціи,—говоритъ г. Нейманъ [1]),—а потому можно было бы предположить, что родиной баллады была именно Галиція, а не Украйна и Богуславъ, но для такого предположенія у насъ мало варіантовъ, неравномѣрное распредѣленіе которыхъ по мѣстностямъ могло произойти совершенно случайно. Пока еще невозможно сказать съ достовѣрностью, гдѣ эта пѣсня болѣе распространена и гдѣ сохранились болѣе полные варіанты». Предоставляя будущему изслѣдователю рѣшить въ окончательной формѣ этотъ вопросъ, мы съ своей стороны, укажемъ цѣлый рядъ матеріаловъ, какъ печатныхъ, но бывшихъ неизвѣстными г. Нейману, такъ и неизданныхъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, которые, быть можетъ, помогутъ ближе подойти къ рѣшенію вопроса о родинѣ баллады и степени ея географическаго распространенія. Изъ печатныхъ варіантовъ г. Нейману не были извѣстны 16, а именно: 1) Максимовичъ. Малоросс. пѣсни, 1827 г., 79; 2) Żegota Pauli, 1833, 493 и 494 (2 варіанта); 3) Гацуцкъ. Вжынокъ ридного поля, 1857, 297; 4) Мордовцевъ. Малорусскій литературный сборникъ, 1859, 202—205; 5) Переговскій В. Волынскія малороссійскія пѣсни,—Волын. Губ. Вѣд 1869, № 3 (отдѣльн. оттискъ, стр. 43); 6) Наука, газета въ Коломыѣ, 1875, 142; 7) Лисенко. Збирныкъ укр. писень, 1876, III, № 5; 8) Зоря, 1881, № 11; 9) Календар Товариства «Просьвіта» р. 1883, стр. 30; 10) Степъ. Херсонськый беллетрыстычный збирныкъ, 1886, стр. 27; 11) Лисенко. Збирныкъ нар. укр. писень. 6 десят. 1897, № 2; 12) Гринченко Б. Этнографическіе матеріалы, т. III, 1899, стр. 612—616 (4 варіанта); 13) Трыста найкращыхъ укр. писень К. 1904, стр. № 32 (перепечатка изъ 6 десятка сборн. Лисенка). Кромѣ того, въ нашемъ распоряженіи имѣются неизданные варіанты: 1) изъ рукописнаго сборн. Зоріана Доленги-Ходаковскаго, принадлежащаго В. П. Науменку,—начала XIX ст. (не позже 1813—1814 г.),—мѣсто записи неизвѣстно; 2) изъ рукописнаго сборника Федора Бодянскаго, брата О. М. Бодянскаго (сборникъ принадлежитъ О. И.

---

[1]) Кiев. Стар. 1902, III, 372.

Левицкому) (запись прилукскаго у. въ 1830—40-хъ г.г.); 3) запись г. П. Красовскаго въ м. Обуховѣ, кіевскаго у. въ 1890-тыхъ г.г. (сообщилъ С. А. Ефремовъ); 4) Запись г. С. А. Ефремова въ с. Пальчикѣ, звенигородскаго у. въ 1890-тыхъ г.г., 5) запись послѣднихъ лѣтъ г. Я. Сенчика въ с. Малковѣ, люблинской губ. (изъ матеріаловъ редакціи «Кіевской Старины».), 6) наша запись въ м. Екатеринополѣ, звенигородскаго у. Такимъ образомъ, общее количество извѣстныхъ варіантовъ пѣсни о Бондаривнѣ доходитъ въ настоящее время до 39 [1]) (въ томъ числѣ и польскій переводъ волынскаго варіанта въ «Atheneum»), и изъ этого числа на Галичину приходится всего—лишь 13 или 14 [2]), а на нашу Украину остальные 25—26 [3]), т. е *вдвое больше*, чѣмъ на Галичину. Впрочемъ, и при данныхъ условіяхъ мы не можемъ рѣшительно высказаться за кіевско-украинское происхожденіе баллады, хотя количественное преимущество уже не на сторонѣ Галичины. Что касается района распространенія нашей пѣсни, то замѣчаніе г. Неймана, что «богатые труды по этнографіи лѣвобережной Малороссіи не отмѣтили тамъ этой баллады вовсе», въ данное время (см. варіанты Гринченка, Ш, 615, отрывки въ «Кіевск. Стар.», 1902, V, и печатаемый ниже Федора Бодянскаго) теряетъ свою силу, и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывается его предположеніе, что «трудно допустить, чтобы рѣка Днѣпръ могла въ теченіе 150 л. удерживать распространеніе этой симпатичной баллады»: баллада эта, какъ знаемъ, извѣстна, въ 3-хъ уѣздахъ

---

[1]) Сверхъ того еще три отрывка баллады изъ записей въ пирятин. у. (полт. г.), ананьевскомъ (херс. губ.) и Кременцѣ (волынск. губ.), напечатанныхъ въ дополненіе къ статьѣ г. Неймана въ «Кіевской Старинѣ», 1902, V, 99—101; такимъ образомъ всѣхъ варіантовъ пѣсни извѣстно понынѣ 42.

[2]) Не имѣя подъ руками «Зори» за 1881 г. № 11—не знаемъ въ точности мѣста записи помѣщенной тамъ баллады.

[3]) Точнѣе, 28—29, считая 42 варіанта съ указанными выше отрывками.

полтавской губ. и въ херсонской губ. (ананьевск. уѣздъ), и даже въ черниговской (нѣжинск. у.) [1]).

Переходя къ деталямъ печатаемыхъ ниже варіантовъ, видимъ, что мѣсто дѣйствія названо однажды Немировъ (вар. Ходаковскаго), однажды Берестечко (Люблин. вар.), дважды Кіевъ (Бодянск. и Красовскаго), однажды Шендеривка (мѣстечко кан. у.— записано въ с. Пальчикѣ, звенигор. у., отстоящемъ за 60 в. отъ Шендеровки), наконецъ въ рукописи Ходаковскаго въ примѣчаніи къ «Немирову» стоитъ: «inni śpiewaią w Bogusławie». Это наидревнѣйшее свидѣтельство (начала XIX ст.) особенно интересно.

Панъ Канёвскій фигурируетъ въ варіантѣ Ходаковскаго и г. Ефремова (изъ с. Пальчика),—въ послѣднемъ уже въ формѣ Канявского; въ вар. г. Красовскаго превратился въ пана Вышнивського, въ нашемъ—Гранецкого, а у Бодянскаго—просто *вельможный* [2]). Въ погоню за Бондаривной отправляются *гайдукы* (у Ходаковскаго), *3 жовниры* (люблин. губ.) [3]), *два жандары* (нашъ и г. Красовск.), [4]) *два драгуны* (г. Ефремова) и просто *два кинъмы* (Бодянск.). Бондаривна въ одномъ случаѣ именуется *Галей* (вар. Бодянскаго),—подобно тому какъ въ другомъ полтавскомъ варіантѣ, г. Лукашевича—Димною, Домашенькою (Гринч. III, 614—615); Каневскій сажаетъ ее на *тесовимъ* столи (Ходаков.),

---

[1]) См. книжку В. Данилова «Пѣсни с. Андреевки, нѣжинск. у.» Кіевъ, 1904, стр. 94: упоминается о записи въ с. Андреевкѣ пѣсни о Бондаривнѣ, но въ искаженномъ видѣ (самой записи нѣтъ). Пользуясь случаемъ, считаемъ своимъ долгомъ исправить поспѣшное замѣчаніе наше въ рецензіи на книгу г. Данилова (Зап. Н. Тов. ім. Шев., т. LXII Библіогр. стр. 27, прим.) въ томъ смыслѣ, что баллада о Бондаривнѣ въ Лѣвобережн. Украинѣ до сихъ поръ была неизвѣстна.

[2]) *Вельможный* фигурируетъ и въ другомъ полтавскомъ варіантѣ—записи П. Лукашевича (Гринченко, III, 615).

[3]) Тоже въ полтавск. варіантѣ Лукашевича: «два жолнира», (Гринч. III 615) и въ Липовецк.—г. Лисенка (Збирн. нар. укр. писень, 6 дес. № 2—«два жовниры».

[4]) Тоже въ Каневск.—вар. г. Гринченка (III, 613).

а стрѣляютъ въ нее изъ *лука* (Ходак. и Бодянскій) или «*ружжя*» (г. Красовскій, Ефремовъ и нашъ). Какъ новую подробность, можно отмѣтить, что убѣгая, Бондаривна «сховалася до новои клиткы», но ее выдали малыя дѣти (люблинск. губ.), а также, что Бондаривну Каневскій обѣщаетъ бросить въ море «писокъ йисты» (вар. Красовскаго). Какъ на вліяніе запада на текстъ баллады можно указать на выраженія ...у мистечку Беристечку *компанія* грала» (Любл. вар.),—очевидно, искаженное *капелія* (см. вар. Rokossowsk. у Головацк т. III, Гринченко, Ш, 613), это выраженіе превратилось (Гринченко, Ш, 614) въ *баталію* и даже въ *кумедію* (Гринч. Ш, 614, В: «Збиралася кумедія въ Каневского пана); затѣмъ «музыки» играютъ «до гробу» Бондаривнѣ (Ходаков.). Вліяніе современности можно видѣть въ томъ, что Бондаривну Каневскій сажаетъ на *кроватъ* (Красовск.), на *крисло* (тамже; тоже и у Гринч. Ш, 614, Б.); Бондаривна откупается карбованцемъ (Красовск.): Каневскій подаетъ, ей «штаканъ вына» (нашъ вар.); что же касается *кареты* (Бодянскій, любл. губ., Гринч. Ш, 612) то, быть можетъ, эта подробность и болѣе древняго времени.

1.

Въ мисти Немырови дивокъ танокъ ходыть,
Молодая Бондаривна всихъ *передомъ водыть.*
Ой прыйихавъ панъ Канёвскій *зъ велыкого двору*;
Ой злизъ зъ коня, поциловавъ Бондаривну дивку.
Говорылы стари люде, говорылы зтыха:
«Утикай, утикай Бондаривна, буде тоби лыхо!»
Утикала Бондаривна помежы домамы,
А за нею гайдукы зъ голымы шаблямы,
Ой пиймалы Бондаривну за билую руку,
Ой повелы Бондаривну на велыку муку
Посадылы Бондаривну на *тесовимъ столи;*
Казавъ даты Бондаривни *хлиба и соли.*
Чы ты хочешъ, Бондаривна, меду—вына пыты;
Чы ты хочешъ, Бондаривна, въ сырой земли гныты?

Не хочу я, пане Канёвскій, меду—вына пыты,
Волю я, молодая, въ сырой земли гныты.
Уцарывъ панъ Канёвскій изъ тугого лука—
Учынылася Бондаривна нимая и глуха.
Ой лежала Бондаривна зъ вечора до ранку,
Покы сказавъ панъ Канёвскій выкопати ямку.
Ой сказавъ панъ Канёвскій музыкы зазваты,
Молодій Бондаривни до гробу заграты.
У нашій (!) Бондаривны *смоляныи лавкы,*
Тамъ йидалы, тамъ пывалы препышныи панкы.
У тій Бондаривны въ долыни мережка,
Куды неслы Бондаривну—кровавая стежка.

Запись З. Доленги-Ходаковскаго, по всей вѣроятности въ южной части Волынской или въ сѣверной Подольской, но, судя по языку, не въ Галичинѣ. Къ сожалѣнью, этотъ найдревнѣйшій варіантъ баллады о Бондаривнѣ не полонъ и искаженъ, вѣроятно самимъ записывателемъ.

2.

Що въ Кыиви на рыночку громада стояла,
Молодая Бондаривна зъ *Вельможнымъ* гуляла;
Що въ Кыиви на рыночку тыхый танокъ ходыть,—
Молодая Бондаривна передочокъ водыть,
Якъ прыйихавъ панъ Вельможный до того таночка,—
Ажъ тамъ ходыть, ажъ тамъ гуля Бондаренка дочка;
Всимъ дивочкамъ—паняночкамъ да шапочку изнявъ,
Молодую Бондаривну обнявъ—поцилувавъ.
«Охъ не вгоды (нъ ?) мене, пане, да циловаты,
Да й угоды (нъ ?) мене, пане, въ карету сажаты.
Ой клыкала іи маты у степъ гречкы жаты.—
Ни зъ кымъ буде вельможному пыты та гуляты!
Якъ шепнулы Бондаривни та старыя люде:
«Тикай, Галю Бондаривно, лыхо тоби буде»!
Якъ побигла Бондаривна густымы лозамы—

А за нею молодою два киньмы ганялы.
Якъ прыбигла Бондаривна къ кленовому мосту,
Хоча вона не хороша—велыкого зросту.
Якъ прывелы Бондаривну до пана въ свитлоньку,
Сталы іи вытаты, якъ ту голубоньку;
Посадылы Бондаривну до стины плечыма,
А до пана Вельможного карымы очима.
Якъ загадавъ панъ Вельможный двохъ писень спиваты,
А самъ сивъ у конець стола лучка натягаты;
Якъ загадавъ панъ вельможный да грубы топыты,
А самъ сивъ у порога два ножи гострыты.
А въ нашого Бондаренка побыти колочкы:
Ой лежала Бондаривна симъ день безъ сорочкы;
Ой лежала Бондаривна изъ ранку до ранку
Покы звеливъ панъ вельможный выкопаты ямку.
Пышы лысты, пышы быстри до ридного батька,
Що воне тоби, Бондаривно, выкопана ямка.
Ище лысты, ище быстри туды не доходять,
Да вже жъ Галю Бондаривну до гробу доносять;
Ище лысты, ище быстри видтиль не вернулысь,
Да вже жъ Галю Бондаривну въ яму загорнулы.

Запись Федора Бодянскаго въ Прилуцк. у., въ 1830—40 г.г. Запись подверглась значительнымъ измѣненіямъ, что вполнѣ естественно въ районѣ, весьма удаленномъ отъ мѣста описываемаго эпизода. Конецъ варіанта построенъ по аналогіи съ другими пѣснями; непонятна посылка писемъ къ отцу, который, судя по всему, долженъ былъ быть тоже въ Кіевѣ, какъ и мать, которая зоветъ Бондаривну «у степъ гречкы жаты». Данный варіантъ весьма близокъ къ напечатанному у Б. Гринченка, Ш, 614—615,—еще болѣе принявшему новыхъ чертъ и новообразованій. Эти два варіанта, подобно вар. Головацкаго, т. II, 601 и Неймана (Zbiór Wiadomosci, t. VIII) являются диссонансомъ въ характеристикѣ Бондаривны, какъ дѣвушкѣ честной, невинной, не знавшей до того Каневскаго.

3.

А въ Кыиви на рыночку
Дивочокъ таночокъ;
Молодая Бондаривна
Веде передочокъ.
Ой де взявся панъ панъ *Вышнивськый*
Зъ своымы слугамы,
Да наглядивъ Бондаривну
Зъ чорнымы бровамы.
А ще къ тому де взялыся
Превражіи люде:
—«Тикай, тикай, Бондаривно,
Горе тоби буде».
Якъ побигла Бондаривна
Бытымы шляхамы,
А за нею два жандары
Зъ гострымы шаблямы.
Якъ догналы Бондаривну
На калыновимъ мости:
—«Ой вернысь, вернысь, Бондаривно,—
Клыче панъ у гости».
—«О нате вамъ, жандарыкы,
Карбованця грошей,
Да не ведить мене, жандарыки,—
Вашъ панъ нехорошый.
Ой нате жъ вамъ, жандарыкы,
Золоту каблучку,
Да не ведить мене до пана
На велыку мучку».
Якъ узялы жандарыкы
Да тую дивыцю,
Да прывели ажъ до пана
У нову сьвитлыцю.

Тамъ прыказавъ панъ Вышнивськый
Та на *кро́вать* систы,
Та ще й каже Бондаривни:
«Чы не хочешъ йисты,
Чы зо мною, Бондаривно,
Та на *кресли* систы?
Ой чы хочешъ, Бондаривно;
Чы йисты, чы пыты,
Ой чы хочешъ, Бондаривно,
Зо мной говорыты?
Ой чы хочешъ, Бондаривно.
Зо мной розмовляты,
Ой чы хочешъ, Бондаривно,
У *пи́ску* лежаты?
Ой чы хочешъ, Бондаривно,
Зо мною *на посади* сыдиты,
Ой, чы хочешъ, Бондаривно,
Въ сырій земли приты?»
—«Ой лучче жъ мени, Бондаривни,
Въ мори писокъ йисты,
Якъ зъ тобою, препоганымъ,
Та на кресли систы».
Ой одправывъ Бондаривну
Идъ новій коморі:
«Да спивай, спивай, Бондаривно,
Писни жалибнои».
Якъ загадавъ Бондаривні
Писеньку спиваты,
А самъ пишовъ у сьвитлыцю
Ружжя заражаты.
Ой вырвалась Бондаривна
Зъ новои коморы,
А винъ вцилывъ Бондаривну
Не въ плечы, а въ спыну.
«Теперъ будешъ, Бондаривно,

Въ сырій земли приты,
Що не схтила ты, чорнява,
Зо мною сыдиты;
Теперъ будешъ, Бондаривно,
Въ мори писокъ йисты,
Що не схтила ты, чорнява,
Изо мною систы».

Записалъ П. Красовскій въ м. Обуховѣ Кіевскаго уѣзда, отъ Іосифа Дацька 45 лѣтъ. Наиболѣе близкій варіантъ у Б. Гринченко, Ш, 613—614, Б.

4.

Ой у сели *Шендеривци*
Танокъ дивокъ ходыть,
По-переду Бондаривна водыть.
Панъ Канявськый въ викна заглядае,
Выскочывъ панъ *Канявськый*
На день добрый давъ,
А Бондаривну обнявъ та й поцилувавъ.
Не долженъ ты, панъ Канявськый,
Въ биле лыце цилувать,
А долженъ ты, панъ Канявськый,
На добры-день дать.
Закрычалы стари люде,
Ще й маліи диты:
«Тикай, тикай, Бондаривно,
Пропала на викы»!
Утикала Бондаривна
Бытымы шляхамы,
А за нею два *драгуны*
Зъ голымы шаблямы.
Ой пійнялы Бондаривну
Коло млына,
Така вона стала,

Якъ билая глына.
Ой пійнялы Бондаривну
За шыти рукава,
Прывелы Бондаривну
Передъ Канявського пана.
Чы прыстаешъ, Бондаривно,
Въ срибли-злоти жыты;
Чы прыстаешъ, Бондаривно,
Въ сырій земли гныты?
Не прыстаю, панъ Канявськый,
Въ срибли-злоти жыты,
А прыстаю, панъ Канявськый,
Въ сырій земли гныты
Ой заставывъ панъ Канявськый
Билу постиль слаты
А самъ пишовъ у кимнату
Ружжо заряжаты.
Якъ ударывъ панъ Канявськый
Пидъ билее плече,
То зъ Бондаривни кровъ ричкамы тече.
А у теи Бондаривни
Червоная стричка,—
Куды іи повезлы,
Все кривава ричка.
А у теи Бондаривны
Въ долу мережка,—
Куды іи повезлы,
Все кривава стежка.
Почувъ старый Бондаръ
Видъ Бога хвалою;
«Безталанна моя доня!
Наклала головою!»

Записалъ С. Ефремовъ въ с. Пальчикѣ Звенигородскаго у., отъ Маріи Олійныковои 32 лѣтъ. Варіантъ значительно исправленный, потерянъ размѣръ.

5.

Тамъ въ мистечкуבересточку
Компанія грала
Молодая Бондаривна
Цилу ничъ гуляла.
А прыйихавъ панъ Каньовськый
Всимъ «день добрый« дае́,
Молодую Бондарирну
Съ коня обіймае.
«Не годенъ ты, панъ Каньовськый,
День добрый даваты,
И ще мене молодую
Съ коня обіймаіы,
Бо ты есть, панъ Каньовськый,
Высока вельможа,
А я бидна Бондаривна,
Видъ простого ложа».
Говорылы мищанына,
Говорылы люде:
«Ой втикай же, Бондаривно,
Бо бида ти буде!«
А втикала Бондаривна
Горамы й доламы,
А за нею панъ Каньовськый
Зъ трома жовнирамы.
Сховалася Бондаривна
До новои клиткы,
Ой выдалы Бондаривну
Маленькіи диткы.
«Ой чы волышъ, Бондаривно,
Въ сырій земли гныты?
Ой чы зъ нашымъ паномъ Каньовськымъ
Въ карыти йиздыты?
«Ой волю я, жовнирыкы,

Въ сырій земли гныты,
Ой якъ зъ Вашымъ паномъ Каньовськымъ
Въ карыти йиздыты!»
«Ой чы волышъ, Бондаривно,
Въ сырій земли гныты?
Ой чы волышъ зъ паномъ Каньовськымъ
Меды, вына пыты?»
«Ой волы я, жовнирыкы,
Въ сырій земли гныты,
Ой якъ зъ вашымъ паномъ Каньовськымъ
За столомъ сыдиты!»
Ой вывелы Бондаривну
На новенькый мóстыкъ,
Ой истялы Бондаривни
Головоньку зъ злосты.
Дають люде старенькому
Батькови знаты:
«Иды, иды, старый батьку,
Несчасну ховаты!»
Ой выйшовъ же панъ Каньовськый
До еи свитлыци—
Лежыть, лежыть Бондаривна
Въ дорогій спидныци:
„Rusą kosą, białem licem
Skąsilaś mi, panno,
Oj straciłem nazadarmo
Twoie młode życie“
Обизвався панъ Каньовськый
Сто дукативъ даты,
Жебъ молоду Бондаривну
Въ церкви поховаты.
Ой выкынувъ панъ Каньовськый
Двадцять пьять дукативъ:
«Ото маемъ, старый бондарь,
Помынкы справляты!»

А выкынувъ панъ Каньовськый
Тай трыдцять червонцивъ:
«Ото маешъ, старый Бондарь
На позвинъ по дочци!»
На городи крыныченька—
Воды напытыся,
Мала-мъ дочку едыныцю
Не надывытыся!

(Зап. Я. Сенчикъ въ с. Малковѣ, Люблин. губ.).

6.

Ой не знала Бондаривна,
Що на неи буде,
Та сказалы йіи люде:
«Тикай, тикай, Бондаривно,
Шось на тебе буде!»
Ой побигла Бондаривна
Темнымы лугамы,
А за нею два жандары
Зъ гострымы шаблямы.
Ой упала Бондаривна
Въ глыбокую яму,
Ой вытяглы Бондаривну
Якъ ту рыбу вялу:
Та прывелы Бондаривну
До пана Гранецького:
«Здрастуй, здрастуй,
Пане Гранецькый:
Що маешъ казаты?»
Налывае штаканъ вына
Ты ставъ частуваты.
«Не хочу я, панъ Гранецькый,
Цёго вына пыты,
Не хочу я, панъ Гранецькый,

И тебе любыты».
Заставылы Бондаривну
Та писню спиваты,
А хлопчыкы маленькіи
Ружжо заряжаты.
Ще молода Бондаривна
Писни не спивала,
А вже іи головонька
Изъ плечей спала.
Знаты, знаты въ Бондаривны,
Що шовкова стричка,—
Полылася зъ Бондаривны
Кровавая ричка.
По кому це такъ голосно
Уси звоны звонять?
То молоду Бондаривну
Та уже хоронять.
Знаты, знаты Бондаривну,
Що дуже гарна була,
Бо молода Бондаривна
Та у яму лягла.

(Записана въ 1904 г. отъ бабы Быдулчыхы въ м. Екатеринополѣ (Калныболотахъ), Звенигород. уѣзда).

В. Доманицкій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Столпянскій П. К. *Матеріалы къ исторіи русской литературы и науки въ XVIII вѣкѣ. Выпускъ I. Опытъ библіографическаго указателя книгъ по географіи, изданныхъ въ Россіи въ царствованіе имп. Екатерины II (1762—1796 г.).* Оренбургъ, 1903, стр. 1—92, in 8°.

Г. Столпянскій, членъ Оренбургскаго Отд. Русск. И. Географическаго Общества, задался цѣлью собрать возможно полную литературу по географіи Россіи, ограничившись періодомъ царствованія Екатерины II. Почему онъ избралъ такой именно періодъ, а не взялъ, напр., весь XVIII в.,—это дѣло вкуса г. Столпянскаго. Во всякомъ случаѣ, то, что онъ исполнилъ, исполнено добросовѣстно, обстоятельно: приложено къ данному труду не мало усердія. Указатель ограничивается изданіями по географіи Россіи, но понимать этотъ терминъ надо шире: сюда входятъ изданія вообще по географіи Россіи: карты, планы, изданія по всеобщей, физической и математической географіи, путешествія, наконецъ этнографія. Всѣхъ №№ авторъ отмѣчаетъ 313, при томъ при каждомъ находимъ указаніе, у кого изъ библіографовъ имѣется упоминаніе о немъ, а также, гдѣ то или иное рѣдкое изданіе можно видѣть. При нѣкоторыхъ №№ находимъ и содержаніе книги, что даетъ болѣе ясное представленіе о книжкѣ.

Полагая, что для нуждъ нашей библіографіи, да и вообще для каждаго, имѣющаго отношеніе къ наукѣ о нашемъ прошломъ, будетъ не безразличнымъ отмѣтить все, что насъ касается, мы и предлагаемъ вниманію читателей выписи о такихъ изданіяхъ, которыя могутъ имѣть хотя бы косвенную цѣнность. Понятно, многія изданія, быт-

можетъ большинство, многимъ будутъ хорошо извѣстны, но для цѣльности и удобства справокъ мы выписываемъ всѣ подъ рядъ.

1773. Извѣстія (краткія географическія, политическія и историческія) о Малой Россіи съ пріобщеніемъ Украинскихъ трактовъ и извѣстій о почтахъ, а также списка духовныхъ и свѣтскихъ тамъ находящихся чиновъ, о числѣ народовъ и проч. Изъ разныхъ мѣстъ собраны и изданы В. Рубаномъ. С.-Пб. 1773, м. 8°. 8 нен. стр.+91 нум. стр. (Второе изданіе въ 1777 г.).

Сопиковъ. 4419 и 4420. Чертковъ (каталогъ) 416.

1777. *Рубанъ.* Краткая | Лѣтопись | Малыя Россіи | съ 1506 по 1776 годъ | съ изъявленіемъ | Настоящаго Образа | Тамошняго правленія | и съ пріобщеніемъ списка | Преждебывшихъ Гетмановъ | Генеральныхъ | Старшинъ, Полковниковъ и Іерархов; та | кожъ Землеописанія, съ показаніемъ Го | родовъ, Рѣкъ, Монастырей, Церквей, числа | Людей, извѣстій о Почтахъ и другихъ | нужныхъ свѣдѣній | издана Васильемъ Григорьевичемъ | Рубаномъ, | Господиномъ Коллежскимъ Ассесо | ромъ и Вольнаго Россійскаго Собранія | при Императорскомъ Московскомъ | Университетѣ, Членомъ | Въ Санктпетербургѣ | Печатано при Артиллерійскомъ и Инже | нерномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Кор | пусѣ у Содержателя Типографіи | Х. Ф. Клена, 1777 года | 6 нен.+LX+242 нум. стр. Цѣна 1 р.

Сопиковъ, 4244, стр. 3659. Библіотека Оренбургской Архивной Комиссіи.

1785. *Габлицъ Карлъ.* Физическое описаніе Таврической Области и ея мѣстоположеніямъ по всѣмъ тремъ царствамъ природы. С.-Пб. Г. Т. 1785 (2°). Смирдинъ. 3661.

1787. *Пространное* | *Землеописаніе* | Россійскаго Государства | изданное | въ пользу учащихся | по | Высочайшему повелѣнію | Царствующія Императрицы | Екатерины Вторыя | . Цѣна безъ переплета 60 к. | . Въ Санктпетербургѣ.

1787. 8 нен.+420 нум. стр.+8 картъ. (Въ главѣ IV говорится о Кіевскомъ, Екатеринославскомъ намѣстничествахъ, Таврич. области, Землѣ войска Донского—и соотвѣтствующія карты).

Библіотека Оренбургской Архивной Комиссіи. Сопиковъ 4253, Готье 5397.

1788. Описаніе (топографическое) Харьковскаго намѣстничества съ таблицею разстоянія городовъ, съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ,

взятымъ къ объясненію дѣяній и хронологіи изъ татарской исторіи Баядуръ-хана-Абдулгады, Россійской исторіи князя Щербатова, Начертанія Европейской Исторіи Готфрида Ахенвалла и политической исторіи Самуила Пуффендорфа. М. Т. К. Т. 1788 г. 8°. 170 стр.

Сопиковъ, 7746. Зап. Географ. Общ.

1791. Древности (достопамятнѣйшія) Кіева. К. Т А. 1791. 8°. (Второе изданіе въ 1795 г.).

Сопиковъ, 3477; 2449.

1791. Описаніе (краткое историческое) Кіево-печерской лавры съ извѣстіемъ о погребенныхъ въ Кіевѣ князяхъ и княгиняхъ рода Рюрикова. К. 1791. 12°.

Соп. 7560.

1793. Плещьева | Обозрѣніе | Россійской Имперіи | въ нынѣшнемъ | ея новоустроенномъ | состояніи | съ показаніемъ | новоприсоединенныхъ къ Россіи отъ Порты | Оттоманской и отъ рѣчи Посполитой | Польскихъ областей. Изданіе четвертое | противу первыхъ трехъ исправленное и многими | достопамятностями умноженное | Во градѣ св. Петра | печатано въ Императорской типографіи, | 1793 года. 10 нен.+184+34 нен. стр. in 8°.

Библіотека Оренбургской Архивной Комиссіи.

1793. Краткое | Землеописаніе | Россійскаго Государства, | изданное | для | народныхъ училищъ Россійской Имперіи | по Высочайшему повелѣнію | Царствующія Императрицы | Екатерины Вторыя | вторымъ тисненіемъ | Цѣна безъ переплета | Безъ картъ 25 коп.—Съ картами 50 коп. | Въ Санктпетербургѣ 1793 года. (Входятъ сюда: Кіевское и Екатеринославское намѣстничества, а также три новыя губерніи: Минская, Изяславская и Браславская).

Библ. Оренб. Архивн. Комиссіи.

1794. Изслѣдованіе (Историческое) о мѣстоположеніи Тмутараканскаго Княженія, изданное по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію. С.-Пб. Т. К. Ч. Е. 1794. 4°. 6 нен., IV+64 нум.+4 нен.+LXXIV (описаніе народовъ)+картина и 3 чертежа.

Соп. 4504. Смирдинъ, 2647 и др.

1794. Мейеръ Ан. Повѣственное описаніе землемѣрное и естествословное Очаковской земли, содержащееся въ двухъ донесеніяхъ и сочиненное херсонскаго гренадерскаго полка подполковникомъ. С.-Пб. 1794.

Сопик. 7680.

1795. Извѣстіе (краткое историческое) о Кіевѣ. К. Т. А. К. 1795. 8°. 8 стр.

Катал. Черткова, 611.

1795. Палласъ. Краткое | физическое и топографическое | описаніе | Таврической области, | сочиненное на французскомъ языкѣ | Петромъ Палласомъ, | Статскимъ Совѣтникомъ, Академіи Наукъ членомъ | ордена св. Владиміра Кавалеромъ, | и переведенное Иваномъ Рижскимъ | въ Санктпетербургѣ,—печатано въ Императорской Типографіи, 1795 года. 4°, 2 нен.+70 н. стр.

Карты.

1769. Трускотъ. Карта Польши и Молдавіи.
1773. Шмидтъ. Карта Таврической губерніи
1774. „ Карта Молдавіи и Валахіи.
1775. „ Карта Кіевской губерніи.
1776. „ Карта Могилевской губерніи.
1779. Исленевъ. Карта Новороссійской губерніи.
1783. Трускотъ. Карта Кубани.

1786. Новая карта Россіи, раздѣленная на намѣстничества. 3 большихъ листа.

1792. Атласъ | Россійской | Имперіи — состоящій изъ 46 картъ. | Изданный въ градѣ святаго Петра | 1792 года. Цѣна безъ пер. семь руб. | пятьдесятъ коп. | (Кіевское намѣстничество раздѣлено на 11 уѣздовъ, Екатеринославское на 15).

1792. Книга большому чертежу или древняя карта Россійскаго Государства, поновленная въ разрядахъ и описанная въ 1627 году. С.-Пб. 1792. 8°.

Соп. 5170.

1793. Атласъ (новый) или собраніе картъ всѣхъ частей земного шара, почерпнутый изъ разныхъ сочинителей. С.-Пб. 1793.

Смирдинъ, 3838.

1796. Шмидтъ. Карта пограничная между Россіею, Польшею и Турціею.

1796. Атласъ Россійской Имперіи, состоящій изъ 52 картъ. С.-Пб. 1796.

Всеобщая Географія.

1774. Бишингъ. Королевство Венгерское | со | пріобщенными къ оному землями | изъ | Бишинговой географіи | перевелъ | съ нѣмецкаго языка | Петръ Ковалевъ | цѣна 50 коп. | въ Санктпетербургѣ | при Императорской Академіи Наукъ | 1774 года.

Оренбургск. Публичн. Библіотека.

1774. А. Бауманъ. Краткое | начертаніе | географіи | для начинателей | Людвига Адольфа Бауманна | проректора Академіи въ Нейштатѣ | Бранденбургскомъ | (виньетка) переведенное | съ | нѣмецкаго на россійскій языкъ | Московскаго Императорскаго | Университета | студентомъ | Василіемъ Ивановымъ | (виньетка). Печатано при Императорскомъ Московскомъ | Университетѣ 1775 года иждевеніемъ | Христіана Людовика Вевера. | In 16⁰. 4 нен.+159 стр. (На стр. 66—70 говорится о королевствѣ Польскомъ).

1775. Бишингъ. Королевство Польское и великое герцогство Литовское съ присоединенными къ оному землями. п. с. н. Ѳ. Розенбуке. С.-Пб. И. А. Н. 1775. 8⁰. Цѣна 50 к. 269 стр.

Соп. 2392 (1774 г.).

1789. Контемиръ Дмитрій, бывшій князь въ Молдавіи. Историческое, географическое и политическое описаніе Молдавіи съ жизнею сочинителя, перевелъ съ нѣмецкаго Василій Левшинъ, на нѣмецкомъ издалъ Г. Миллеръ М. У. Т. у Н. Новикова. 1789. 12⁰. Ц. 1 р. 50 к. XLIV+378 стр.

Соп. 3065.

1793. Географія (новѣйшая, всеобщая), содержащая въ себѣ пространное свѣдѣніе о четырехъ частяхъ свѣта, съ присовокупленіемъ обозрѣнія Россійской Имперіи въ нынѣшнемъ ея новоустроенномъ состояніи съ приложеніемъ къ оному генеральной карты Россійской Имперіи, изображеніемъ гербовъ намѣстничествъ, городовъ и прочее. Изданіе новое. Во градѣ Святаго Петра. 1793 г. 8⁰.

Готье, 4780.

Путешествія.

1773—1785. Самуила Георга Гмелина | Доктора Врачебной Науки Императорской Академіи Наукъ, Лондонскаго, Гарлемскаго и Вольнаго Санкт-Петербургскаго Экономическаго Общества Члена |

Путешествіе | по Россіи | для изслѣдованія трехъ царствъ естества. | Переведено съ нѣмецкаго (1773—1785: 1 ч. 1773, 4 нен.+2 нен.+272 in 4°+39 чертежей; 2 ч. 1777 г. 2 нен.+361+36 черт.; 3 ч. полов. 1-я—1785. 1—336+22 черт.; 3 ч. половина 2-я—1785, 337—373+18 чертежей). (Посѣтилъ и Украину. Описаны (въ 1 части): Малиновка, Терновка, Вишневка. О селитряной землѣ въ Украйнѣ и околичныхъ странахъ. О французской болѣзни между малороссами. О употребленіи Меркурія въ Украинѣ. О употребительномъ изъ давнихъ временъ въ Украйнѣ прививаніи оспы. О нѣмецкомъ селеніи у Острогожскаго заведеннымъ. О фабрикахъ въ Воронежской губ. и вообще о Воронежѣ. О болѣзни называемой шолудями).

Петра Симона Палласа | медицины доктора | естественной исторіи профессора,—Россійской Императорской Академіи Наукъ, Вольнаго Эко | номическаго Санктпетербургскаго Общества Римской | Императорской Естествоиспытательной Академіи и Ко | ролевскихъ Англинскаго, Шведскаго и Геттингскаго | собраніевъ члена | Путешествіе по разнымъ мѣстамъ | Россійскаго государства | по повелѣнію Санктпетербургской Императорской | Академіи Наукъ, | съ нѣмецкаго языка на Россійскій перевелъ | Бунчуковый товарищъ Ѳедоръ Туманскій | Императорской Академіи Наукъ, Королевскаго Прусскаго нѣмец | каго собранія корреспондентъ и учрежденнаго при Московскомъ Императорскомъ Университетѣ Россійскаго Собранія Членъ. Часть второя. Книга первая (1770). Книга вторая (1771). Въ Санктпетербургѣ | при Императорской Академіи Наукъ. | 1786 года | 3 нен.+476 нум. стр.; 511 нум. стр.+31 черт.

Оренбургская Городская Библіотека.

1787. Путешествіе Ея Императорскаго Величества въ полуденный край Россіи въ 1787 году. С.-Пб. 1787. 8°. 1 таблица.

1787. Журналъ Высочайшаго Путешествія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Екатерины II Самодержицы Всероссійскія въ полуденныя страны Россіи въ 1787 году. М. У. Т. у Н. Новикова 1787. 8°. Ц. 50 коп.

1787. Путешественныя | Записки | Василія Зуева | отъ | С.-Петербурга до Херсона | въ 1781 и 1782 году. | Въ Санктпетербургѣ | при Императорской Академіи Наукъ. | 1787 годъ. 273 стр. in 40.

Самарская Публичная Библіотека.

1795. Путешествіе въ Крымъ и Константинополь въ 1786 году Милодіи Кровенъ, въ которомъ она описываетъ часть Франціи, Ита-

ліи, Германіи, Польши, Россіи, Турціи, бытность свою въ Санктпетербургѣ и Москвѣ, описываетъ тѣ народы, которые, она видѣла, дѣлаетъ историческое и географическое описаніе Крыма, отъ начала его основанія до покоренія подъ Россійскую Державу, описываетъ часть европейской и азіатской Турціи, нѣкоторые острова архипелага и остатки славнаго въ древности греческаго города Аѳинъ, дѣлаетъ полное и любопытное описаніе славной антенорской пещеры, о которой мы еще не имѣемъ описаній на россійскомъ языкѣ, и оканчиваетъ свое путешествіе, возвращаясь черезъ Булгарію, Валахію и Трансильванію въ Вѣну, переводъ съ французскаго иждивеніемъ переводившаго М. У. Т. Редигера и Клавдія VIII+527 нум. стр.+2 нен. стр.

Сопик. 9201.

Этнографія.

1769. Георгій Готлибъ. Открываемая Россія или собраніе одеждъ всѣхъ народовъ, обитателей въ Россіи. 15 номеровъ съ картинами М 1769. 8°.

Сопик. 8000.

1773. Миллеръ. О народахъ издревле въ Россіи обитавшихъ п. с. н. Ив. Долинскій. Спб. 1773. 8°. 132 (2-е изд. 1788 г.)

Соп. 6470, III, 8, стр. 339.

1776—1777. Георгій. Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ, также ихъ житейскихъ обрядовъ, всѣхъ обыкновеній, жилищъ, одеждъ и прочихъ достопамятностей, сочиненіе профессора Георгія съ раскрашенными изображеніями п. с. н. 3 ч. Спб. Т. Вейтберта и Шнора 1776—1777. 4°. (Новое изданіе въ 4-хъ частяхъ въ 1796—1799 гг.).

Соп. 7535.

1777. Калиновскій Григорій. Описаніе свадебныхъ, украинскихъ простонародныхъ обрядовъ въ Малой Россіи и въ Украинской губерніи, также и въ Великороссійскихъ слободахъ, населенныхъ малороссіянами употребляемыхъ. Спб. 1777. 128°.

Сопик. 7718. Геннади, II, 96 а.

Вотъ и все, что мы можемъ использовать для своихъ цѣлей изъ книжки г. Столпянскаго. Безусловно, указатель его далеко отъ абсолютной полноты, и напр. изъ области этнографіи мы можемъ отмѣтить такіе пробѣлы, какъ: *„Молодикъ съ молодкою на гулянъѣ съ пѣ-*

сѣльниками. Петербургъ, 1790", гдѣ имѣется 16 украинскихъ пѣсенъ; затѣмъ: *„Малороссійская пѣсня: На бережку у ставка", съ нотами и хорами*. Москва, 1794 г. Тѣмъ не менѣе трудъ г. Столпянскаго—явленіе весьма желательное и полезное. Мы были бы весьма благодарны ему или кому-либо иному, если бы появился въ свѣтѣ подобный указатель, напр., по исторіи.

В. Доманицкій.

М. Грушевський. Спірні питання староруськоі етнографіі. *С.-Петербургъ, Типографія Импер. Академіи Наукъ, 1904, 1—17, in 4º.* (Отдѣльный оттискъ изъ „Сборника по славяновѣдѣнію", I).

„Задачею сеі статі буде,—заявляетъ авторъ,—відсунути де які гіпотези й теоріі, що маскують неповности й прогалини, або дають невірне представленне про фактичні відносини, та вказати на ті неясні й непевні точки, які вимагають розсвітлення" (стр. 3).

Одной изъ гипотезъ, подлежащихъ пересмотру, является теорія великоруссизма старыхъ осадниковъ Поднѣпровья и позднѣйшей уже украинской колонизаціи, въ частности—вопросъ о національности Сѣверянъ. Академикъ Шахматовъ причисляетъ этихъ послѣднихъ къ великорусской народности, равно какъ и Подонье (сѣверянская колонизація). Профессоръ Грушевскій не считаетъ доказательными аргументы акад. Шахматова объ обособленности Сѣверянъ отъ южной, правобережной группы, и указываетъ рядъ фактовъ и обстоятельствъ, которые, наоборотъ, говорятъ о связи Сѣверянъ съ правобережными (украинскими) племенами: тѣсная культурная и политическая связь Сѣверянъ съ полянскимъ Кіевомъ, общность этнографическихъ особенностей, какъ напр. погребальный обрядъ, архаическіе украинскіе діалекты нынѣшн. Черниговской губ., наконецъ неправдоподобно, чтобы среднерусское или великорусское племя такъ облило южную группу, какъ это представляетъ себѣ акад. Шахматовъ. «З тих усіх причин я уважаю теорію про великоросизм (чи «середнорусизм») Сіверян хыбною, і позволю собі висловити надію, що безсторонні дослідники— і між ними в першій лініі сам д. Шахматов, переконаються в нестійности сеі теоріі. Нема причин виключати з полудневоі, украінсько-руськоі групи котре-небудь з східнославянських племен, які сиділи на нинішній украинсько-

руськiй територii: Сiверян, Полян, Деревлян, Дулiбiв, Тиверцiв i Уличiв» (стр. 9—10).

Что же касается подонскихъ Славянъ, то всѣ аргументы въ пользу ихъ сѣверянства въ X в.—весьмы непрочны, и въ результатѣ племеннаго имени подонской колонизаціи мы не знаемъ, такъ какъ редакторы „Повѣсти“ очень мало интересовались этой окраиной, промолчали совершенно эту колонизацію, а потому неудивительно, что промолчали и племенное имя этихъ осадниковъ—если знали его. Такая же точно исторія повторяется и съ колонизаціей Руси въ карпатскія земли. Хотя тамъ и помѣщаютъ такъ наз. „Бѣлыхъ Хорватовъ“, но упоминанія о нихъ Повѣсти и разсказы Констант. Порфир. могутъ быть простымъ недоразумѣніемъ, и существованіе русскаго племени Хорватовъ вообще, а на Подкарпатьи спеціально, остается недоказаннымъ. Мы не знаемъ, какое племенное имя имѣли осадники Подкарпатья, западной русской окраины.

Нѣкоторые изслѣдователи передвигаютъ Дулѣбовъ на южный Бугъ. Но „Повѣсть“ ясно говоритъ, о какомъ Бугѣ идетъ рѣчь: „кгде нынѣ Волыняне“ (т. е. Вислянскомъ), и о какой-либо эмиграціи не упоминаетъ. Такое передвиганіе племенъ съ мѣста на мѣсто въ то время, когда славянское разселеніе уже опредѣлилось (VIII—X), врядъ ли можно считать вѣроятнымъ.

Авторъ, по различнымъ соображеніямъ, не признаетъ имени Бужанъ—племеннымъ, равно какъ и Лучанъ. Какъ Бужане—могли получить имя отъ Бужська, такъ Лучане—отъ Лучська, при этомъ авторъ отказывается отъ признававшейся имъ раньше (Історія Украіни-Руси, I, 381—382) самостоятельности значенія за варіантомъ: „Улутичи“, „Улучичи“, и придерживается лишь „Уличей“.

Касаясь вопроса о племенной основѣ территоріи Лучанъ, авторъ не даетъ опредѣленнаго отвѣта. Недавно еще было общепризнано, что територія Древлянъ на западъ не простиралась далѣе Горыни. Но теперь открытъ погребальный обрядъ, весьма близкій къ древлянскому въ порѣчьи Стыра. Быть можетъ и тамъ были Древляне! Уличи, какъ извѣстно, около полов. X в. передвинулись съ нижняго Днѣпра «межъ Бугъ и Днѣстръ». Вопросъ: на свою территорію, или чужую? Авторъ склоняется къ первому предположенію: это могла бы быть концентрація Уличей въ извѣстной части на ихъ же племенной территоріи.

Наконецъ, кто сидѣлъ на голомъ лѣвомъ побережьи Днѣпра? Отвѣта не имѣемъ.

Таковы главнѣйшіе вопросы, поднятые почт. авторомъ, и, вкратцѣ, отвѣты на нихъ, безъ сомнѣнія первостепенной важности въ начальной исторіи нашего племени.

Остается еще сказать два слова о внѣшней сторонѣ труда проф. г. Грушевскаго. Прежде всего статья написана украинскимъ языкомъ, напечатана чистѣйшимъ фонетическимъ правописаніемъ (съ сохраненіемъ даже особаго правописанія для буквы *g*—г‘), и, что самое главное и знаменательное, издана *Имп. Академіей Наукъ въ Петербургѣ* въ „*Сборникѣ по славяновѣдѣнію*“... Отъ души привѣтствуемъ этотъ починъ Академіи Наукъ, стоящей, какъ видимъ, выше всякихъ предразсудковъ и соображеній, ничего общаго съ истинной наукой не имѣющихъ, и ссылаясь на этотъ примѣръ, — надѣемся не исключительный, а лишь служащій добрымъ началомъ, — будемъ утѣшать себя надеждой, что прошла уже наконецъ пора непонятнаго страха передъ украинскимъ языкомъ научныхъ трудовъ въ научныхъ собраніяхъ и съѣздахъ, и что предстоящій въ настоящемъ году въ Екатеринославѣ XIII археологическій съѣздъ не покроетъ себя славой XI-го Кіевскагго арх. съѣзда, и пріѣзжіе гости, Галичане, смогутъ наконецъ подѣлиться своими научными результатами съ иными учеными на своемъ родномъ языкѣ, на которомъ единственно они пишутъ и говорятъ, подобно тому, какъ это допускается по отношенію къ Чехамъ или Полякамъ...

В. Д.

П. Яворская. Вирши украинськи. *Кіевъ, 1904, 1—89, in 32⁰.*
П. Яворская. Марына (поэма). *Кіевъ, 1904, 1—108, in 32⁰.*

Г. Яворская выпустила въ свѣтъ сразу двѣ книжки. Имя это мы впервые встрѣчаемъ въ украинской литературѣ, хотя хронологическія даты стихотвореній восходятъ ко временамъ весьма отдаленнымъ—1854 году... Это обстоятельство наводитъ насъ на мысль, не посмертное ли изданіе мы имѣемъ передъ собой. Но послѣднее произведеніе датировано 1898 годомъ. Но какъ бы тамъ ни было: живъ ли авторъ и по сію пору, или его нѣтъ уже въ живыхъ,—украинская литература не понесла бы ущерба, если бы произведенія его остались невѣдомыми міру. Возьмемъ, напр., книжку „Вирши украинськи“... При слабой, неудовлетворительной формѣ (отсутствіе размѣра, риѳмъ), стихотворенія г-жи Яворской (всѣхъ 19) обладаютъ болѣе чѣмъ сомнительными внут-

ренними достоинствами, являясь выраженіемъ философскихъ тенденцій и мировоззрѣнія, достойныхъ наиболѣе некультурныхъ, умственно отсталыхъ элементовъ сельскаго населенія. Суевѣрія во всемъ своемъ блескѣ—являются главнымъ мотивомъ произведеній автора, не проявляющаго ни малѣйшаго отрицательнаго отношенія къ описаннымъ сверхъестественнымъ явленіямъ: авторское „я“ исчезаетъ въ этомъ случаѣ, и получается впечатлѣніе, что авторъ самъ является проповѣдникомъ тьмы и невѣжества. Не поучительны ли, напр., такіе рецепты:

„Нехай люде про це знають,
Та й себе оберегають,
Каються вже не мени
Й прымичають таки дни,
Въ котрыхъ йихать не годытся,
Бо вже каверза случытся,
Теперъ коженъ нехай знае—
Пивнемъ курка якъ спивае,
Зайци снытьсяя якъ почнуть,
Або шляхъ твій перейдуть
Пипъ зъ порожнимъ, або кишка—
То вже станется замишка;
Заразъ тоди вертай въ двиръ...
Коженъ мени теперъ вирь (стр. 82—83).

Или вотъ, напр., образецъ философскихъ сужденій автора:

„Зла, лукава та лычына:
Муте бидныхъ и багатыхъ,—
Це видъ ёго вся прычына,
Не шукаймо й вынуватыхъ“ (стр. 9).
„А шукаты счастя—долю
Не коженъ зуміе,
На тимъ свити за цю волю
Душа въ пекли тліе...
. . . .
Чымъ вамъ думкою блукаты
Та за витромъ въ поли гнатысь,
Доли кращои шукаты,—
Молытыся бъ треба, а не гратысь (стр. 28).

Не говоримъ уже о томъ, что существованіе домового, вѣдьмы и всевозможныя превращенія послѣдней являются, въ произведеніяхъ г-жи Яворской, вещью вполнѣ нормальною и допустимою („Видьма“, „Домовый“, снова „Видьма“, „Ярмарка въ сели“).

Другая книжка, содержащая поэму „Марыну“, также не отличается крупными достоинствами: это длинная скучная біографія Марыны и отчетъ о свадебномъ торжествѣ со многими деталями. Дѣло происходитъ гдѣ-то и когда-то—очевидно не въ наше время. На это имѣемъ указаніе, помимо содержанія поэмы, въ заключительныхъ словахъ поэмы:

„Таки перше люде булы:
Чтылы Бога й бáтькивъ,
Довго, любо въ свити жылы—
Бильшъ восьмы десяткивъ“.

Маленькій курьезъ въ поэмѣ. Мать Гаврыла, женщина бѣдная, простая, „непысьменна“, философствуя съ мужемъ о томъ, что «не всимъ буть багатымъ—кожнымъ своя доля», о томъ, что на свѣтѣ много зла водится, вдругъ изрекаетъ слѣдующую забавную фразу (NB. Дѣло происходитъ не въ наше время!):

„Якъ бы я пысьменна,
Умила бъ пысаты,
Все лыхе та скверне
Лаяла бъ въ печати...

Наконецъ, позволимъ себѣ процитировать отрывокъ изъ описанія свадьбы Марыны и Гаврыла. Когда молодые сѣли за столъ, «музыки» начали играть сначала «Два голубонькы вранци»,

Потимъ «Грыця», «Петруся»
Й «дудочкы» дрибненько...

А на столѣ для угощенія были поставлены:

Свыняча голова до хрину,
Локшына молошна,
Зъ грушъ кисиль *на перемину...* (стр. 82).

Хотя г-жа Яворская давно уже начала писать, но вѣчной памяти И. П. Котляревскiй еще раньше ея писалъ, что:

Тутъ йилы ризныи потравы:
. . . .
Свынячу голову до хрину
И локшыну на перемину, и т. д.

В. Д.

Ю. Романчукъ. Недруковані твори Артемовського-Гулака. *(Записки Науков. Товариства ім. Шевченка, LX, Miscellanea. стр. 1—14).*

Г. Романчукъ, недавно издавшiй произведенiя П. Гулака-Артемовскаго во Львовѣ въ книжкѣ «Руска письменність», т. I [1]), сообщаетъ въ „Записках Наукового Товариства ім. Шевченка“ еще 6 неизвѣстныхъ стихотворенiй Гулака-Артемовскаго (Справжня добристь—въ полномъ видѣ, Нагайка, До Юхыма, Сыну моему, До Сливицького, До Варкы) и въ концѣ статьи даетъ своей въ хронологическомъ порядкѣ итогъ литературнаго наслѣдiя Г.-Артемовскаго. По поводу этого послѣдняго мы и намѣрены сдѣлать нѣсколько замѣчанiй.

Г. Романчукъ отмѣчаетъ, какъ безусловно принадлежащiя Г.-Артемовскому, 62 произведенiя... Въ дѣйствительности же ихъ 65... Неточности при перечисленiи имъ стихотворенiй Г.-Артемовскаго въ хронологическомъ порядкѣ замѣчены слѣдующiя:

Въ 1820 году написано не 1, а 3 стихотворенiя (три прыказкы: Дурень и розумный, Цикавый и мовчунъ, Ликаръ и здоровья); „Розкаяння Охрима“ написано, какъ это извѣстно намъ изъ автографа Г.-Артемовскаго не въ 1828 г., а въ 1832; „До Терешка“ также въ 1832, а не 1831 (что явствуетъ изъ того же изданiя г. Романчука— „Руска Письменнисть“ стр. 403); въ 1851 году написано не 10, а 8 стихотворенiй, такъ какъ стих. „Ой дежъ вона залетила“ и „Нагайка“ безусловно относятся къ 1852 (см. Кiев. Стар. 1897, III, 483 и здѣсь же, въ Зап. Н. Тов., стр. 9); къ 1852 году относится не 4, а 7 стих.: добавить два только что указанныхъ и стих. „Де ты бродышъ моя доле“, которое г. Романчукъ исключаетъ изъ произведенiй Г.-Артемов-

---

[1]) Рецензiю на нее см. „Кiевск. Старину“, 1904, кн. XII.

екаго на томъ основаніи, что „той сам вірш, тільки з гіршими варіянтамы, друкований вже в збірці Максимовича „Малороссійскія пѣсни; Москва 1827". Но, во-первыхъ, эту извѣстную пѣсню могъ перефразировать, придерживаясь народнаго текста, и Артемовскій, какъ и иной кто-либо, а во-вторыхъ, стихотв. это находится среди несомнѣнно принадлежащихъ перу Артемовскаго стихотвореній...

Наконецъ, и въ данной статьѣ, какъ и въ біографіи Г.-Артемовскаго, предпосланной произведеніямъ его въ „Руской Письменности", т. I (стр. 363) годъ смерти поэта помѣченъ *1866* въ то время, какъ долженъ быть *1865-ый*.

В. Д.

Обзоръ журналовъ конца 1904 года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Записки Наук. Тов. ім. Шевченка, т. 61; 2) Chronik der Ukrainischen Šewčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, H. VIII, № 17 и 18; 3) Руська Історична Бібліотека, т. XXIV; 4) Научно-Литературный Сборникъ, т. 3, кн. 2—4; 5) Образованіе, № 12; 6) Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Имп. Юрьевскомъ Университетѣ, т. 8; 7) Варшав. Унив. Извѣстія, № 7 и 8; 8) Revue Archéologique № 5—12; 9) Извѣстія Отдѣл. Рус. яз. и Словесн. Имп. Акад. Наукъ, т. 9, кн. 3 и 4; 10) Рус. Вѣстн., № 11—12; 11) Книжки Восхода, № 5—12; 12) Учен. Зап. Казан. Унив. № 9—12; 13) Земскій Сборн. Черниговъ. Земства, № 4—12; 14) Записки Имп. Юрьев. Унив., кн. 2—6; 15) Записки Имп. Томск. Унив., кн. 24; 16) Archiv für Anthropologie, B. I, H. 1—4; B. II, H. 1—4; B, III, H. 2; 17) Revue des traditions populaires, № 8—9 и 11—12; 18) Zeitschrift für Ethnologie, 1904 г. H. VI.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LXI.

В. Доманицкий. Козаччина на переломі XVI і XVII в. (1591—1603), IV—V (стр. 33—94). Въ настоящей книжкѣ помѣщено продолженіе изслѣдованія, начатаго печатаніемъ въ 60 томѣ «Записокъ» («Кіев. Старина», 1905, XI, стр. 122). Остановившись въ III главѣ

на сношеніяхъ императора Рудольфа съ запорожцами, авторъ даетъ въ IV главѣ обзоръ посольства Эриха Ляссоты въ Сѣчъ. Пока шли переговоры Александра Комулео съ молдавскимъ господаремъ, въ Сѣчи, на о. Базавлуку, находился германскій посолъ Эрихъ Ляссота. Авторъ сначала описываетъ самое путешествіе Ляссоты въ Сѣчь, а потомъ подробно излагаетъ переговоры послѣдняго съ запорожцами. При этомъ авторъ приводитъ текстъ пожеланій, высказанныхъ запорожцами. Описавъ это посольство, авторъ переходитъ къ событіямъ 1594 года и говоритъ о дѣйствіяхъ козаковъ и ихъ вождей Наливайка, Лободы и др. въ это время.

О. Сушко. Предтеча унії, ч. III (стр. 126—177). Авторъ подробно говоритъ о личности и дѣятельности Бенедикта Гербеста, какъ до вступленія его въ Іезуитскій орденъ, такъ и послѣ вступленія. При этомъ онъ представляетъ много данныхъ о религіозномъ состояніи общества передъ уніей.

І. Джиджора. Нові причинки до історіи відносин російського правительства до України в 1720-х і 1730-х р.р. (стр. 1—40). Авторъ основываетъ свое изложеніе на протоколахъ, журналахъ и указахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и бумагахъ Кабинета Министровъ императрицы Анны Іоанновны, опубликованныхъ Имп. Русскимъ Историческимъ Обществомъ. Пользуясь этимъ матеріаломъ, онъ указываетъ тѣ измѣненія и стѣсненія, которымъ подверглись управленіе и строй украинскихъ областей Россіи.

Въ отдѣлѣ «*Miscellanea*» помѣщены слѣдующія замѣтки:

М. Грушевський. «Козаки» в Галичині 1605 р. (стр. 1—2). Авторъ приводитъ одинъ документъ, въ которомъ говорится о наѣздахъ жолнеровъ на Львовъ въ 1604—5 г.г.; при чемъ они называются козаками.

М. Тершаковець. Маркіян Шашкевич про свою „Читанку“ (стр. 2—3). Авторъ опубликовываетъ замѣтку на нѣмецкомъ языкѣ М. Шашкевича, найденную въ бумагахъ В. Шашкевича. Въ ней писатель упоминаетъ «Читанку», при чемъ писалъ онъ эту замѣтку, повидимому, въ цензурный комитетъ. Документъ представляетъ интересъ для изученія творческой дѣятельности покойнаго писателя.

І. Франко. Чи Шашкевичеві вірші? (стр. 4—5). Авторъ разсматриваетъ стихи на церковно-славянскомъ языкѣ, опубликованныя М. Тершаковцемъ подъ именемъ М. Шашкевича, и старается опре-

дѣлить, насколько можно признать ихъ поддлиннымъ творенiемъ покойнаго писателя.

Въ отдѣлѣ «*Наукова Хроніка*» З. Кузеля даетъ обзоръ этнографическихъ изслѣдованій и матеріаловъ, появившихся за послѣдніе годы въ западно-европейскихъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ отдѣлѣ «*Бібліографія*» даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ: *D-r. I. Szaraniewicz*. Das grosse prähistorische Gräberfeld zu Czechy, Brodyer Bezirk in Galizien (Mittheilungen der K. K. Central-Comission für Erforschung der Denkmale, 1901); 2) *В. И. Сизовъ*. Курганы Смоленской губерніи. В. I. Спб. 1902 (Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Имп. Археолог. Коммиссіей, № 28); 3) *Е. К. Рѣдинъ*. Исторія искусства и русскія художественныя древности. Х. 1902; 4) *П. В. Владиміровъ*. Древняя русская литература Кіевскаго періода XI—XIII вв. К. 5) *В. М. Истринъ*. Изъ области древне-русской литературы (Журн. Мин. Нар. Пр., 1903, № 8—11); 6) *А. И. Соболевскій*. Мученіе св. Аполлинарія Равенскаго по русскому списку XVI вѣка (Изв. Отд. Рус. яз. и Словес. Имп. Ак. Наукъ, 1903, т. VIII, кн. 2); 7) *А. И. Соболевскій*. Мученіе свв. Анастасіи Римлянки и Хрисогона по русскому списку XVI в. (ibid, кн. 4); 8) *Ф. И. Покровскій*. Новый списокъ слова Даніила Заточника (ibid); 9) *Dr. S. Kutrzeba*. Handel Krakowa w wiekach srednich (Rozprawy wydz. histor.-filoz. т 44; 10) *Dr. S. Kutrzeba*. Handel Polski ze wschodem w wiekach średnich (Przegląd polski); 11) *Dr. S. Kutrzeba*. Akta odnoszące się do stosunków handlowych Polski z Węgrami (Archiwum komisyi historycznej т. IX); 12) *N. Iorga*. Relatiile comerciale ale torilor noastra cu Lembergul. P. I. Букарешт, 1903; 13) *N. Iorga*. Studii istorice asupra Chilieĭ si Cetatiĭ-Albe. Букарешт. 1900; 14) *М. В. Довдаръ-Запольскій*. Государственное хозяйство в. кн. Литовскаго при Ягеллонахъ. Т. I. К. 1901; 15) *Dr. L. Boratyński*. Stefan Batory i plan ligi przeciw Turkom (1576—1584) (Rozprawy Ak. Umiejętn., wydz. hist.-filoz., s. II, t. XIX); 16) *А. Войтковъ*. Іовъ Базилевичъ, епископъ переяславскій, и участіе его въ церковно-политической жизни Польской Украины (1771—1776). К. 1903; 17) *А. С. Будиловичъ*. Къ вопросу о племенныхъ отношеніяхъ въ Угорской Руси (Живая Старина, 1903. III); 18) *Др. М. Пачовскій*. Похоронний обряд на Руси (звіт дирекціи ц. к. академічноі гимназіі за р. 190$^1/_2$); 19) *L. Młynek*. „Konik“, „Turok“, „Mis“, „Koza“, „Bokkus“ (Thiercultus in Galizien) (Zeitschrift für oester. Volkskunde, 1903); 20) Гельцля

стінна карта Австро-Угорщини для шкіл народних, уложив *А. Е. Зайберт*, переложив *О. Попович*; 21) Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. XVII, в. 1—4, 22) Rozprawy akademii umiejętności, wyd. filolog., t. 33—55, t. 36+39 (серія II, т. 18—24); 23) Rozprawy akademii umiejętności, wyd. hist.filoz, t. 45—56.

Chronik der Ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg H. VIII, № 17—18.

№ 17. Настоящая книжка представляетъ отчетъ о дѣятельности Товариства імени Шевченка въ 1903 году. Кромѣ отчетовъ о дѣятельности правленія, секцій и коммиссій, даны списки изданій Общества, его членовъ съ краткими справками объ общественномъ положеніи. Къ списку членовъ приложенъ некрологъ проф. А. И. Маркевича съ портретомъ послѣдняго, при чемъ данъ списокъ трудовъ покойнаго, помѣщенныхъ въ изданіяхъ Товариства. Затѣмъ слѣдуетъ указатель тѣхъ ученыхъ обществъ и учежденій, съ которыми Товариство обмѣнивалось изданіями, при чемъ въ этомъ спискѣ мы встрѣчаемъ многочисленныя русскія и заграничныя ученыя общества и учрежденія. Изъ отчета о музеѣ видно, что пополняется онъ весьма туго, такъ какъ притокъ частныхъ пожертвованій не великъ. Конечно, желательно было-бы, чтобы украинская публика поддержала это полезное учрежденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, жертвуя туда древности, монеты, естественно-историческіе и этнографическіе предметы, сохранила ихъ для науки. Настоящая книжка заключается денежными отчетами. Но сверхъ упомянутыхъ рубрикъ, въ разсматриваемомъ номерѣ помѣщенъ и слѣдующій болѣе подробный отчетъ о библіотекѣ Товариства:

M. Pavlyk. Stand der Bibliothek im Jahre 1903 (стр. 46—53). Изъ настоящаго отчета видно, что библіотекой Товариства пользовались въ 1903 году 513 лицъ, при чемъ посѣщеній было 2668, и томовъ взято 4042. Въ отчетномъ году въ библіотеку поступило 1030 печатныхъ произведеній въ 1526 томахъ, кромѣ того, зарегистрированы 626 томовъ, поступившихъ раньше, и къ 31 декабря 1903 года въ библіотекѣ было 7516 названій, или 14533 тома. Въ это число не включены дублеты и каталоги книжныхъ магазиновъ. Дублеты изданій Товариства теперь выдѣлены и составили особую библіотеку въ кабинетѣ для учебныхъ занятій.

Библіотека пополнялась слѣдующими путями: Товариство передало въ нее 79 томовъ своихъ изданій, 81 томъ куплены для нея, путемъ обмѣна поступило 752 тома, и пожертвовано 714 томовъ.

Въ отдѣлъ рукописей поступили 54 номера, при чемъ всего въ этомъ отдѣлѣ числится 134 рукописи. Важнѣйшія изъ этихъ рукописей слѣдующія: Д. Мордовець. „Про незабутне"; Ст. Руданськый „Омирова Ільйонянка". 1862—1863 гг., 2 тома; М. N. „Ляментъ о пригодѣ нещасной", 1636 года; бумаги покойнаго Остапа Левицького; І. Федькович „Співанник для господарскихъ діточокъ на Буковині І рікъ" и корректура къ этому сборнику; учительное Евангеліе, вѣроятно, XVII ст. и т. д.

Самыя интересныя изъ поступившихъ рукописей помѣщены въ библіотекѣ подъ № 134: онѣ представляютъ бумаги покойнаго д-ра Мелитона Бучынського, переданныя Товариству семьей доктора. Эти рукописи содержатъ: 1) документы отдѣленія „Просьвіта" въ Station Станіславові; 2—3) литературные матеріалы (стихи и прочія произведенія покойнаго и другихъ лицъ); 4) матеріалы для украинскаго словаря и грамматики; 5) воспоминанія одной польки за 1849 г.; 6) документы для исторіи выборовъ въ 1895 году въ рейхсратъ въ Станіславів. повіті; 7—8) сборники народныхъ пѣсенъ, записанныхъ самимъ М. Бучынськимъ и другими лицами (черновыя и бѣловыя записи, въ 12 т.т.); 9) письма къ покойному отъ различныхъ лицъ и обществъ: „Академическій Кружокъ" изъ Львова 1 (1877); В. Антоновичъ изъ Кіева 1 (1871); А. Антоновичъ изъ Кіева 1 (1871); Н. Артемовськый 2 (1872); Александръ Барвинськый 7 (1870, 1878, 1887); Іосифъ Барвинськый 2 (4870); Владиміръ Барвинськый 7 (1896 ?—1885); Николай Байчыкъ изъ Гвоздя около Надвирны 1 (1885); Ив. Белей изъ Львова 1 (1881); В. Беренштамъ изъ Кіева 1 (1871); Владиміръ Березовськый изъ Вильно 6 (1870—3); П. Білынськый изъ Львова 1 (1870); Мих. Білоусъ изъ Коломиі 1 (1872); Патеръ Титъ Блонсскый изъ Доры 1 (1891); Мих. Боднаръ изъ Потока Золотого 2 (1874); Дометый Бородайкевычъ изъ разныхъ мѣстъ 17 (1869—1876 и при нихъ 3 неоконченныхъ отвѣтныхъ письма М. Бучынського) и т. д. Списокъ этихъ писемъ весьма обширенъ и занимаетъ въ настоящемъ отчетѣ почти 3 страницы (49—52). При этомъ въ особомъ портфелѣ собрано много черновыхъ писемъ М. Бучынського къ разнымъ лицамъ, особенно къ М. Драгоманову, но эти письма долго пробыли въ землѣ и настолько истлѣли, что разсыпаются въ рукахъ.

Кромѣ писемъ къ М. Бучынському, въ этой серiи бумагъ имѣются письма къ его отцу и другимъ членамъ его семьи, а также къ разнымъ постороннимъ лицамъ. Въ общей сложности Товариство получило отъ семьи покойнаго М. Бучынського 915 писемъ, которыя представляютъ весьма цѣнный матерiалъ главнымъ образомъ для исторiи нацiональнаго движенiя въ Галицiи. При этомъ Товариство получило еще не всю переписку покойнаго, что можно видѣть изъ списка писемъ, составленнаго самимъ Бучынськимъ.

Наконецъ, въ оставшихся послѣ М. Бучынського бумагахъ получены еще слѣдующiя рукописи: документы, относящiеся къ роли Рутеновъ въ утвержденiи покойнаго Пелеша на епископской каѳедрѣ въ Станиславовѣ въ 1886 году; родословная семьи Бучынськихъ; замѣтки М. Бучынського по генеологiи своей семьи; уставы галицкой гимназической „Громады" 70 годовъ и многiе документы, касающiеся отношенiй покойнаго къ вѣнской „Сiчi".

№ 18. Въ настоящей книжкѣ «Хроники» большая часть мѣста занята протоколами засѣданiй общаго собранiя (4 апрѣля), правленiя, секцiй и коммиссiй. Въ концѣ помѣщена замѣтка объ участiи Общества въ празднованiи 100-лѣтняго юбилея Обществомъ Исторiи и Древностей Россiйскихъ въ Москвѣ и приведенъ текстъ привѣтствiя юбиляру.

Руська Історична Бібліотека, т. XXIV.

Настоящiй томъ имѣетъ еще подзаголовокъ «Розвідки міста і міщанство на Украіні-Руси, ч. II». Въ этомъ томѣ помѣщены слѣдующiя изслѣдованiя, извѣстныя уже южно-русскимъ читателямъ: 1) *М. Владімірський-Будановъ.* Німецьке право в Польші й Литві, V (кінець); 2) *В. Антонович.* Украінські міста; 3) *Д. Багалій.* Магдебурське право на Лівобічній Украіні.

Научно-Литературный Сборникъ, т. 3, кн. 2—4.

Книга 2.

Письма П. А. Кулиша, относящiяся къ времени и цѣли его пребыванiя во Львовѣ (*окончанiе, стр. 1—41*). Въ настоящей книжкѣ помѣщены 23 письма П. А. Кулиша, 1 письмо Цезаря Билиловскаго

и 1 письмо М. Драгоманова. Большая часть писемъ П. А. Кулиша писаны по-польски, но послѣднія письма написаны на украинскомъ языкѣ. Изъ числа этихъ писемъ 10 написаны П. А. Кулишомъ изъ Вѣны, а остальныя изъ Россіи. Издатели сопровождаютъ ихъ краткими пояснительными примѣчаніями. Въ общемъ письма представляютъ извѣстный интересъ для біографіи и характеристики П. А. Кулиша, если они, конечно, подлинны, а не одна изъ мистификацій пресловутой „Галицко-Русской Матицы".

Ф. И. Свистунъ. Памяти присоединенія Малороссіи къ московскому государству въ 1654 году (окончаніе, стр. 95—103). Въ этой части своей статьи, отмѣченной нами раньше на страницахъ „Кіевской Старины", авторъ задается вопросомъ, „могъ-ли Хмельницкій думать объ образованіи независимаго украинскаго государства". Разсмотрѣвъ соціальный составъ и правовое положеніе украинскаго населенія, онъ заявляетъ, что образованіе независимаго государства было не посиламъ ему. „Мысль автономнаго русско-украинскаго княжества въ соединеніи съ Польшей возникла среди поляковъ по смерти Богдана Хмельницкаго, при Выговскомъ... Отъ Турціи и татаръ не могъ Богданъ Хмельницкій надѣятсься ничего добраго". Ко всѣмъ этимъ положеніямъ подобраны для доказательства кое-какіе факты, и отсюда получается желанный для автора отвѣтъ, что мысль соединиться съ Москвой „глубоко коренилась въ сердцахъ малороссійскаго народа". „Но эта мысль вышла не отъ Москвы, а самородно (sic!) волновала умы малороссійскаго населенія". Въ Москвѣ даже не хотѣли этого соединенія, а только испугались, что лакомая Малороссія попадетъ въ руки турокъ. На основаніи всего этого авторъ заявляетъ, что «Хмельницкій въ 1654 г. иначе поступить не могъ», такъ какъ «того требовалъ народный голосъ».

Въ отдѣлѣ „*Смѣсь*" помѣщены слѣдующія двѣ замѣтки *О. А. М — аго:* 1) *О названіяхъ „Украина", „украинскій"* (стр. 106—109). Онъ заявляетъ, что эти слова вошли въ общее употребленіе лишь съ 1899, а принесены въ 1863 году польскимъ эмигрантомъ Павлиномъ Стахурскимъ-Свѣнцицкимъ (Павловскій), отъ котораго и повелся „среди галицко-русской молодежи украинофильскій сепаратизмъ" (sic!). Въ результатѣ названные термины, по словамъ автора, не имѣютъ никакого основанія и смысла. 2) *Наука, фонетика и политика* (стр. 109—112). Здѣсь авторъ приводитъ переводъ одной статьи изъ Przegląd'a (1892 г., № 89, отъ 17 апрѣля) объ украинскомъ правописа-

ніи и сопровождаетъ свой переводъ злобными выкриками въ доказательство того, что этимологическое правописаніе слѣдуетъ считать спасительнымъ для украинцевъ, а фонетическое погубитъ ихъ, такъ какъ изобрѣтено поляками въ цѣляхъ полонизаціи Украины.

Книга 3.

Кн. 3. Въ *«Научномъ Отдѣлѣ»* относится къ украинскому народу слѣдующая статья:

К. Н. Устіяновичъ. Галицко-русскій сепаратизмъ (стр. 60—103). Авторъ говоритъ на извѣстныя темы и въ общемъ вполнѣ знакомыя мысли, нравящіяся нѣкоторымъ. Впрочемъ, мнѣнія автора не всегда совпадаютъ со взглядами редакціи Н.-Л. С. и вызываютъ иногда подстрочные возраженія.

Въ отдѣлѣ *«Смѣсь»*, къ Южной Украинѣ относятся слѣдующія статьи:

О. А. Мончаловскій. К. Н. Устіяновичъ (стр. 50—56). Авторъ даетъ некрологъ К. Н. Устіановича и характеризуетъ его литературную и общественную дѣятельность.

О. А. Мончаловскій. Украинофильство Гоголя (стр. 114—118). Настоящая замѣтка написана по поводу письма Б. Залескаго къ Ф. Духинскому, извѣстному автору туранской теоріи. Письмо это написано 19 февраля 1859 года и трактуетъ объ упомянутой теоріи, при чемъ Б. Залескій увѣряетъ, что познакомился съ Н. В. Гоголемъ въ Парижѣ, и тотъ придерживался взглядовъ Ф. Духинскаго. О. А. Мончаловскій, признавая любовь Н. В. Гоголя къ Украинѣ, отвергаетъ правильность словъ Б. Залескаго.

Книга 4.

О. А. Мончаловскій. Взгляды „станчиковъ" на русскій народъ (стр. 57—61). Въ этой замѣткѣ г. Мончаловскій сообщаетъ, что станчиками въ Галиціи называютъ ту польскую партію, которая стоитъ теперь во главѣ управленія страной. Станчиками во время оно называли шутовъ при дворахъ польскихъ королей. Вообще, поляки, по увѣренію автора, ненавидятъ русскихъ и въ частности украинцевъ и не скрываютъ этого. Но станчики сдержаннѣе другихъ и стараются даже заигрывать съ украинцами. Однако авторъ не совѣтуетъ вѣрить и имъ, такъ какъ они хитры и болѣе опытны въ политикѣ, чѣмъ другіе поляки, а научились они политическому искусству отъ своихъ

предковъ, которые занимали разныя дипломатическія должности во времена самостоятельности Польши. Для подтвержденія своихъ словъ авторъ старается подобрать примѣры, начиная отъ древнѣйшихъ временъ.

М. Ф. Рождественскій. Графъ Станиславъ Тарновскій, его дѣятельность и ученые взгляды на Россію и русскихъ (стр. 61—71) По словамъ автора этой замѣтки, графъ С. Тарновскій—глава и основатель партіи „станчиковъ". Онъ ненавидитъ Россію и русскихъ и не скрываетъ этого. А ненавидитъ онъ все русское такъ сильно, что не хочетъ даже цитировать въ своихъ ученыхъ трудахъ сочиненія русскихъ историковъ: Соловьева, Костомарова и др. Для подкрѣпленія своихъ увѣреній авторъ приводитъ еще выдержки изъ произведеній графа. Вообще и эта замѣтка написана въ томъ-же узко-націоналистическомъ духѣ, какъ и отмѣченное выше произведеніе г. Мончаловскаго.

О. А. Мончаловскій А. Н. Пыпинъ (стр. 27—80). Настоящая замѣтка представляетъ некрологъ и очеркъ ученой дѣятельности покойнаго А. Н. Пыпина, но тѣмъ не менѣе и она тенденціозна. Достаточно сказать, что авторъ старается доказать, что взгляды знаменитаго ученаго похожи на взгляды гг. Мончаловскаго, Рождественскаго и имъ присныхъ.

Въ отдѣлѣ «*Библіографія*» помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: 1) *Д-р. И. С. Свѣщницкій. Рукописи библіотеки „Народнаго Дома"* (стр. 81—104). Эта статья дѣйствительно представляетъ интересъ для каждаго, интересующагося исторіей Украины, такъ какъ содержитъ въ себѣ просто инвентарный каталогъ рукописей „Народнаго Дома" на иностранныхъ языкахъ. Никакихъ примѣчаній автора нѣтъ. Среди рукописей многія интересны и для представителей другихъ народностей. 2) Перепечатка тенденціозныхъ отзывовъ П. Хорсова (изъ „Мирнаго Труда") о такихъ-же писаніяхъ О. А. Мончаловскаго (стр. 105—108): „Главныя основы русской народности, Львовъ. 1904" и „Участіе малороссовъ въ общерусской литературѣ. Львовъ. 1904".

Образованіе, № 12.

В. Чернышевъ. Мнѣніе академика А. И. Соболевскаго объ упрощеніи русскаго правописанія (Отд. II, стр. 72—80). Замѣтка напи-

сана по поводу писемъ А. И. Соболевскаго въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ относительно предположенной реформы въ русскомъ правописаніи. Разбирая мнѣнія А. И. Соболевскаго, авторъ постоянно касается вопроса о томъ, насколько доступно современное предположенное правописаніе украинцамъ.

Въ отдѣлѣ *«Хроника русской жизни»* помѣщены слѣдующія замѣтки, относящіяся къ Южной Россіи: 1) Банкеты въ Воронежѣ, Кіевѣ, Одессѣ и многихъ другихъ городахъ; 2) Г. Коноваловъ въ Петербургѣ и г. Бобрецкій въ Кіевѣ.

Въ отдѣлѣ *«Родныя Картины»* къ Южной Россіи относятся слѣдующія замѣтки: 1) Харьковскіе «мирные труженики»; 2) Воронежскіе любители сыскного дѣла; 3) Мелочи (перепечатка изъ «Волыни»).

Въ отдѣлѣ *«Критика и Библіографія»* помѣщены рецензіи на слѣдующія книги, представляющія интересъ и для украинцевъ: 1) *С. А. Венгеровъ.* Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. VI. Спб. 1897—1904; 2) *М. Лемке.* Эпоха цензурныхъ реформъ. 1859—1865. Спб. 1904; 3) *Д. Дорошенко.* Указатель источниковъ для ознакомленія съ Южной Русью. Спб. 1904.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества, при Имп. Юрьевскомъ Университетѣ, т. VIII.

Н. К. Грунскій. Кіевскіе глаголическіе листки (стр. 1—60). Авторъ сначала излагаетъ мнѣнія ученыхъ относительно этихъ листковъ, а потомъ изслѣдуетъ ихъ языкъ. На основаніи филологическихъ данныхъ, онъ приходитъ къ заключенію, что Кіевскіе листки стоятъ ближе другихъ глаголическихъ памятниковъ ко времени Кирилла и Меѳодія, но опредѣлить ихъ родину онъ не берется.

Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. IX, кн. 3 и 4.

Кн. 3. Н. Ѳ. Сумцовъ. Пятидесятилѣтіе сборника А. Л. Метлинскаго «Народныя южно-русскія пѣсни» (стр. 1—18). Авторъ сначала даетъ исторію даннаго сборника украинскихъ пѣсенъ и указываетъ составъ его въ связи съ воззрѣніями А. Л. Метлинскаго на этотъ вопросъ и обстоятельствами, при которыхъ покойный профессоръ со-

биралъ свои матеріалы. Затѣмъ Н. Ѳ. Сумцовъ разсматриваетъ отзывы, появившіеся въ періодической печати и въ ученыхъ трудахъ о сборникѣ А. Л. Метлинскаго. На основаніи этого матеріала онъ опредѣляетъ «вліяніе на послѣдующіе успѣхи народоизученія какъ самого содержанія сборника, такъ и высказанныхъ въ предисловіи идей издателя».

В. И. Срезневскій. Поѣздка въ Петрозаводскъ и Заонежье (стр; 19—36) Описывая епархіальную миссіонерскую библіотеку въ Петрозаводскѣ, авторъ даетъ перечень находящихся въ библіотекѣ рукописей (стр. 28—32) и книгъ церковной печати (стр. 33—36). Въ первомъ перечнѣ нѣтъ ничего, относящагося къ Южной Россіи, а во второмъ приведены слѣдующія книги, написанныя украинцами или изданныя въ типографіяхъ Южной и Западной Россіи: 1) Апостолъ (Львовъ, 1574); 2) Служебникъ (Вильна, 1583); 7) Книга о вѣрѣ единой, святой соборной апостольской церкви (Кіевъ, 1619); 8) Грамматика Славенская Мелетія Смотрицкаго (Евю, 1619); 10) Іоанна Златоустаго бесѣды на книгу посланій апостола Павла (Кіевъ, 1623); 11) Іоанна Златоустаго бесѣды на книгу дѣяній апостолъ (Кіевъ, 1624); 12) Номоканонъ (Кіевъ, 1624; 15) Андрея Кесарійскаго толкованіе на апокалипсисъ (Кіевъ, 1625); 17) Лимонарь (Кіевъ, 1628). 28) Анѳологіонъ (Львовъ, 1638); 40) Требникъ Петра Могилы (Кіевъ, 1646); 41) Служебникъ (Львовъ, 1646); 64) Іоанникія Галятовскаго Мессія правдивый (Кіевъ, 1669); 65) Патерикъ печерскій (Кіевъ, 1678): 68) Евангеліе (Вильна, 1782); 69) Катихизисъ Лаврентія Зизанія (Гродно, 1783); 70) О вѣрѣ православныя восточныя церкви (Гродно, 1785); 71) Альфа и Омега Вильно, 1786); 72) Кириллова книга (Гродно, 1786); 73) Катихизисъ Лаврентія Зизанія (Гродно, 1787); 74) Соборникъ (Супрасль, 1791); 76) Василія Новаго житіе (Почаевъ, 1794); 77) Страсти Христовы (Супрасль, 1795); 78) Тактиконъ Никона Черногорца (Почаевъ, 1795); 79) Златоустъ, сборникъ 112 словъ (Вильна, 1798); 80) Псалтырь (Почаевъ, безъ года); 81) Златоустъ (Почаевъ, безъ года); 82) Альфа и Омега) Вильна, 1876). Въ концѣ авторъ даетъ краткій списокъ книгъ церковной печати, видѣнныхъ имъ у одного частнаго лица, при чемъ для южно-русскаго читателя могутъ представить интересъ слѣдующія книги: 1) Тріодь постная (Краковъ, 1491); 2) Апостолъ (Львовъ, 1573; 3) Евангеліе (Вильна, 1575); 4) Псалтирь (Вильна? XVI в.); 5) Апокрисисъ (Острогъ, 1597 или 1598); 6) Октоихъ (Кіевъ, 1603); 7) Анѳологіонъ

(Кіевъ, 1618); 8) Служебникъ (Кіевъ, 1629); 10) Книга о вѣрѣ (1632?); 11) Евангеліе (Львовъ, 1636); 12) Служебникъ (Львовъ, 1646); 13) Зобраніе короткой науки объ артикулахъ вѣры (Львовъ, 1646) 14) Метрика албо реестръ Львовъ, 1687); 15) Тріодь цвѣтная (Кіевъ. 1725); 16) Службы россійскимъ святымъ (Супрасль, 1786); 17) Страсти Христовы (Супрасль, 1794).

В. И. Срезневскій. Отчетъ Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ о поѣздкѣ въ Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губерніи (стр. 41—104). Въ настоящей книжкѣ авторъ продолжаетъ перечень пріобрѣтенныхъ имъ во время поѣздки рукописей и книгъ. Для южно-русскихъ читателей представляетъ интересъ только одна рукопись: 130. Сборная рукопись первой половины XIV в., содержащая выписку изъ Печерскаго Патерика (л. 288 об.). Изъ книгъ церковной печати, пріобрѣтенныхъ В. И. Срезневскимъ, къ Южной и Западной Руси относятся слѣдующія книги: 1) Библія Франциска Скорины. Прага. 1517—1519. 2) Діоптра Кутейна(?). 1642(?). 3) Діоптра. Кутейна. 1651. 6) Полууставъ. Кіевъ. 1672. 8) Акаѳисты. Кіевъ. 1709. 9) Псалтырь. Кіевъ. Ок. 1720. 11) Поученія аввы Дороѳея. Вильна. 1767. 12) Сборникъ. Супрасль. 1791. 13) Часовникъ. Почаевъ. 1794 (перепечатка изданія 1652 г.). 14) Алфавитъ духовный. Кіевъ. 1803. 15) Уставъ со святцами. Почаевъ, первой половины XIX в.(?).

И. Абрамовъ. „Царь Максиміліанъ“ (Святочная кумедія) (стр. 266—298). «Въ глухомъ углу Черниговской губ., говоритъ авторъ, въ небольшомъ мѣстечкѣ Воронежѣ (Глуховскаго уѣзда, на родинѣ П. А. Кулиша), до настоящаго времени въ народной памяти сохраняется старинная «кумедія» Царь Максиміліанъ. Нужно замѣтить, что населеніе мѣстечка Воронежа говоритъ на малорусскомъ языкѣ, но названная мною «кумедія» всегда разыгрывается на языкѣ великорусскомъ, впрочемъ не совсѣмъ чистомъ». По мнѣнію автора, жители м. Воронежа заимствовали эту «кумедію» изъ м. Шостки, гдѣ много пришлыхъ рабочихъ и солдатъ. Авторъ записалъ кумедію «Царь-Максиміліанъ» со словъ козака м. Воронежа Ѳеодора Левченка, причемъ отмѣчаетъ нѣкоторыя отличія даннаго текста отъ опубликованныхъ раньше записей (Этн. Об., 1891, 96 и 98). Въ приложеніи къ этой статьѣ опубликованы: списокъ дѣйствующихъ лицъ, описаніе ихъ одежды и текстъ кумедіи.

Въ отдѣлѣ «*Библіографія*» представляютъ интересъ для южнорусскаго читателя слѣдующія замѣтки: 1) ***И. С. Свѣнцицкій. Церковно и русско-славянскія рукописи Публичной библіотеки Народнаго Дома во Львовѣ*** (стр. 350—414). Авторъ характеризуетъ сначала рукописное собраніе Публичной библіотеки, гдѣ хранится между прочимъ также коллекція рукописей, собранныхъ А. С. Петрушевичемъ въ Карпатской Руси и Румыніи (XV, XVII вв.). Затѣмъ онъ даетъ описаніе части рукописей, принадлежащихъ библіотекѣ. 2) Рецензія *С. К. Булича* на книгу *Г. А. Ильинскаго* «Сложныя мѣстоименія и окончанія родительнаго пад. ед. ч. муж. и ср. рода неличныхъ мѣстоименій въ славянскихъ языкахъ. Варшава. 1903» (стр. 419—431).

*Кн. 4.—**А. Н. Веселовскій. А. Н. Пыпинъ***. (стр. I—VIII). Настоящая статья даетъ блестящую характеристику знаменитаго ученаго, академика А. Н. Пыпина, скончавшагося 26 ноября 1904 года. Авторъ выясняетъ тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось міровоззрѣніе покойнаго и протекла его плодотворная научная дѣятельность.

Н. И. Петровъ. Воспитанники Кіевской Академіи изъ сербовъ съ начала синодальнаго періода и до царствованія Екатерины II (1721—1762 г.) (стр. 1—16). «Кіевская Академія въ XVII—XVIII вѣкахъ принимала въ число своихъ воспитанниковъ не только русскихъ туземнаго происхожденія, но и заграничныхъ». При этомъ заграничные воспитанники встрѣчаются въ большомъ числѣ, достигая $^1/_3$ и до $^1/_2$ всего состава студентовъ. Конечно, большинство изъ нихъ происходило изъ тѣхъ русскихъ областей, которыя тогда принадлежали Польскому королевству и потомъ, за исключеніемъ Галиціи, вошли въ составъ Россійской имперіи. Но среди заграничныхъ студентовъ авторъ нашелъ за время съ 1721 г. по 1762 г. и настоящихъ иностранцевъ (31 чел.), которые распредѣляются по національностямъ слѣдующимъ образомъ: 1 грекъ, 2 румына и 28 сербовъ. Такое значительное количество сербовъ въ Кіевской Академіи было вызвано потребностью ихъ соплеменниковъ «въ систематическомъ школьномъ образованіи», при чемъ сербы или просили учителей изъ Россіи или отправляли въ Кіевскую Академію молодыхъ людей для подготовки къ учительству. Авторъ настоящей статьи даетъ очеркъ сношеній сербовъ съ Россіей въ связи съ развитіемъ у нихъ школьнаго дѣла въ XVIII ст. и приводитъ перечень сербскихъ воспитанниковъ Кіевской Академіи. По мнѣнію автора, посылки сербовъ въ Кіевскую Академію должны были сократиться съ того момента, какъ ген.-м. Хорватъ сталъ поль-

зоваться ими въ качествѣ вербовщиковъ новыхъ сербскихъ переселенцовъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые сербы, воспитавшіеся въ Академіи, предпочли остаться въ Россіи и такимъ образомъ не принесли пользы своей родинѣ. Въ дополненіи авторъ даетъ перечень тѣхъ сербскихъ студентовъ, о которыхъ онъ узналъ уже по окончаніи этой статьи.

С. Н. Браиловскій. Къ литературной дѣятельности Гавріила Домецкаго (стр. 17—96). Въ настоящей статьѣ авторъ отмѣчаетъ, что литературная дѣятельность Гавріила Домецкаго вообще мало изслѣдована, и до сихъ поръ не приведено въ извѣстность количество написанныхъ имъ произведеній. Издано только 4 сочиненія Г. Домецкаго, но, кромѣ нихъ, послѣднему принадлежатъ еще 9 произведеній и нѣкоторые переводы. Въ приложеніи къ этой статьѣ авторъ издаетъ два сочиненія Г. Домецкаго по рукописи библіотеки Кіево-Софійскаго собора № 263. Оба сочиненія относятся къ 1683 г. и трактуютъ о монашеской жизни. С. Н. Браиловскій указываетъ мѣсто издаваемыхъ имъ произведеній Г. Домецкаго въ ряду другихъ произведеній послѣдняго, трактующихъ о монашествѣ и монастырской жизни, а также отмѣчаетъ, что они важны для библіографіи Г. Домецкаго, доказывая его малорусское происхожденіе и характеризуя полученное имъ образованіе. Въ приложеніи изданы 2 сочиненія Гавріила Домецкаго: 1) На стр 23—87: О возваню до закону и о досконалости вшедших в него обовязуючимся послѣдовати Господу Іисусу Христу из ученій разных учителей трудом Гавріила Домецкаго, недостойнаго архімандріта пречесныя святыя велікія обители Пречестныя Богородицы общежительнаго Симонова монастыря, внаученіе обитающей о Христѣ братіи моей возлюбленной, от сотворенія міра 7191-го года от воплощенія же Бога Слова 1683-го, індикта 11, мѣсяца ноемврія. 2) На стр. 87—96: Розмышленіе на седмь дней и седми добродѣтелехъ Спасителя нашего Іисуса Христа хотящим ему послѣдовати. А то власнѣ надлежитъ монахом.

Е. В. Пѣтуховъ. Матеріалы и замѣтки изъ исторіи древней русской письменности. IV—IX (стр. 141—172). Для украинскаго читателя представляетъ значительный интересъ прежде всего VI глава этого изслѣдованія—«Посланіе еп. Симона въ позднѣйшей передѣлкѣ» (стр. 153—156). Здѣсь имѣется въ виду извѣстное посланіе еп. Симона къ иноку Печерскаго монастыря Поликарпу и архимандриту Акиндину. Хотя авторъ передѣлки старался опустить всѣ тѣ мѣста

посланія, которыя имѣли личный или мѣстный характеръ, тѣмъ не менѣе онъ упоминаетъ и о Кіево-Печерскомъ монастырѣ и объ основателѣ его преп. Антоніи, къ которому питаетъ благоговѣніе. По мнѣнію Е. В. Пѣтухова, „это позволяетъ предполагать, что она возникла въ стѣнахъ той же обители, писана ея питомцемъ къ своему печерскому собрату, нѣкоему иноку Герасиму". Е. В. Пѣтухову не удается опредѣлить ни личности этого Герасима, ни времени передѣлки, которая дошла въ рукописи XVIII вѣка.

Затѣмъ нѣкоторый интересъ для украинскаго читателя можетъ представить и IX глава настоящаго изслѣдованія—„О древне русскихъ рукописяхъ Королевской библіотеки въ Стокгольмѣ" (стр. 170—172). Изъ пяти описанныхъ рукописей, мы отмѣтимъ лишь воторую—„Сборникъ" XVII вѣка, такъ какъ въ немъ содержится слѣдующая статья: Чудо святого николы о половцинѣ, створившееся въ градѣ киевѣ.

М. Г. Грушевскій. Еще о грамотахъ кн. Льва Галицкаго. (По поводу статьи проф. Линниченка) (стр. 268—283). Настоящая статья представляетъ отвѣтъ на замѣтку проф. Линниченка, помѣщенную въ 1 книжкѣ XI тома „Извѣстій", при чемъ послѣдняя имѣла въ виду изслѣдованіе проф. М. Грушевскаго „Чи маємо автентичніи грамоти кн. Льва?" (Записки Наук. Товар. ім. Шевченка, т. LXII) Проф. Грушевскій доказалъ въ этой статьѣ, что грамоты галицкаго князя Льва Даниловича всѣ сомнительны, а проф. Линниченко въ своей отвѣтной замѣткѣ выступилъ съ совершенно противоположнымъ мнѣніемъ. Настоящая статья написана авторомъ по той причинѣ, что изданія Наукового Товариства імени Шевченка причисляются „къ категоріи" безусловно воспрещенныхъ „въ Россіи" и большинству читателей недоступны, а крититика проф. Линниченка не отличается объективностью и осторожнымъ обращеніемъ съ взглядами автора, „чтобы могла сама по себѣ дать о нихъ вѣрное представленіе". Изложивъ свои взгляды на данный вопросъ, проф. Грушевскій разбираетъ возраженія проф. Линниченка и отмѣчаетъ нѣкоторые его критическіе пріемы. Такъ, проф. Линниченко не чуждъ столь блестящаго пріема, какъ игра съ украинскими словами, почему-либо показавшимися ему смѣшными (с.с. 96—97). Разобравъ возраженія Линниченка, проф. Грушевскій приходитъ къ заключенію, что статья его оппонента не даетъ рѣшенія вопроса, да и самые пріемы работы проф. Линниченка не таковы, чтобы дать какіе-нибудь положительные результаты.

А. А. Шахматовъ. Сказаніе о призваніи Варяговъ (стр. 284—365). Въ настоящемъ изслѣдованіи, посвященномъ памяти А. Н. Пыпина, авторъ дѣлаетъ новую попытку разрѣшить старый вопросъ о происхожденіи Русскаго государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о томъ лѣтописномъ сказаніи, которое является альфой и омегой въ этомъ знаменитомъ вопросѣ. Большая часть труда акад. А. А. Шахматова занята критическимъ разборомъ тѣхъ редакцій, въ которыхъ сохранилось сказаніе о призваніи Варяговъ въ извѣстныхъ намъ лѣтописныхъ сводахъ. При этомъ онъ отмѣчаетъ, что та редакція, которую даетъ намъ Повѣсть временныхъ лѣтъ, не первоначальна и представляетъ результатъ позднѣйшей переработки. Авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ создалось это сказаніе, и указываетъ, что въ немъ замѣтны два элемента: южный и сѣверный. На основаніе строго критическаго анализа всѣхъ редакцій, въ которыхъ сохранилось сказаніе о призваніи Варяговъ, онъ возстановляетъ первоначальный текстъ его. Въ VII главѣ онъ даетъ какъ предполагаемый имъ первоначальный текстъ сказанія о призваніи Варяговъ, такъ и нѣкоторыя переработки его, а въ слѣдующей главѣ намѣчаетъ тѣ народныя преданія, которыя можно найти въ данномъ сказаніи. На основаніи этихъ данныхъ авторъ рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи Русскаго государства. Но то рѣшеніе вопроса, которое предлагаетъ акад. А. А. Шахматовъ, не даетъ ничего особенно новаго, кромѣ нѣсколькихъ гипотезъ, да и то близкихъ къ предложеннымъ другими сторонниками норманской теоріи. Основу сказанія о варяжскомъ происхожденіи князей и государства онъ признаетъ вполнѣ достовѣрной, при чемъ даже отождествляетъ Варяговъ съ Русью. Въ послѣднемъ случаѣ онъ придерживается старой теоріи, признающей финское происхожденіе имени «Русь», такъ какъ всѣ финскія племена называютъ Шведовъ именами, напоминающими Русь. Въ слѣдующей и послѣдней (X) главѣ своего изслѣдованія авторъ разсматриваетъ литературныя передѣлки преданій о призваніи Варяговъ. Впрочемъ, авторъ, повидимому, не считаетъ гипотезы, предложенныя имъ въ IX главѣ, окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи русскихъ князей и государства, такъ какъ „исторической наукѣ предстоитъ связать оба преданія—сѣверное и южное—съ тѣми областями, которыя въ дѣйствительности могли имѣть мѣсто при созданіи Русскаго госсударства“.

Записки Имп. Томск. Унив., кн. 24.

І. Малиновскій. Рѣчь передъ диспутомъ 1 февраля 1904 г. (стр. 1—12). Согласно установившагося обычая, авторъ выясняетъ въ своей рѣчи, почему онъ выбралъ для своей диссертаціи тему изъ исторіи литовско-русскаго права. Онъ указываетъ, что литовско-русское право въ исторіи русскаго права имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ право Восточной Руси, а между тѣмъ въ большей части курсовъ оно оставляется безъ вниманія. Только въ сравнительно недавнее время русскіе ученые стали изучать исторію литовско-русскаго права, при чемъ исторія и право Литовско-русскаго государства нашли наибольшее количество изслѣдователей въ средѣ профессоровъ и питомцевъ университета св. Владиміра. Разсмотрѣвъ труды по исторіи и праву Литовско-русскаго государства профессоровъ Н. Д. Иванишева, В. Б. Антоновича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова и ихъ многочисленныхъ учениковъ, авторъ отмѣчаетъ, что ученые кіевской школы сдѣлали очень много въ этомъ направленіи, и труды ихъ позволяютъ освѣтить нѣкоторые темные вопросы русской исторіи иначе, чѣмъ дѣлалось это раньше. Такъ, обыкновенно при изученіи общественно-политическаго уклада древней Руси отмѣчали два основныхъ начала: монархическое и демократическое, хотя при такой точкѣ зрѣнія трудно было объяснить многія явленія древне-русской жизни. Между тѣмъ изученіе исторіи Западной Руси и Литвы показываетъ, что въ древней Руси видную роль играло еще одно начало, почти не замѣченное большинствомъ русскихъ ученыхъ,—начало аристократическое. Оно лучше всего можетъ быть изучено въ Западной Руси, гдѣ получило наибольшее развитіе. Однимъ изъ учрежденій, имѣющихъ строго аристократическій характеръ, былъ главный Литовскій Трибуналъ, изученію котораго и посвящена диссертація автора.

Записки Имп. Юрьев. Унив., кн. 6.

Н. К. Грунскій. Кіевскіе глаголическіе листки, в. II (стр. 1—59) Настоящій трудъ посвященъ подробному изслѣдованію языка этихъ высоко интересныхъ въ научномъ отношеніи листковъ, связанныхъ чисто внѣшнимъ образомъ съ Кіевомъ.

Archiv für Anthropologie, Neue Folge—B. I und II.

Въ 3 книжкѣ I тома данъ списокъ сочиненій по доисторической археологіи, вышедшихъ въ Австріи, а въ 1—3 книжкахъ II тома помѣщены отзывы Л. Стида о слѣдующихъ книгахъ на русскомъ языкѣ: 1) *А. А. Спицынъ.* Курганы съ окрашенными костяками (Записки Имп. Рус. Арх. Общ., нов. серія, т. XI, в. 1—2. Спб. 1899); 2) Извѣстія Импер. Арх. Коммиссіи, № 1—5. Спб. 1901—1903; 3) Русскій Антропологическій Журналъ, изд. антропологическій отдѣленіемъ Имп Общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. М. 1902.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Изъ сельской церковной лѣтописи. Не знаю, какъ въ другихъ епархіяхъ, а въ Полтавской, по распоряженію еще прежняго преосвященнаго Иларіона, сельскіе священники ведутъ такъ называемыя „церковныя лѣтописи". Судя по тѣмъ образцамъ, какія намъ приходилось видѣть, лѣтописи эти, какъ матеріалы по исторіи села и даже приходской церкви, имѣютъ по большей части ничтожную цѣну, но въ нихъ есть главы, посвященныя характеристикѣ религіознаго настроенія прихожанъ, отношенія ихъ къ причту и т. под., и здѣсь иногда можно встрѣтить весьма любопытныя черты. Для образца—вотъ живая, характерная сцена, буквально нами списанная изъ церковной лѣтописи одного глухого села, константиногр. уѣзда. Предварительно рѣчь идетъ о томъ, какія мѣры и средства употребляетъ священникъ къ тому, чтобы истребить среди своихъ пасомыхъ вѣковой обычай, въ силу котораго молодежь, наканунѣ праздниковъ, сходится на „вулыцю" и поетъ пѣсни. Оказывается, что во взглядахъ на это дѣло селянъ—съ одной стороны и духовенства—съ другой существуетъ непримиримый конфликтъ: селяне смотрятъ на „вулыцю", какъ на невинное, вполнѣ естественное развлеченіе молодежи, а духовенство громитъ эту забаву, какъ „бѣсовскія игрища" и школу разврата. При такомъ радикальномъ различіи воззрѣній, священники не встрѣчаютъ поддержки въ прихожанахъ и преслѣдуютъ „вулыцю" лишь при содѣйствіи сельской полиціи, имѣющей на этотъ счетъ подобныя же предписанія отъ своего начальства. По этому поводу сплошь и рядомъ происходятъ такія сцены во время исповѣди:

„Является къ исповѣди пожилой крестьянинъ и на вопросъ священника: „гдѣ твой сынъ проводитъ ночи наканунѣ праздниковъ и воскресныхъ дней?“—даетъ такой отвѣтъ:

— А хиба жъ то мое дило?

— А чье же?—изумляется священникъ.

— Це дило ваше, батюшко, та сильського старосты, та старшыны.

— А твое, значитъ, дѣло—родить его и выкормить, а уму-разуму и страху Божію не твое дѣло учить?

— Эге жъ.

— За такой отвѣтъ положи предъ иконами 30 поклоновъ.

— Сёго не буде! Не хочу!

— За такой отвѣтъ говѣй другую недѣлю и опомнись.

Говѣетъ онъ другую недѣлю. Настаетъ исповѣдь. Священникъ задаетъ ему тотъ же вопросъ о сынѣ и „вулыцѣ“ и получаетъ тотъ же отвѣтъ.

— Говѣй еще недѣлю, а за дерзкій отвѣтъ положи 50 поклоновъ.

— Сёго не буде!—твердитъ свое крестьянинъ.

Говѣетъ онъ третью недѣлю; подходитъ къ исповѣди. Священникъ задаетъ ему все тотъ же вопросъ, но на этотъ разъ отвѣтъ уже иной:

— Мое дило учыть сына и глядить, де винъ ночуе.

Объяснивши ему дерзость его прежнихъ отвѣтовъ и ихъ соблазнительность, священникъ предложилъ ему помолиться Богу о прощеніи его и положить всенародно 70 поклоновъ, и онъ это исполнилъ безъ возраженія.

А въ народѣ толки: „Що це таке? Диды, батькы и мы замолоду ходылы на вулыцю, и батюшкы було за те ничого не кажуть!“ И растетъ среди прихожанъ нерасположеніе къ своему духовному пастырю.

О. Л.

Къ характеристикѣ матеріальнаго положенія уніатскаго духовенства въ началѣ XIX в. Нѣкоторые начальники монастырей и священники приходскихъ церквей греко-уніатскаго исповѣданія обратились къ имп. Алаксандру I съ просьбой объ оказаніи имъ, въ виду ихъ крайней бѣдности, пособія. Согласно волѣ императора, то-

гдашній министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. Голицынъ обратился 18 января 1820 г. во 2-й департаментъ Римско-католическ. духовн. коллегіи съ предложеніемъ обратить вниманіе на бѣдственное положеніе уніатскаго духовенства и принять соотвѣтствующія мѣры къ тому, чтобы изъ богатыхъ фундушей нѣкоторыхъ уніатскихъ монастырей и церквей составить общую сумму, процентами изъ которой можно было бы въ извѣстной степени удовлетворять необходимыя нужды недостаточныхъ церквей и монастырей и поддерживать состоящія въ вѣдомствѣ уніатскаго духовенства заведенія (школы и больницы). Департаментъ, въ силу этого предложенія, обратился къ уніатскимъ архіереямъ съ запросомъ, какія церкви и монастыри могутъ уступить часть своихъ доходовъ для составленія потребнаго капитала. Весьма любопытны послѣдовавшіе въ отвѣтъ на запросъ 2-го департамента рапорты уніатскихъ архіереевъ. Въ нихъ мы находимъ много цѣнныхъ указаній, рисующихъ предъ нами картину крайней бѣдности бѣлаго уніатскаго духовенства и извѣстной безпорядочности въ веденіи монастырскаго хозяйства монахами базиліанами, вслѣдствіе чего иногда значительныя монастырскія суммы попадали въ „ненадежныя“ руки.

Полоцкій архіепископъ писалъ въ своемъ рапортѣ слѣдующее: «Фундуши и доходы приходскихъ бѣлаго духовенства церквей моей епархіи вообще бѣдны. Священники при нихъ иногда нуждаются и въ насущномъ хлѣбѣ. Ктиторы тѣхъ церквей другого обряда или исповѣданія мало обращають вниманія, а прихожане всѣ почти изъ крестьянъ въ здѣшнемъ бѣдномъ краю не въ состояніи помогать». Что касается монастырей, то изъ ихъ капиталовъ онъ находитъ возможнымъ удѣлить для образованія намѣченнаго фонда 3600 р. сер. и $51^1/_2$ т. руб. ассигнаціями. Изъ указанныхъ суммъ $35^1/_2$ тысячъ находились на рукахъ у разныхъ помѣщиковъ подъ залогомъ ихъ имѣній и считались во всякомъ случаѣ «надежными».—Въ рапортѣ Брестской уніатской консисторіи находимъ такія свѣдѣнія о состояніи бѣлаго духовенства. Приходскихъ церквей въ Литовской епархіи насчитывалось 535, при нихъ священниковъ 659, церковно-служителей (кромѣ священническихъ фамилій) 498. Указанному числу церквей принадлежало въ общемъ фундушовыхъ крестьянъ 451 душа, а процентовъ съ фундушовыхъ капиталовъ церквами получалось въ общей сложности 758 р. 50 к. сер. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ

церкви были бѣдныя. «400 церквей,—говорится въ рапортѣ,—имѣютъ такіе недостаточные фундуши, что священники оныхъ не токмо не могутъ нести издержекъ на церковную утварь и плебальныя служенія, но не имѣетъ соотвѣтственнаго содержанія». Монастыри этой епархіи (числомъ 25 мужскихъ, не считая 3 дѣвичьихъ) были значительно состоятельнѣе приходскихъ церквей. Они владѣли 3601 д. м. п. крѣпостныхъ крестьянъ и 289,824 р. 84 к. сер. фундушовыхъ суммъ: годовой доходъ ихъ въ общемъ равнялся 29563 р. 90 к. сер., помимо дохода отъ продажи разнаго хлѣба. Но значительныя монастырскія суммы находились въ еврейскихъ и помѣщичьихъ рукахъ и изъ нихъ 7080 р. 90 к. с. считались положительно «ненадежными». Въ образуемый фондъ капиталъ брестской консисторіи находитъ возможнымъ отчислить сумму въ 2000 червонцевъ и 6312 р. 60 к. сер.

«Всѣ вообще фундуши и приходы, принадлежащіе къ бѣлому уніатскому духовенству въ Россіи, недостаточны,—пишетъ еп. Луцкій;—но особенно по Луцкой уніатской епархіи всѣ они суть столь скудны, что почти никакого вѣрнаго не приносятъ дохода; а потому все бѣлое уніатское духовенство, находясь въ самобѣднѣйшемъ состояніи, въ трудахъ собственныхъ рукъ ищетъ насущнаго хлѣба. Священники, окруженные семействами, едва, и то съ трудностію, могутъ дать имъ пропитаніе, но никакъ не могутъ дать имъ приличнаго воспитанія. Церкви всѣ почти нуждаются въ самыхъ необходимыхъ вещахъ и утваряхъ. Крестьяне сами едва пропитываются. Въ нѣкоторыхъ только мѣстечкахъ, гдѣ жители свободнѣе и промышленнѣе, видѣнъ въ церквахъ нѣсколько лучшій порядокъ... Только нѣкоторыя церкви могутъ обойтить безъ вспомоществованія». «Монастыри въ русской провинціи по большей части бѣдны и недостаточны, а изъ достаточнѣйшихъ въ шести содержатся школы, народныя училища на степени гимназіи и школы повѣтовыя, иные же имѣютъ меньшія школы, называемыя парафіальными, притомъ заведены у нихъ училища для монашескаго юношества, образуемаго въ разныхъ наукахъ и успособляющихся въ учительское званіе»; ибо всѣхъ таковыхъ молодыхъ монаховъ невозможно посылать въ университетъ (Виленскій), «да сверхъ того они отягощены складкою на главную семинарію. Но при всемъ томъ орденское начальство здѣшней провинціи по долговременномъ соображеніи обстоятельствъ и потребностей своихъ монастырей изъ достаточнѣйшихъ на пособіе бѣднѣйшимъ жертвуетъ»

8392 р. ас. и 6681 р. сер. Болѣе состоятельными названы слѣдующіе монастыри: Бѣлостоцкій, Луцкій, Поддембецкій и Кременецкій [1]).

Любопытно то обстоятельство, что въ образуемый фондъ, въ большинствѣ случаевъ, монашескими начальниками производились отчисленія не изъ наличныхъ монастырскихъ суммъ, а изъ находившихся на рукахъ у разныхъ должниковъ, въ томъ числѣ и «ненадежныхъ». Такъ, Литовскій базиліанскій провинціалъ отчислялъ такихъ «ненадежныхъ» суммъ на 7,980 р. 95 к. сер.

В. Страшкевичъ.

Оригинальная доставка церковнаго колокола. *(Разсказъ очевидца).* Это было въ 1841 году. Одинъ изъ жителей м. Бахмача (конот. у.), козакъ Вовкъ, пріобрѣлъ два колокола: большій—въ даръ своему приходскому храму, а другой, поменьше — съ цѣлію перепродать при случаѣ куда-либо на сторону. Въ ожиданіи же, пока наступитъ этотъ благопріятный случай, колоколъ былъ поставленъ въ сарай. Но стоять ему тамъ пришлось не долго,—случай сбыть свой товаръ представился для Вовка очень скоро. Какъ разъ къ этому времени въ сосѣднемъ селѣ Куренѣ назрѣла настоятельная необходимость въ покупкѣ для своей церкви «дзвона». А потому куренцы, какъ только прослышали, что въ Бахмачѣ у Вовка есть продажный колоколъ, то не долго думая, боясь упустить удобный случай, уполномочили двухъ своихъ приходскихъ священниковъ—Павла Лукашевича, Михаила Рѣзникова и діакона Авксентія Бунчукова немедленно же ѣхать къ Вовку, осмотрѣть колоколъ и, если онъ по размѣрамъ и цѣнѣ окажется подходящимъ, купить его для своей церкви.

И вотъ, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, послѣ обѣдни, коммиссія эта съ пономаремъ-кучеромъ во главѣ отправилась въ Бахмачъ. Къ великому удовольствію пріѣхавшихъ колоколъ и по своему фасону, и по вѣсу оказался именно такимъ, какой желали куренцы имѣть на своей приходской колокольнѣ. Спросили о цѣнѣ, и цѣна была объявлена Вовкомъ самая добросовѣстная; для вида, а больше, конечно, по привычкѣ поторговались немножко, но видя, что никакихъ уступокъ въ цѣнѣ отъ Вовка ожидать нельзя, покупатели попросили его оставить

---

[1]) Архивъ Св. Синода 2 Департ. дѣло 1820 года № 2 по каталогу 2-го Департ. Римск.-Католическ. Духов. Коллегіи.

колоколъ за ними; за тѣмъ, по обычаю, покупку «замочилы добре» и стали собираться домой. Какъ вдругъ, Вовкъ совершенно неожиданно предложилъ имъ, что не желаютъ-ли, молъ, батюшки́, чтобы онъ этотъ колоколъ подарилъ въ Куренскую церковь. Батюшки́, конечно, сейчасъ же изъявили на это свое искреннѣйшее желаніе и щедро начали сулить Вовку всевозможныя награды, которыя онъ долженъ будетъ получить на томъ свѣтѣ, если приведетъ свое желаніе въ исполненіе; но Вовкъ заявилъ, что онъ согласенъ сдѣлать такой даръ при томъ только условіи, если батюшки́ довезутъ колоколъ до своей церкви на себѣ.

Подумали немного батюшки, пошептались между собою и наконецъ—подъ вліяніемъ-ли обильнаго «замачиванія» колокола, или по какимъ инымъ соображеніямъ, ключъ къ уясненію которыхъ для потомства навсегда утерянъ, объявили Вовку, что предложеніе его они принимаютъ.

Съ общаго согласія сторонъ пари было обусловлено такъ: везти колоколъ шагомъ и за всю дорогу имѣть только три остановки на заранѣе условленныхъ мѣстахъ; въ томъ же случаѣ, если везущими будетъ сдѣлано больше трехъ остановокъ или не на указанныхъ мѣстахъ, а также, если кто со стороны будетъ помогать везти, то колоколъ остается за Вовкомъ. Наряду съ этимъ въ число обязательныхъ условій было включено, чтобы на каждомъ привалѣ телѣгѣ дѣлать «полегченіе», а везущимъ «подкрѣпленіе», или, выражаясь простымъ языкомъ,—телѣгу смазывать дегтомъ, а везущимъ давать по чаркѣ водки.

Вовкъ былъ болѣе, чѣмъ увѣренъ, что колоколъ останется за нимъ; онъ не могъ допустить даже и мысли о томъ, чтобы три человѣка «нижного воспитанія» могли тащить на себѣ почти пять верстъ, хотя-бы то и шагомъ, слишкомъ 30-ти пудовую кладь [1]), тѣмъ болѣе, что дорога, благодаря перепадавшимъ въ послѣдніе дни дождямъ, была въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно грязна. Вовкъ уже заранѣе торжествовалъ въ своей душѣ побѣду; уже теперь услаждался мыслью о томъ, какъ онъ въ волю насмѣется надъ батюшками. Собственно говоря, на этой подкладкѣ онъ и построилъ свою затѣю, а въ надеждѣ на успѣхъ позволилъ обставить пари такъ, что против-

[1]) По описи—въ колоколѣ вѣсу 31 п. 10 ф.

ная сторона рѣшительно ничѣмъ не рисковала даже и въ томъ случаѣ, если-бы бросила колоколъ посреди дороги. А батюшки, между тѣмъ, взглянули на дѣло болѣе серьезно. Взвѣсивъ всѣ данныя за и противъ успѣха, они пришли къ тому заключенію, что хотя довезти колоколъ на себѣ дѣло и трудное, но все таки возможное, вспомнили кстати русское «авось» и стали собираться въ дорогу. Зная-же, что въ Куренѣ въ одномъ мѣстѣ есть «така вредна долына», чрезъ которую трудно перебраться даже и порожнемъ, они третью остановку именно и назначили предъ этою долиною.

Собравшійся народъ живо взвалилъ колоколъ на телѣгу, батюшки сняли рясы, подошли къ возу и „вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись". „Сухій, якъ триска", но тѣмъ не менѣе крѣпкій, „неначе вилъ", Рѣзниковъ сталъ въ оглобли; Лукашевичъ же и нисколько не уступавшій въ силѣ Рѣзникову діаконъ Бунчуковъ должны были играть роль пристяжныхъ. Приготовились; на дорогу выпили по чаркѣ.

— „Ну, трогай!--скомандовалъ Вовкъ.

Телѣга медленно выѣхала со двора и также медленно покатилась по дорогѣ. А рядомъ съ телѣгою верхомъ на лошади ѣхалъ Вовкъ, не забывшій захватить съ собою кварту водки, „щобъ було чимъ коней годувать". Слѣдомъ за ними двигалась ежеминутно возроставшая толпа; къ ней присоединялись всѣ встрѣчные и поперечные. Толпу интересовалъ не исходъ дѣла, не то, кто останется въ проигрышѣ,—влекло ее сюда единственно только праздное любопытство, желаніе видѣть, «якъ батюшкы распынаются».

А тѣ молча, согнувшись почти подъ прямымъ угломъ, обливаясь съ ногъ до головы потомъ, везутъ и везутъ. Телѣга чуть-чуть поскрипываетъ, грузно вваливаясь то одной, то другой стороной въ дорожныя колевины. Сдѣлали одинъ и другой привалъ. Ѣдутъ дальше.

Но вотъ и Курень.

Завидя необычайную картину, подобную которой едва-ли когда придется кому увидѣть, куренцы, и старый и малый, начали высыпать на улицу. Вѣсть о томъ, что „батюшки везуть дзвинъ на соби", съ быстротою молніи облетѣла добрую половину села; дѣвки, бабы, старики, дѣти, паробки шли, бѣжали, ѣхали верхами; многіе, незнакомые съ условіями пари, бросались помогать мокрымъ отъ пота батюшкамъ, но во-время были останавливаемы грознымъ Вовкомъ, который по мѣрѣ приближенія къ церкви становился все сердитѣй и сердитѣй.

А къ оставшемуся дома третьему священнику Александру Горуновичу былъ посланъ гонецъ, чтобы звонить во всѣ колокола, созывать народъ въ церковь, служить молебенъ о „благополучномъ окончаніи предпріятія“.

Но вотъ и та „вредна долына“.

Подъѣхали. Остановились. Выпили по чаркѣ и сѣли отдохнуть. Вовкъ, какъ только глянулъ на дорогу, такъ даже усмѣхнулся отъ радости. „Колоколъ будетъ мой!“—рѣшилъ онъ и повеселѣлъ.

Отдохнули везшіе, поднялись; сняли шапки, перекрестились, а за ними и вся тысячная толпа, какъ по командѣ, осѣнила себя крестнымъ знаменемъ. Стали батюшки на мѣста и двинулись дальше. Съ замираніемъ сердца ждутъ куренцы: что-то будетъ? чья возьметъ?

Вотъ въѣхали въ „долыну“. Колеса сразу же по ступицы врѣзались въ липкую грязь; телѣга еле-еле движется, вотъ-вотъ остановится. Лишенные возможности помогать руками, куренцы помогаютъ своимъ батюшкамъ жестами, криками. Изъ толпы то и дѣло слышится:

— Ну-ну-ну!

— Оттамъ! оттамъ!

— Добре! добре!

— Цыть!—кричитъ Вовкъ, но его никто не слушаетъ.

— Вотъ-вотъ-вотъ!

— Смилійшъ! смилійшъ?

— И... и... и...

Понатужились батющки, глаза кровью налились, изъ орбитъ вонъ лѣзутъ; поналегли, что силы было и... вывезли.

Видитъ Вовкъ, что проигралъ колоколъ, не поѣхалъ даже и черезъ грязь, бросилъ вслѣдъ уѣзжавшей телѣгѣ бутылку съ водкой и повернулъ коня назадъ.

— „А щобъ же на васъ и на тимъ свити такъ йиздылы!—произнесъ онъ съ досадой и ускакалъ домой.

Подхватилъ тогда народъ телѣгу и, какъ перышко, довезъ ее до церкви. Встянуть колоколъ на мѣсто уже не составляло труда.

Дѣло, однако, этимъ не кончилось.

Нашлись досужіе люди, которые не замедлили обо всемъ случившемся донести начальству. Виновные ожидали себѣ самаго стро-

гаго наказанія, но, по тщательномъ разслѣдованіи дѣла, начальство ограничилось только тѣмъ, что пожурило ихъ за то, что они уподобили себя скотамъ.

Иванъ Егоровъ.

Взаимовліяніе украинскихъ погребальныхъ причитаній и бытовыхъ пѣсенъ. Отдѣльные виды народной поэзіи, обособленные другъ отъ друга содержаніемъ, формою, кругомъ носителей ихъ и прикрѣпленные къ опредѣленнымъ явленіямъ жизни и быта, какъ пѣсни свадебныя, купальскія, чумацкія, колядки, веснянки и др., – развивали каждый самъ въ себѣ свои болѣе или менѣе особые поэтическіе мотивы и изобразительныя средства. Мотивы и стиль думъ не тѣ же, что въ пѣсняхъ чумацкихъ; послѣднія обладаютъ собственными мотивами и пріемами сравнительно съ пѣснями семейно-бытовыми, а эти значительно рознятся въ тѣхъ же отношеніяхъ отъ пѣсенъ свадебныхъ или же отъ колядокъ и т. д. Изученіе произведеній народнаго слова со стороны ихъ спеціальныхъ мотивовъ и стиля представляетъ громадный интересъ для пониманія народной души и тѣхъ поэтическихъ процессовъ, которые происходили въ ней и отлились передъ нами въ грандіозный памятникъ—поэзію народа въ ея цѣломъ. Въ этомъ отношеніи посчастливилось украинскимъ колядкамъ и веснянкамъ, которымъ А. А. Потебня посвятилъ извѣстный свой трудъ „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ". Думы, свадебныя пѣсни и другіе виды украинской народной поэзіи также, хотя и не въ такой степени, какъ колядки, находили истолкователей своимъ мотивамъ и стилю.

Но совершенно незамѣченными остаются похоронныя украинскія причитанія, представляющія самостоятельный видъ народно-поэтическаго творчества и выработавшія свой стиль и собственные поэтическіе пріемы. Между тѣмъ нѣкоторые изъ мотивовъ похоронныхъ причитаній являются настолько строго опредѣленными и устойчивыми, что было возможно вліяніе ихъ на пѣсни бытовыя, которыя впитывали въ себя тѣ или другіе изъ этихъ мотивовъ. Утверждать послѣднее мы имѣемъ достаточное основаніе. Критеріемъ для опредѣленія того, въ какомъ кругѣ произведеній выработался тотъ или иной мотивъ, является степень повторяемости его въ извѣстной группѣ произведеній. Если какой-либо мотивъ характеренъ для похоронныхъ

причитаній и весьма часто встрѣчается въ нихъ, въ бытовыхъ же пѣсняхъ исключительно рѣдокъ,—мы имѣемъ право говорить, что данный мотивъ выработанъ въ кругѣ похоронныхъ причитаній и заимствованъ изъ нихъ бытовыми пѣснями (и наоборотъ). Здѣсь я укажу случаи подобнаго вліянія мотивовъ похоронныхъ причитаній на пѣсни бытовыя.

1) Парубокъ, уѣзжая, говоритъ дѣвицѣ:

Жывы, жывы, дивко, зъ парубкомъ,
Жывы, розжывайся.
Прыйде празныкъ святая недиля,
Въ гости дожыдайся.
Якъ не буде къ святій недили,
То буде къ Мыколи,
Якъ не буде и къ Мыколи,
Да й не буде николы [1]).

Опредѣленіе сроковъ ожиданія праздниками и послѣднимъ «Мыколою», послѣ котораго нѣтъ никакой надежды на возвращеніе ожидаемаго лица,—мотивъ, выработанный причитаніями и принадлежащій имъ въ особенности. Плакальщицы съ такими словами обращаются къ покойнику:

Колы мени столы застылать?
Чы мени на Риздво, чы на Велыкдень?
Чы на святу недилоньку
А чы мени зъ Мыколы—та й николы?.. [2])
И колы намъ тебе въ гости ждаты?
Чы къ Риздву?—снигомъ занесе!
Чы къ Велыкодню?—водою залле!
Чы къ Святій недилоньци?—Травою заросте!
Якъ не будешъ къ Мыколи,—
То не будешъ николы!.. [3])

---

[1]) Чуб. V, 284, № 559.
[2]) Милорадовичъ. Пѣсни и обр. луб. у. № 47.
[3]) Метлинскій. Ю.-Р. Пѣсни, 292.

Да ты жъ не прыбула къ Рожеству за велыкымы снигамы, да не прыбудешъ и къ Велыкодню за велыкымы дощамы, да не прыбудешъ къ Святій Недильци за нагальнымы диламы; да ты не прыбудешъ къ Мыколи да й николы [1])... На разные лады данный мотивъ повторяется въ большинствѣ причитаній.

2) Козакъ, потерпѣвшій неудачу въ любви, наказываетъ своей матери:

Ой продавай, маты, коня вороного
Та накупы, маты, сукна голубого,
Сукна голубого, полотна лляного.
Пошый мени, маты, лляную сорочку,
Сховай мене, маты, въ вышневимъ садочку,
Высыпъ мени, маты, высоку могылу,
Посады въ головахъ червону калыну,
Зберы, маты, всю свою родыну.
То буде родына и пыты й гуляты,
Мене молодого будуть спомынаты.
Позаросталы стежкы--дорижкы,
Де походылы козакови нижкы;
Позаросталы спорышамы,
Де походылы съ товарышамы [2]).

Въ причитаніяхъ мотивъ послѣднихъ четырехъ стиховъ общеупотребителенъ и выражаетъ отчаяніе въ надеждѣ на возвращеніе умершаго въ міръ:

Къ Святій Недилоньци стежкы й дорижкы позаростають,
А сады позацвитають,—
Стежкы комышемъ, а дорижкы спорыщемъ [3])...
Позаростають ти стежкы—дорижкы, де ты ходывъ [4])...

3) Въ пѣснѣ «Якъ пойихавъ королевичъ на полювання» говорится, что королевичъ, увидя жену умершею,—

---

[1]) Малинка. Этногр. Обозр. 1898 г.
[2]) Чуб. V, 260, № 512.
[3]) Милорадовичъ. Пѣсн. и обр. № 48; также стр. 178, 181.
[4]) Брайловскій. Р. Фил. Вѣстн. 84 г. XII.

Ударывся... у билыи груды:
«Нижкы мои ризвесенькы, чомъ не ходыте?
Ручкы жъ мои билесенькы, чомъ не робыте?
Очы жъ мои каресенькы, чомъ не дывытесь?
Уста мои сахарныи, чомъ не мовыте?
— Нижкы мои ризвесенькы одходылыся,
Ручкы жъ мои билесенькы одробылыся,
Очы жъ мои каресенькы оддывылыся,
Уста жъ мои сахарныи одмовылыся [1]).

Послѣдніе стихи—обычное сожалѣніе причитающей по умершему лицу:

Сонечко мое ясное,
Ручечкы мои пышныи,
Нижечкы мои ходушечкы!
Находылысь твои нижечкы,
Наробылысь твои ручечкы,
Очечкы твои карыи,
Надывылысь твои очечкы!..
Твои ручечкы—роботушечкы,
Наробылысь воны дилечка [2])...
Одходылы твои ниженькы,
Одробылы твои рученькы,
Оддывылысь твои оченькы [3])...

4) Мать представилась умершею; дѣти плачутъ по ней:

«Маты, наша маты, уже тя не маты...
А ни тя купыты, а ни заробыты,—
Пидемъ сыротята въ чужыну служыты»!
Маты того вчула, тяженько здихнула:
«Покы буду жыты, не мете служыты» [4]).

---

[1]) Чуб. V. 767, 357. А.
[2]) Изъ собственныхъ матеріаловъ.
[3]) Метлинскій. Ю.-Р. Пѣсни.
[4]) Лоначевскій. Сб. пѣсенъ Буков. народа.

Въ данной пѣснѣ—отраженіе причитаній дочери по матери:

Та мени жъ васъ, моя матинко, ни купыть,
Та мени жъ не заслужыть.
Та нема тихъ городянокъ,
Що продають ридныхъ мамокъ...
И де тебе, матинко, узяты?
Чы тебе змалюваты, чы тебе заслужыты?
Чы тебе, моя матинко, заробыты [1])?.. и др.

Изъ причитаній по матери въ пѣсни перешелъ также слѣдующій мотѝвъ:

Маты, моя маты,
А де жъ тебе взяты?
Тебе не купыты,
А не заробыты.
Маляривъ наняты,
Та й намалюваты...
Ой хочъ намалюю,
Та вже не такую,
Якъ неньку ридную [2]).

Пѣсня повторяетъ такого рода мотивъ причитаній:

Буду я, моя матинко, маляривъ наймать,
Та буду свою матинку малювать.
Що я вже не змалюю,
А хочъ и змалюю, такъ не такую...
Нема жъ тыхъ маляривъ,
Що малюють материвъ [3])...

На основаніи указанныхъ и другихъ подобныхъ примѣровъ устанавливается фактъ вліянія похоронной причети на лирическую бытовую пѣсню. Представляется возможнымъ вопросъ, поскольку похоронныя причитанія въ свою очередь являютъ на себѣ отраженія

---

[1]) Милорадовичъ. Пѣсни и обр. №№ 23 и 27.
[2]) Чуб. V, 474, № 59.
[3]) Милорадовичъ, Пѣсни и обр. №№ 36 и 25.

лирической бытовой поэзіи? Опредѣленіе вліянія бытовой поэзіи на похоронныя причитанія болѣе сложно и трудно, чѣмъ опредѣленіе обратнаго вліянія, въ виду того, что лирическая пѣсня, какъ болѣе развитой и широко распространенный видъ народной поэзіи, внѣ сомнѣнія, должна была въ очень сильной степени отразиться въ причитаніяхъ, что и замѣчается. Но при этомъ данное отраженіе касается не такъ отдѣльныхъ мотивовъ, какъ поэтическихъ изобразительныхъ пріемовъ—проявляется въ эпитетахъ, сравненіяхъ, формулахъ параллелизма и пр., опредѣлить заимствованіе которыхъ—задача не легкая. Тѣмъ не менѣе можно привести случаи вліянія лирической пѣсни на причитанія, выразившіеся въ заимствованіи послѣдними цѣликомъ нѣкоторыхъ мотивовъ пѣсенъ.

1) Прич.: Прыймай своихъ дитокъ до себе,
Щобъ воны не горювалы,
Щобъ ихъ не попыхалы,
Щобъ чужи люде рукъ не потерялы.
Буде насъ, матинко, по горахъ и по долынахъ
И по чужыхъ украинахъ [1])...

Послѣдній мотивъ встрѣчается въ пѣсняхъ о перепелкѣ, бесѣдующей съ птенцами, а также въ другихъ пѣсняхъ, напр.:

Пшеныченьку жну, а кукиль обжынаю,
До своихъ дитокъ стыхесенька промовляю:
«Диточкы мои, горенько мени зъ вамы,
Шо не маю хозяина надъ вамы».
— Матинко наша, не журыся ты намы:
Якъ поростемо, розійдемся й самы.
Буде насъ, маты, по горахъ, по долынахъ,
Буде насъ, маты, по усихъ украинахъ [2]).

2) Прич.: «Хто жъ мене буде порождаты, хто мене буде розважаты? Немае цвиту червоного, немае роду ридного. Нема цвиту надъ маковку, нема риднишого надъ матинку [3])...

---

[1]) Милорадовичъ. Пѣсни и обр. № 91.
[2]) Чуб. V, 859, 419 А; 144, 308 А.
[3]) Малинка. Этногр. Об. 98 г.

Мотивъ послѣдией фразы—параллель между маковымъ цвѣткомъ и матерью—заимствованъ изъ пѣсни, исключительно построенной на подобныхъ параллелизмахъ:

Да нема древа ранишого надъ дубочка,
Да нема роду риднишого надъ батечка...
Да нема цвиту свитлишого надъ маковку,
Да нема роду риднійшого надъ матинку...
Да нема древа ряснійшого надъ яворка,
Да нема роду риднишого надъ братыка и т. д. [1]).

3) Прич.: Та я жъ лугамы йтыму—лугы розлягатымуться,
А садамы йтыму— сады розвыватымуться [2]).

Въ пѣсняхъ очень употребительный мотивъ:

Пойду я лугомъ—и лугы розвываются,
Берегомъ пойду—берегы стынаются [3]).

Такимъ образомъ мы наблюдаемъ здѣсь весьма интересный для характеристики украинскаго народнаго творчества обмѣнъ мотивами между отдѣльными видами поэзіи—похоронными причитаніями и лирическою бытовою пѣснью, раскрывающій передъ нами самостоятельную жизнь народнаго слова: оно, безплотное, живетъ и движется, переходя изъ устъ въ уста и находя многообразныя пристанища въ душѣ человѣческой...

Владиміръ Даниловъ.

Къ исторіи Колiивщины [4]). (Матеріалы). Первое оффиціальное донесеніе объ украинскомъ возстаніи 1768 г. принадлежитъ перу командовавшаго расположенными въ Украинѣ русскими войсками генералъ-маіора Кречетникова. 18 іюня онъ доносилъ русскому послу въ Варшавѣ князю Н. В. Репнину, въ подчиненіи которому состоялъ,

---

[1]) Чуб. V, 439, 2.

[2]) Милорадовичъ, Пѣсн. и обр. стр. 184.

[3]) Чуб. V, 858, № 419; 145, 308 Б.

[4]) Свѣдѣнія главнымъ образомъ почерпнуты изъ связокъ №№ 21, 22 польскихъ дѣлъ 1768 г. въ Моск. Архивѣ М. Иностр. Д.

слѣдующее: „Въ здѣшней сторонѣ, а паче около Бѣлой Церкви и Гумана (т. е. Умани), оказалось новое возмутительство; сказываютъ, что здѣшніе крестьяне взбунтовались и будто къ нимъ въ начальствѣ или въ предводительствѣ ими находится нѣсколько запоросцовъ подъ именемъ здѣсь называемыхъ гайдамаковъ, и рѣжутъ большею частію жидовъ, не оставляя женъ и дѣтей ихъ, также губернаторовъ и шляхтичей, отчего великими кучами жиды бѣгутъ во внутрь Польши, и уже сіи взбунтовавшіеся близко Житоміра были". Далѣе, Кречетниковъ пишетъ, что распорядился относительно бунтующихъ—„*благосклонно* ихъ *уговаривать* и обращать въ домы ихъ". Причину этого крестьянскаго возстанія Кречетниковъ указываетъ въ дѣйствіяхъ польскихъ конфедератовъ, которые наложили поголовную подать на населеніе, вслѣдствіе чего „крестьяне, пришедъ въ замѣшательство, тѣмъ начали, что сборщика (собиравшаго эту поголовную дань въ пользу конфедератовъ) перваго выгнали, а затѣмъ уже вышедонесенное озорничество послѣдовало". Заключаетъ свое донесеніе Кречетниковъ просьбою къ Репнину о „наставленіи", какъ быть съ бунтующими.

Но гораздо раньше полученія этого рапорта, Репнинъ имѣлъ уже нѣкоторыя свѣдѣнія о возстаніи изъ польскихъ источниковъ.

Еще 19 іюня онъ писалъ, между прочимъ, въ Петербургъ къ графу Н. И. Панину, въ рукахъ котораго въ то время сосредоточивалось руководительство внѣшнею политикою Россіи: „Слышно еще, что мужики здѣшней Украины около мѣстечекъ Богуслава и Черкасовъ, близъ нашихъ границъ, зачинаютъ бунтовать противъ своихъ господъ. Но сіе уже не въ пользу возмутителей (т. е. барскихъ конфедератовъ) и не касается, говорятъ, того, а можетъ быть, что настоящіе грабежи, разоренія и набѣги тому причиною". Однако Репнинъ къ этому сообщенію добавлялъ: „Считаю сіи вѣсти неосновательными". Въ концѣ того-же письма онъ шифромъ пишетъ такъ: „Но, однимъ словомъ, состояніе здѣшней земли жалкое, и не справится она долго отъ разореній, которыя настоящія замѣшательства приключаютъ. Нѣтъ мѣста, гдѣ-бы огонь не былъ готовъ загорѣться".

Въ постъ-скриптумѣ этого-же письма Репнинъ жалуется Панину на генерала Кречетникова (которому пришлось подавлять украинское возстаніе 1768 г.), упрекаетъ его въ непомѣрномъ корыстолюбіи и говоритъ о немъ: „Ремесло свое не довольно знаетъ и головы генералъ всей не имѣетъ".

24 іюня, не получивъ еще донесенія Кречетникова отъ 18 іюня, Репнинъ писалъ ему: „Дошли сюда подлинныя извѣстія, что здѣшніе украинскіе мужики около Гумана, Чигрина, Крылова, Чиркасовъ и Богуслава взбунтовались противъ своихъ помѣщиковъ, и какъ изъ оныхъ многіе (=многихъ, т. е. помѣщиковъ), такъ и часть жидовъ перерѣзали, а другихъ отъ себя разогнали. Притчину сему приписываютъ фанатизму къ нашему закону, ибо они (т. е. взбунтовавшіеся) *хотя* большей частію *унеаты*, но подлинно того въ своемъ невѣжествѣ *сами не знаютъ, какого они закону*, а *щитаютъ себя нашего.* Однако нашъ высочайшій дворъ инаго не желаетъ, какъ *спокойствія здѣшней земли;* слѣдственно не надлежитъ способствовать сему новому огню, а напротивъ всячески надлежитъ стараться оной *утушить, не оскорбляя* однакожъ *тѣхъ мужиковъ*, а *ласку* къ тому упутребляя, уговаривая ихъ дружески, чтобы оні въ домы свои возвратились и жили бъ тамъ смирно и въ повиновеніи къ помѣщикамъ, какъ обыкновенно... Естли жъ вамъ неподалеку будетъ, то изволите послать дружески тѣхъ мужиковъ уговаривать, какъ выше сказано, кого изъ надежныхъ и способныхъ офицеровъ, но чтобъ онъ былъ руской и *нашего закона* (т. е. православный), дабы тѣмъ мужикамъ былъ *пріятнѣе.* А естли есть разумной священникъ у васъ въ корпусѣ, то бъ и того съ тѣмъ офицеромъ товарищемъ можно было послать, для того жъ вида успокоенія сихъ мужиковъ“.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ Кречетникову, Репнинъ 26 іюня писалъ Панину, что „мужицкой бунтъ часъ отъ часу по здѣшнимъ публичнымъ извѣстіямъ умножается“, но добавлялъ: „Сему я съ трудомъ вѣрить могу, понеже должно бъ объ томъ нашимъ генераламъ меня извѣстить, ибо они находятся въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ“ (донесеніе Кречетникова отъ 18 іюня все еще получено не было).

30 іюня Репнинъ предлагаетъ Кречетникову „посылать разъѣзды и партіи (войскъ) къ Гуману и далѣе, коли нужда будетъ, для извѣстій о бунтующихъ мужикахъ“. Въ томъ же письмѣ онъ пишетъ: „Бунтъ здѣшнихъ крестьянъ, конечно, успокоить надлежитъ... Начиная ласково; наконецъ, естли они того не послушаются, захотятъ распространить сей огонь и вовнутрь земли ворваться, то сего, конечно, не допускать, хотя бъ и силу противъ онаго употребить“.

Въ этомъ-же письмѣ Репнинъ высказываетъ и общую принципіальную точку зрѣнія, съ которой русское правительство взглянуло на украинское возстаніе 1768 г.: „*Все, что разрушаетъ здѣсь* (т. е.

въ Польшѣ) *спокойствіе, намъ вредно*, и слѣдственно намъ *тому препятствовать надлежитъ*, и, конечно, сего бунта мужицкаго во внутрь земли не допускать ворваться". Особенно настаивалъ Репнинъ на немедленномъ успокоеніи запорожцевъ, участвовавшихъ въ возстаніи. Прежній тонъ въ сужденіяхъ о взбунтовавшихся, начиная съ этого письма, нѣсколько измѣняется. Репнина взволновалъ слухъ о томъ, что „сія каналья" разорила турецкое мѣстечко Балту, каковое обстоятельство можетъ „раздразнить" Порту.

Въ письмѣ отъ 2 іюля къ Панину Репнинъ передаетъ тотъ-же слухъ о разореніи Балты и пишетъ: „Касательно бунту мужиковъ, въ которой, дѣйствительно, наши запоросцы вмѣшались, велѣлъ я сдѣлать публикацію...; а въ случаѣ ослушности, какъ съ злодѣями съ ними поступать". Когда слухъ о разореніи Балты подтвердился, Репнинъ написалъ, 10 іюля, Кречетникову: „Понеже извѣстенъ уже я подлинно, что татарское мѣстечко Балта бунтовавшими здѣшними крестьянами разорено, въ коихъ всѣхъ безпорядковъ наши запоросцы участіе имѣютъ, и понеже и то знаю, что однимъ симъ послѣднимъ татары вышеписанное разореніе причитаютъ, то надлежитъ намъ строгости противъ сихъ разбойниковъ и для сыску ихъ страранія пріумножить".

Того-жъ числа онъ писалъ Панину: „Нѣтъ нужды, кажется, вашему сіятельству мнѣ представлять, сколь строгаго наказанія таковое запоросцовъ преступленіе достойно, *по важнымъ слѣдствіямъ*, которыя *противъ Порты отъ сего* произойти могутъ". Затѣмъ проситъ Панина сдѣлать распоряженіе, чтобы плѣнные гайдамаки и особенно ихъ вожди были наказаны въ Кіевѣ построже, и добавляетъ: „Тожъ не прикажете-ли и здѣсь нѣколькихъ изъ оныхъ (т. е. гайдамакъ) *повѣсить*, а особливо начальниковъ въ близости границъ турецкихъ, и давъ имъ объ томъ извѣстіе, *дабы узнала чрезъ то Порта*, что мы участія въ ихъ поступкѣ не имѣемъ".

Въ тотъ же день, 10 іюля, Репнинымъ было послано письмо къ русскому послу въ Константинополѣ, Обрѣзкову, заключающее въ себѣ, между прочимъ, такія извѣстія о гайдамакахъ. „На сихъ дняхъ получилъ я извѣстіе, что подъ Гуманомъ наша партія (войска) нашла знатную и, думаю, главнѣйшую часть бунтующихъ мужиковъ; сколь же скоро приближились къ нимъ наши войска, столь скоро посылали ихъ уговаривать, чтобъ они здались, не желая имъ зла дѣлать, но сіи бунтовщики на оное ружейными выстрѣлами отвѣчали, почему партія

наша тотчасъ ихъ атаковала, и не упустя ни одного, коихъ не побила, всѣхъ взяла въ полонъ».

Взятыхъ въ плѣнъ было 938 человѣкъ, изъ нихъ 87 запорожскихъ козаковъ и 851 „здѣшнихъ (т. е. польскихъ) мужиковъ". Сообщая о томъ, что бунтовщиковъ ждетъ „примѣрное наказаніе", Репнинъ, просилъ Обрѣзкова объявить объ этомъ Портѣ.

Въ письмѣ отъ 26 іюля къ Кречетникову, въ отвѣтъ на его донесеніе отъ 18 іюля, Репнинъ высказываетъ свою радость по поводу того, что запорожецъ Максимъ Желѣзнякъ взятъ въ плѣнъ живымъ и отправленъ въ Кіевъ, и предлагаетъ „чтобъ его съ особливою прилежностью крѣпко содержали, ибо онъ есть одинъ изъ начальниковъ всего запорожскаго грабительства и злодѣйства". Къ этому прибавляетъ: „Тоже дайте знать, чтобъ объ его туда (т. е. въ Кіевъ) привозѣ тотчасъ высочайшему двору донесено было".

По письму отъ 8 августа отъ Репнина къ Кречетникову видно, откуда возникло и въ чемъ состояло обвиненіе епископа Переяславскаго Гервасія Линцевскаго въ участіи въ возстаніи. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, Репнинъ пишетъ: „Приложенной при семъ переводъ извѣстій о епископѣ Переяславскомъ объясняетъ развратное его поведеніе, и естли оно справедливо, то прошу ваше превосходительство приложить стараніе о пресѣченіи сихъ поступковъ, объявя присланнымъ отъ него (т. е. Гервасія), чтобы они оставили духовенство здѣшней Украины и что вы больше не допустите подобное своевольство. А естли онъ, архіерей, имѣетъ какое неудовольствіе или претензіи, то бъ адресовался чрезъ синодъ къ нашему высочайшему двору". Затѣмъ предлагаетъ Кречетникову „воспротивиться его (Гервасія) наглости, которая не можетъ инако обратиться, какъ въ крайнее замѣшательство и *въ продолженіе настоящихъ уже столь непріятныхъ хлопотъ*".

Къ этому письму приложено неизвѣстно кому (несомнѣнно, живущему въ Польшѣ уніату или католику, весьма вѣроятно, лицу духовному) принадлежащее донесеніе на французскомъ языкѣ, гласящее слѣдующее.

Взбунтовавшіеся мужики не только противъ дворянъ и жидовъ бѣшенство свое оказали, но также и противъ поповъ греческаго уніатскаго исповѣданія, погубивъ изъ нихъ болѣе 20 свѣтскихъ поповъ, сверхъ монаховъ базиліанъ и поповъ римскаго исповѣданія, и чрезъ то сіи бунтующіе принудили духовенство всей украины быть въ по-

слушаніи епископу переяславскому и брать отъ него благословеніе (т. е. такъ называемое «усыновленіе» въ его паству), что и дѣйствительно попы каневскіе, богуславскіе, корсунскіе, мошенскіе и другіе принуждены были учинить, и какъ нѣкоторые не явились въ консисторію Переяславскую, то, лиша ихъ должностей, помянутая консисторія отдала оные другимъ иностраннымъ попамъ, кои грабятъ церкви и принуждаютъ сельскія братства давать и подписывать на бумагѣ удостовѣреніе о полученіи сего благословія («усыновленія» въ паству Переяславскую). Цѣль епископа Переяславскаго—создать и распространить юрисдикцію свою въ нашей землѣ (т. е. въ польской Украинѣ), на которую онъ права не имѣетъ, и въ этихъ видахъ онъ возмутилъ и утвердилъ въ бунтѣ нашихъ мужиковъ, чему онъ есть первый зачинщикъ».

Въ письмѣ отъ 20 августа Репнинъ донесъ объ этомъ Панину. «Между прочимъ,—пишетъ онъ,—усмотрите ваше сіятельство, что переяславскій архіерей есть нѣкоторою притчиною, считаю, волненію здѣшнихъ бунтующихъ крестьянъ. Да еще, конечно, тутъ есть его подчиненной игуменъ мотренинской Мелхиседекъ, котораго я самъ знаю, и знаю, что онъ совершенной плутъ, человѣкъ чрезвычайно безпокойной и все въ состояніи сдѣлать... Я осмѣливаюсь представить вашему сіятельству, что время сему архіерею хвостъ присечь *по важности слѣдствій*, которыя отъ всѣхъ сихъ бунтованій произойти могутъ, а унять его, думаю, будетъ трудно, не посадя подъ караулъ".

Результатомъ этого письма было предупреждающее письмо Панина къ Гервасію отъ 2 сентября и повелѣніе перевесть Мелхиседека изъ-за Днѣпра въ Переяславъ.

Когда же 6 сентября Репнинымъ была переслана Панину нота польскаго правительства отъ 30 августа—10 сентября, въ которой заявлялся протестъ противъ дѣятельности Гервасія, направленной къ обращенію Польской Украины въ православіе,—послѣ этого, 29 сентября, Гервасію велѣно было переѣхать изъ Переяслава въ Кіевъ.

Для характеристики отношеній Репнина къ Гервасію и вообще къ диссидентскому вопросу интересно письмо Репнина отъ 27 сентября къ князю Прозоровскому, смѣнившему въ августѣ въ Украинѣ Кречетникова. Въ этомъ письмѣ, возмущаясь дѣятельностью Гервасія, Репнинъ писалъ: «Нигдѣ здѣсь (т. е. въ предѣлахъ польскаго королевства) не позволено отъ уніи отступать», и доказываетъ нарушеніе заключенныхъ съ Польшею трактатовъ въ фактахъ обращенія въ

Украинѣ католиковъ и уніатовъ въ православіе. Затѣмъ добавляетъ: «Но хотя бъ и всего сего не было, однако *не время въ настоящихъ обстоятельствахъ* пустыми замыслами архіерея Переяславскаго *хлопоты здѣшнія и замѣшательства умножать»*.

Въ заключеніе запрещаетъ чрезъ Прозоровскаго Гервасію возбуждать дѣла о возвращеніи уніатовъ къ православію,—«чтобъ онъ болѣе такихъ здѣсь замѣшательствъ не дѣлалъ».

Интересны еще два донесенія Прозоровскаго, также нѣсколько проливающія свѣтъ на дѣло Мелхиседека и Гервасія. Получивъ изъ польскихъ источниковъ свѣдѣнія объ участіи въ возстаніи Мелхиседека, Репнинъ велѣлъ Прозоровскому посѣтить Мотренинскій монастырь и схватить Мелхиседека. Прозоровскій поручилъ это подполковнику Бринку, который, посѣтивъ монастырь, донесъ, что въ монастырѣ ничего подозрительнаго не нашелъ и что Мелхиседекъ отсутствуетъ изъ монастыря еще съ мая 1767 г. и находится въ Переяславѣ.

Съ другой стороны, Прозоровскій, узнавъ отъ пойманныхъ гайдамакъ, что послѣдніе принуждали уніатскихъ священниковъ ѣхать въ Переяславъ къ Гервасію за благословеніемъ, доносилъ: „онъ, епископъ (Гервасій), за показанными попами, дабы оные къ нему ѣхали, никого не присылалъ и писемъ о томъ ни къ кому не писалъ“.

Въ чемъ состояла „вина“ Гервасія и Мелхиседека—становится все болѣе и болѣе яснымъ [1]).

Вл. П—ко.

Князь Н. В. Репнинъ и Георгій Конисскій. Въ іюлѣ 1768 г. епископъ (впослѣдствіи архіепископъ) Бѣлорусскій Георгій Конисскій, знаменитый печальникъ о судьбѣ православныхъ въ Польшѣ, обратился къ русскому послу въ Варшавѣ князю Н. В. Репнину съ указаніемъ на предполагавшееся въ Могилевѣ устройство поляками конфедераціи и съ просьбой о присылкѣ, въ виду этого, „хотя со сто человѣкъ команды для бытія гдѣ въ Могилевѣ до успокоенія возмущенія“. Получивъ это письмо, Репнинъ писалъ 1 августа въ Петербургъ полковнику Кару.

---

[1]) Моск. Гл. Арх. М. Ин. Дѣлъ, и Польск. дѣла, 1768 г., связки—20, 21 и 22.

„При семъ прилагаю оригинальное письмо нашего враля епископа Бѣлорусскаго, которой вовѣкъ ни съ кѣмъ ужиться не можетъ на все всегда жалуется, и лишь бы кто толко попъ былъ, да не нашего закона, то онъ уже и готовъ къ нему въ волосы впиться. Но нѣтъ нужды мнѣ объ немъ описывать, ты его самъ знаешь. Увидишь, изъ его письма, что онъ просилъ для своей безопасности человѣкъ сто прикрытія въ Могилевъ. Я думаю, что вся сія опасность въ его толко головѣ находится, однако при нынѣшнихъ замѣшательствахъ отвѣчать за то нелзя, а мнѣ изъ здѣшнихъ войскъ послать туда некого, и тако представь объ семъ пожалуй Никитѣ Ивановичу (Панину) и доложи, ни прикажетъ ли онъ изъ нашихъ границъ кого туда послать. Но естли то намѣрится повелѣть, то прошу я, чтобъ посланъ былъ человѣкъ смирной, не гордитель и не фанатикъ, ибо сей нашъ архіерей бѣлорускої во имя Божіе до всего довести можетъ“ *(Гл. Моск. Арх. М. Ин. Д. польск. дѣла, 1768 г., приложенія къ депешамъ Репнина).*

Вл. П.

Грамота Максима Желѣзняка. „Я Максимъ Залѣзнякъ, полковникъ Низового Запороскаго войска, даю отъ себе документъ Ѳеодору Осачому (Осадчому?) мѣстечка Теплика, аби онъ мѣщанъ и прочіи громади ключа того мѣстечка въ добрѣмъ состояніи здержовалъ, яко то: аби имѣлъ власть судити. радити и во всякихъ случаяхъ добре справовати, добримъ добре воздавати а злихъ бунтовниковъ смертелними кіями карати, а мѣщанамъ и прочіимъ громадамъ ключа выше описанаго мѣстечка приказую, аби ему во всякихъ случаяхъ послу(ш)ни були, бунтов между собою не робили. При се(м) будте здорови.

Максимъ Залѣзнякъ, полковникъ Низовскій, съ товариствомъ.

Д. 1768 года, іюня 13 дня. в Умани“.

(Гл. Моск. Арх. М. Ин. Д., польск. дѣла, 1768 г., связка № 21).

Сообщ. **Вл. П—ко.**

Извѣщенія редакціи.

1) На поддержаніе могилы Т. Г. Шевченка поступило: а) Отъ Л. В. Гогина—1 р. 30 к.; И. И. Гудзовенка—10 р., І. И. Каминскаго—10 р.; разныхъ лицъ 12 р. 85 к. б) Изъ *Екатеринослава* отъ К. К. Похила—1 р. 20 к.; А. К. Похила—50 к.; И. Г. Горбоносова—1 р. 45 к.; М. К. Емца.—1 р.: А. Н. Захаровой—50 к.; В. П. Нечволодова—1 р.; И. А. Матича 1 р.; Н. В. Додица—75 к.; А. М. Гринченко—1 р.; М. И. Симоновскаго—2 р.; П. И. Бѣлаго—4 р.; С. О. Липковскаго—2 р.; Н. Л. Кузьменко—1 р.; А. П. Сидоренко—50 к.; К. П. Дрожженко—50 к.; И. В. Пустовойтова—25 к.; П. Н. Соколовскаго—1 р. 50 к.; И. Н. Рекова—1 р. 50 к.; І. А. Черненко—1 р. 50 к. Г. С. Дудки—1 р. 50 к.; К. В. Крамаренко—1 р. 50 к.; К. Н. С.—3 р.; Г. Н. Заворотько—1 р.; В. Д. Однороженко—1 р.: К. П. Стороженко—60 к.; Г. И. Аблицева—20 к.; В. А. Карчинскаго—50 к; И. Г. Рѣпчанскаго—1 р.; А. К. Бабанскаго—60 к.; С. Г. Фалько—50 к.; В. Г. Петренко—75 к.; А. Н. Компанійца—1 р. 10 к.; В. Н. Соляника—50 к.; А. И. Кучеренко—50 к.; Н. Д. Усенко—50 к.; Н. Г. Шпаковскаго—1 р.; К. С. Дудки—2 р.; И. И. Тимофеева—1 р.; Ф. П. Гриндлера—1 р. 60 к.; Н. А. Богуславского—2 р.,—*всего 45 р. 50 к.* что, вмѣстѣ съ прежде поступившими 355 р. 10 к. (см. № 1-й), составитъ 434 р. 75 к.

2) На образованіе капитала имени И. С. Левицкаго, по поводу исполнившагося 35-тилѣтія его литературной дѣятельности, для изданія украинскихъ книгъ для народа поступило вновь: а) отъ Л. В. Гогина—1р.; б) С. В. Бачинскаго—2 р.; в) собрано К. Л. Хохличемъ: 1) *З Черниївщини:* а) Прохорці: Хведір, Палажка, Васыль, Ганна, Олена, Олесей, Харитина, Устя, Маруся, Петро, Хведор, Степан—Коломійченки—12 р.; Евфим Ширківський—1 р.; Митро Сахно—1 р.; Евфим Сахно— 1р.; б) *Борзенці:* Микола Науменко—1 р.; Ферапонт Саєнко—1 р.; в) *Остерець:* Іван Шульга—1 р.; 2) *З Киівщини:* Михайло Пашковський—1 р.; Павло Нечиталюк—1 р.; Варька Щебетунова—1 р. 3) *З Подилля:* Арсень Олійник—5 р.; 4) *З Волині:* Кость Хохлич—3 р.; Е. Зозуля—1 р. Всёго—30 р.; г) зъ Катерынослава замисть папки—20 р.,—всего 53 р., что́, вмѣстѣ съ прежде поступившими—70 р. 86 к. (см. № 2-й), составитъ *123 р. 86 к.*

Текущія извѣстія.

Какъ готовится харьковскій университетъ къ своему столѣтнему юбилею[1]. Пятидесятилѣтній юбилей харьковскаго университета въ 1855 г. не могъ осуществиться по той причинѣ, что императоръ Николай Павловичъ призналъ 50-ти лѣтній періодъ жизни университета для юбилейнаго празднованія недостаточнымъ. Университетъ-же, съ своей стороны, сдѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія къ предстоявшему торжеству и, между прочимъ, командировалъ двухъ профессоровъ въ Петербургъ для извлеченія изъ архива министерства народнаго просвѣщенія матеріаловъ для исторіи университета. Профессоръ Рославскій-Петровскій, занимавшійся по исторіи университета, не приготовилъ систематическаго труда, посвященнаго обзору его пятидесятилѣтней жизни, хотя былъ подготовленъ къ такой работѣ, и многіе ея отъ него ожидали. Тѣмъ не менѣе, вышелъ одинъ печатный трудъ, посвященный этому неосуществившемуся юбилею, а именно: «Историко-статистическое обозрѣніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, вышедшій въ свѣтъ подъ редакціей помощника попечителя, бывшаго раньше ректоромъ, К. Фойгта. Въ университетѣ состоялось скромное собраніе, на которомъ не было прочитано никакихъ привѣтствій отъ лицъ и учрежденій, а только въ обычномъ годовомъ отчетѣ отмѣчена была важная для академической корпораціи хронологическая дата.

Прошло 50 лѣтъ. Университетъ имѣлъ полное основаніе думать, что столѣтній періодъ его жизни уже окажется достаточнымъ для юбилейныхъ торжествъ, и такъ какъ нужно было подводить итоги за цѣлое столѣтіе, то приступилъ къ составленію юбилейныхъ изданій заранѣе. Эти юбилейныя изданія и должны быть признаны наиболѣе существеннымъ моментомъ подготовки къ юбилею. Въ самомъ дѣлѣ, если смыслъ всякаго юбилея заключается въ подведеніи итоговъ, то, значитъ, и юбилей такого просвѣтительнаго учрежденія, какъ университетъ, долженъ напомнить нынѣшнимъ его дѣятелямъ, многимъ

---

[1]) Настоящую замѣтку, посвященную приготовленіямъ къ празднованію Харьковскимъ университетомъ своего 100-лѣтняго юбилея, заимствуемъ изъ „Приднѣпровскаго Края“.

поколѣніямъ студентовъ и всему обществу о заслугахъ его передъ наукой, образованіемъ и всею страною. Такія изданія должны воссоздать передъ нами эволюцію въ развитіи университетской жизни, неустанную работу нѣсколькихъ поколѣній учащихъ на пользу юношества и науки, отмѣтить наиболѣе выдающихся дѣятелей въ этомъ отношеніи; показать условія, благопріятствовавшія ходу этой работы и замедлившія его. Такое историческое изображеніе прошлаго не только составляетъ нашъ нравственный долгъ передъ предшественниками, но, связывая настоящее съ прошлымъ, осмысливаетъ первое и уясняетъ послѣднее и заключаетъ въ себѣ нерѣдко серьезныя практическія указанія для текущей дѣятельности.

Важно, чтобы культурная нить не прерывалась, и необходимо знать, какое культурное наслѣдство и какія задачи одно поколѣніе оставило другому, а между тѣмъ, кажется, ни въ одной сферѣ русской жизни нѣтъ такого большого количества неожиданныхъ переходовъ и попятныхъ движеній, какъ въ области высшаго образованія, въ его историческомъ ходѣ. Въ то время, какъ европейскіе университеты оказали могущественное вліяніе на развитіе ихъ странъ, наши слишкомъ чувствительно отражали въ себѣ всѣ колебанія и условія внутренней политики центральнаго правительства, которыя, къ сожалѣнію, несравненно чаще двигали ихъ назадъ, а не впередъ, и, такимъ образомъ, наслѣдія одной освободительной эпохи только въ видѣ слабаго воспоминанія переходили къ другой.

Исторія харьковскаго университета среди другихъ представляетъ особенный интересъ для историка русской жизни, потому что въ сильнѣйшей степени проникнута духомъ общественности.

Самое основаніе университета въ Харьковѣ было обязано своимъ происхожденіемъ общественной инціативѣ, нашедшей себѣ яркое выраженіе въ лицѣ пылкаго энтузіаста и горячаго поборника просвѣщенія—В. Н. Каразина. Любопытно было также опредѣлить тѣ просвѣтительныя вліянія, которыя подготовили почву среди мѣстнаго общества для воспріятія идеи объ университетѣ. Не менѣе интересно было прослѣдить взаимодѣйствіе иноземной, общерусской и мѣстной стихій въ первые годы существованія университета.

Огромную важность представлялъ, наконецъ, вопросъ о благотворномъ вліяніи университета на мѣстное общество, въ особенности, въ сферѣ низшаго и средняго народнаго образованія, всецѣло переданнаго въ вѣдѣніе университета уставомъ 1804 года.

Любопытно было видѣть, какъ отразилась въ харьковскомъ университетѣ эпоха идеализма сороковыхъ годовъ, эпоха великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ и, наконецъ, общаго упадка университетской жизни при дѣйствіи устава 1884 года.

Однимъ словомъ,—широкая постановка вопроса, ставившая его въ связь съ исторіей образованія въ краѣ, вообще, представляла не только *значительный* научный, но и общественный интересъ. Она-то и побудила меня придать моему опыту исторіи харьковскаго университета «столь значительные размѣры, привлечь массу архивныхъ матеріаловъ и посвятить этой работѣ 12 лѣтъ.

И, несмотря на столь значительный періодъ затраченнаго времени, я успѣлъ разработать только первыя 30 лѣтъ исторіи университета.

Такимъ образомъ, и при существованіи 2-хъ томовъ моей исторіи являлась необходимость въ изданіи краткаго, но систематическаго очерка всей исторіи университета, каковой очеркъ и выполненъ въ настоящее время мною, профессоромъ Н. Ѳ. Сумцовымъ и профессоромъ В. П. Бузескуломъ.

Этотъ очеркъ будетъ заключать въ себѣ общій обзоръ жизни харьковскаго университета при четырехъ его уставахъ—1804, 1835, 1863 и 1864 годовъ.

Объемъ его будетъ равняться, приблизительно, 15-ти печатнымъ листамъ.

Разсчитанъ онъ на распространеніе среди широкаго круга читателей.

Въ настоящее время онъ уже печатается.

Вторымъ юбилейнымъ изданіемъ явится «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей харьк. университета». Онъ будетъ состоять изъ 4-хъ томовъ, изъ коихъ каждый будетъ заключать въ себѣ исторію одного изъ четырехъ факультетовъ и біографіи факультетскихъ преподавателей; каждому факультету посвящается отдѣльный томъ объемомъ въ среднемъ до 30-ти печатныхъ листовъ.

Біографіи расположены въ порядкѣ каѳедръ и составляются нынѣшними представителями этихъ послѣднихъ.

Рядомъ съ біографіями покойныхъ профессоровъ помѣщаются автобіографіи живыхъ и выбывшихъ.

Само собою разумѣется, что въ этихъ послѣднихъ сообщается только строго фактическій матеріалъ и нѣтъ никакой оцѣнки дѣятельности.

Основнымъ матеріаломъ для всего изданія служатъ данныя университетскаго архива—формуляръ, дѣло и т. п.

Въ концѣ біографій и автобіографій помѣщены только библіографическіе перечни сочиненій всѣхъ преподавателей университета. Подчасъ встрѣчается и критическая оцѣнка трудовъ. Привлеченъ къ изслѣдованію и печатный матеріалъ.

Въ концѣ каждаго тома будутъ помѣщены въ особыхъ таблицахъ портреты всѣхъ дѣятелей, воспроизведенные фототипическимъ способомъ московскою фирмою «Фишеръ».

Третьимъ изданіемъ является «Исторія ученыхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета». Она будетъ заключать въ себѣ исторію всѣхъ его ученыхъ обществъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій, какъ общихъ, въ родѣ, напр., библіотеки, типографіи, такъ равно и пріуроченныхъ къ отдѣльнымъ факультетамъ—кабинетовъ, клиникъ и т. д. И это изданіе будетъ иллюстрировано соотвѣтственными рисунками—планами, видами, портретами и т. п.

Всѣ эти три изданія осуществляются на спеціально ассигнованныя министерствомъ суммы особой юбилейной комиссіей, избранной совѣтомъ университета и состоящей изъ 4-хъ факультетскихъ редакторовъ (проф. М. Е. Халанскаго, М. П. Чубинскаго, И. П. Осипова и И. П. Скворцова) и главнаго редактора (проф. Д. И. Багалѣя).

Юбилейная коммиссія работаетъ уже два года и къ назначенному для празднованія юбилея сроку (15-му сентября 1905 года) надѣется окончить свои труды.

Кромѣ того, совѣтъ университета рѣшилъ выпустить въ свѣтъ къ открытію памятника истиннаго основателя университета В. Н. Каразина собраніи его сочиненій и поручилъ редакцію ихъ мнѣ. Это будетъ первое изданіе сочиненій выдающагося общественнаго дѣятеля царствованія Павла, Александръ I и Николая Павловича.

Сюда войдутъ какъ печатные его труды, разсѣянные въ самыхъ разнообразныхъ, нерѣдко мало доступныхъ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльныхъ оттискахъ, такъ равно и неизданныя сочиненія, которыя мнѣ удалось найти, благодаря систематическимъ поискамъ въ различныхъ государственныхъ хранилищахъ.

Сочиненія В. Н. Каразина распредѣлены мною по нѣсколькимъ отдѣламъ,—въ зависимости отъ ихъ содержанія: въ первый отдѣлъ войдутъ статьи политическія и статистико-экономическія, во второй—отчеты его по филотехническому обществу и т. д.; особый отдѣлъ составятъ письма В. Н. Каразина къ разнымъ лицамъ.

Бсе изданіе совтавитъ до 48 печатныхъ листовъ и будетъ иллюстрировано портретомъ В. Н. Каразина, видомъ его селенія «Кручика» и др. рисуками.

Въ связи съ юбилеемъ нужно поставить еще два частныя изданія.

Студентъ юридическаго факультета, г. Носалевичъ, предпринялъ обширный статистическій трудъ, основанный исключительно на данныхъ университетскаго архива и посвященный чрезвычайно важному вопросу—о числѣ студентовъ за столѣтній періодъ существованія университета—о распредѣленіи ихъ по факультетамъ, по курсамъ, о выдержавшихъ окончательные экзамены и получившихъ кандидатскую степень и т. д.

Мѣстный фотографъ А. М. Иваницкій издаетъ альбомъ, посвященный столѣтнему юбилею университета. Онъ будетъ исполненъ фототипическимъ способомъ и заключитъ въ себѣ портреты прежнихъ и нынѣшнихъ профессоровъ и преподавателей университета, группы студентовъ прежняго и нынѣшняго времени, наружные и внутренніе виды университетскихъ зданій и помѣщеній,—аудиторій, лабораторій, клиникъ и т. п.

Здѣсь же будутъ помѣщены портреты выдающихся питомцевъ университета въ разные періоды его существованія,—почетныхъ членовъ его, русскихъ и иностранныхъ, старыхъ и нынѣшнихъ временъ, жертвователей.

Къ альбому будетъ приложенъ мой объяснительный текстъ.

Таковы изданія, вызванныя юбилеемъ; въ совокупности своей они, нужно надѣяться, дадутъ достаточно полное и вѣрное представленіе о заслугахъ харьковскаго университета передъ наукой, просвѣщеніемъ и обществомъ.

Во время юбилея предположено устроить выставку предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ старому и новому университетскому быту—портретовъ дѣятелей, печатныхъ и рукописныхъ курсовъ, университетскихъ изданій и т. д.

Важнымъ моментомъ въ юбилейныхъ торжествахъ явится также пріуроченное къ нимъ открытіе памятника В. Н. Каразину.

Мысль о постановкѣ памятника В. Н. Каразину возникла уже давно—въ семидесятыхъ годахъ XIX вѣка Она вышла изъ университетскихъ сферъ, и главнымъ ея проводникомъ въ обществѣ былъ покойный профессоръ Н. А. Лавровскій, который ранѣе другихъ въ своихъ работахъ отмѣтилъ ту руководящую роль, какую игралъ въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета В. Н. Каразинъ.

Харьковское губернское земство первое откликнулось на призывъ къ пожертвованію и ассигновало на памятникъ В. Н. Каразину 5,000 руб. Потомъ сборы средствъ на памятникъ затянулись, въ особенности—когда было рѣшено ставить не бюстъ, а настоящую фигуру

Послѣдніе годы, однако, дѣло пошло энергичнѣе и въ настоящее время его можно считать доведеннымъ до благополучнаго конца.

Сдѣлало крупное пожертвованіе и харьковское городское общественное управленіе, и мѣстное дворянство.

Путемъ пожертвованій собрана сумма, достаточная на постановку фигуры на высокомъ пьедесталѣ.

Университетъ отвелъ для постановки памятника чудное мѣсто--при выходѣ въ университетскій садъ съ Сумской улицы.

Комитетъ по устройству памятника заказалъ фигуру В. Н. Каразина скульптору Андріолетти, исполнившему ее подъ руководствомъ профессоровъ.

Постаментъ спроектированъ архитекторомъ А. Н. Бекетовымъ.

Въ настоящее время уже устроенъ фундаментъ для постамента и заготовленъ весь необходимый матеріалъ для него—гранитъ.

Фигура В. Н. Каразина отливается изъ бронзы, по модели скульптора Андріолетти, на одномъ изъ петербургскихъ заводовъ.

На всѣхъ четырехъ сторонахъ постамента будутъ соотвѣтственные рисунки и надписи: видъ его родного селенія Крючика и изреченія, взятыя изъ его сочиненій.

Если принять во вниманіе, что въ Харьковѣ до послѣдняго времени не было ни одного памятника и только недавно воздвигнутъ очень скромный бюстъ А. С. Пушкину, то станетъ понятнымъ то нетерпѣніе, съ какимъ ожидаетъ Харьковъ открытія памятника виновнику основанія харьковскаго университета.

Послѣ открытія памятника предположено публичное чтеніе, посвященное его характеристикѣ и значенію. Замѣтимъ кстати, что въ

январской книжкѣ журнала «Кіевская Старина» начинается печатаніе обширной монографіи о В. Н. Каразинѣ, составленной г-мъ Тихимъ.

Работы этого послѣдняго представляютъ изъ себя сочиненіе, удостоенное золотой медали на тему, заданную историко-филологическимъ факультетомъ Императорскаго харьковскаго университета по предмету русской исторіи.

Такъ готовится харьковскій университетъ къ оффиціальному празднованію своего столѣтняго юбилея, каковое перенесено съ 17-го января на 15 сентября 1905 года, дабы связать съ нимъ и открытіе памятника В. Н. Каразину, въ данный моментъ еще не готоваго.

Будемъ надѣяться, что, при начавшемся нынѣ подъемѣ общественнаго самосознанія, и общественныя, и сословныя учрежденія, и частныя общества, и корпораціи, и отдѣльныя лица всей юго-восточной полосы Россіи громко и единодушно выразятъ свое сочувствіе почтенному юбиляру—разсаднику наукъ и образованія, что дастъ ему новыя силы для свободнаго развитія своей просвѣтительной дѣятельности въ обновленной Россіи.

Проф. Д. И. Багалѣй.

Лекціи украинскаго языка и литературы въ Collège de France. *(Письмо изъ Парижа).* 8 декабря н. ст. 1904 г. въ Collège de France[1]) профессоръ г. Луи Леже (Louis Leger), членъ Французскаго Института и Академіи надписей и изящной словесности, началъ чтеній лекцій по исторіи украинской литературы. Имя этого ученаго, лучшаго знатока славянскихъ языковъ во Франціи, извѣстно и у насъ: профессоръ Леже принималъ участіе въ археологическихъ раскопкахъ

---

[1]) Основанный въ 1530 г. Францискомъ I независимо отъ Парижскаго университета (La Sorbonne), гдѣ въ то время преподавались только богословско-философскія науки, Французскій Коллежъ, (Collège de France) представляетъ высшее учебное заведеніе съ свободнымъ преподаваніемъ наукъ, нестѣсняемымъ никакими программами. Въ настоящее время онъ заключаетъ 60 каѳедръ: философіи, математики, исторіи, естествознанія, общественныхъ наукъ, новыхъ, древнихъ, и восточныхъ языковъ и т. д. Имена извѣстныхъ ученыхъ каковы Leroy-Beaulieu, Levasseur, Pierre Janet и др. значатся въ числѣ профессоровъ этого перваго разсадника свѣтскихъ наукъ во Франціи.

вмѣстѣ съ профессоромъ В. Б. Антоновичемъ и въ трудахъ археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. Будучи извѣстнымъ какъ переводчикъ на французскій языкъ Лѣтописи Нестора, онъ первый во Франціи положилъ начало изученію исторіи и языка Украины и въ частности изученію кіевскихъ древностей.

На первой лекціи присутствовало около двадцати слушателей, среди которыхъ было нѣсколько молодыхъ французскихъ славяновѣдовъ между прочими Г. Мазонъ (Mazon), совершившій уже экскурсіи съ цѣлью ознакомленія съ древностями Кіева, Львова и др. Познакомивъ въ краткихъ словахъ своихъ слушателей съ географіей Украины и этнографическими особенностями ея жителей, почтенный профессоръ поставилъ вопросъ, заслуживаетъ ли языкъ, которымъ говоритъ народъ въ Малороссіи, названіе языка или онъ является однимъ изъ нарѣчій современнаго русскаго языка, какъ то утверждаютъ нѣкоторые ученые. Со свойственнымъ французамъ остроуміемъ почтенный профессоръ, основываясь на данныхъ фонетики и лексикологіи украинскаго языка, представилъ слушателямъ рядъ вѣскихъ и точныхъ доводовъ въ пользу самостоятельности украинскаго языка, подвергшагося, правда, нѣкоторому вліянію родственныхъ языковъ—русскаго и польскаго. Коснувшись, затѣмъ, неблагопріятныхъ условій, въ которыя поставлена украинская печать, г Леже указалъ какимъ тормазомъ является чрезмѣрно-строгая цензура въ дѣлѣ изученія украинскаго слова западными учеными, которые часто бываютъ лишены возможности широкаго пользованія научнымъ матеріаломъ, имѣющимся въ книгохранилищахъ и свободнаго всесторонняго изслѣдованія вопросовъ исторіи, этнографіи и общественной жизни Украины. Пользоваться галицкими изданіями и архивами, конечно, для нихъ удобнѣе, но научные матеріалы, находящіеся въ Галиціи, не такъ обильны, такъ какъ Галицкая Русь никогда не пользовалась политической самостоятельностью, вслѣдствіе чего тамъ и не можетъ быть столь цѣннаго собранія рукописей и другихъ памятниковъ прошлаго Украины. Даже обыкновенное элементарное изученіе нашего языка является для французовъ крайне затруднительнымъ, въ виду отсутствія словарей, и пособій по этимологіи, синтактису; подборъ такихъ учебниковъ даже и въ Галиціи крайне ограниченъ, причемъ изучающіе должны знать нѣмецкій языкъ, на которомъ существуетъ, если не ошибаюсь, одна только этимологія безъ синтаксиса.

Изученіе текста производится по Евангелію (изданіе Гольцгаузена, въ переводѣ Кулиша и Пулюя), при чемъ, въ интересахъ соблюденія правильнаго акцента, текстъ читаетъ обыкновенно кто-нибудь изъ немногочисленныхъ украинцевъ, посѣщающихъ курсы, а переводъ и грамматическія объясненія даются профессоромъ. Руководствомъ къ изученію исторіи литературы служитъ небольшая книжка О. Барвінського—„Огляд історирі україньско-руской літератури". Характерно, что проф. Леже тотчасъ по окончаніи первой лекціи роздалъ желающимъ нѣсколько экземпляровъ учебника Барвіньского, грамматикъ, Евангелій, указавъ при этомъ гдѣ и какъ можно пріобрѣтать ихъ. Въ Парижѣ, оказалось, можно купить только Евангеліе на украинскомъ языкѣ въ изданіи Лондонскаго Библейскаго о-ва. Несмотря на массу неблагопріятныхъ условій, главное—осутствіе французско-украинскихъ и украинско-французскихъ словарей, за истекшіе $2^1/_2$ мѣсяца прочитано и переведено больше 15 главъ изъ Евангелія, пройдено больше половины этимологіи и нѣсколько главъ по исторіи литературы, не считая многочисленныхъ объясненій по фонетикѣ, и это при одной лекціи въ недѣлю. Профессоръ Леже читаетъ въ томъ же Collège de France еще особый курсъ подъ названіемъ: «состояніе русскаго общества и литературы въ царствованіе Александра I.»

Въ заключеніе настоящей замѣтки, не могу умолчать о вынесенномъ нами удовольствіи отъ лекцій профессора Леже, который не только старается дать знанія, но и пробудить въ сердцахъ своихъ слушателей чувства глубокой симпатіи къ нашему краю, подчеркивая съ особымъ удовольствіемъ первые признаки пробуждающагося національнаго самосознанія, выразившагося въ чествованіи Н. В. Лисенка и полтавскихъ празднествахъ по случаю открытія памятника Котляревскому...

Слушатель.

Заявленія украинской интеллигенціи (въ комиссію по пересмотру законовъ о печати).

Приводитъ текстъ трехъ телеграммъ, адресованныхъ представителями украинской интеллигенціи предсѣдателю комиссіи по пересмотру законовъ о печати, т. с. Кобеко.

1) *Изъ Одессы:* «Исключительныя условія существованія малорусскаго слова и цензурныя стѣсненія, какимъ оно подвергается, за-

ставляютъ насъ, въ интересахъ обезпеченія свободы слова, равноправности и справедливости, почтительнѣйше просить ваше высокопревосходительство пригласить для участія въ совѣщеніи защитника интересовъ малорусскаго слова. Если въ совѣщаніи принимаютъ участіе извѣстные своимъ недоброжелательствомъ ко всему малорусскому журналисты Пихно и Суворинъ, то справедливость требуетъ участія въ томъ же совѣщеніи и защитниковъ. Это необходимо также въ интересахъ большей авторитетности рѣшеній комиссіи. Для облегченія выбора мы готовы назвать вашему высокопревосходительству нѣсколько лицъ». («Полтавщина», № 46).

2) *Изъ Кіева:* «Нижеподписавшіеся украинскіе писатели, находящіеся въ Кіевѣ, въ виду тяжелыхъ ограниченій, которымъ подвергнуто украинское слово, считаютъ необходимымъ участіе представителей украинской литературы въ комиссіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ вашего высокопревосходительства, и полагаютъ, что лишь окончательная отмѣна предварительной цензуры и административнаго воздѣйствія въ области печатнаго слова въ состояніи дать послѣднему необходимую свободу». Телеграмму подписали: проф. В. Б. Антоновичъ, Н. Ѳ. Бѣляшевскій, Н. П. Василенко, М. Н. Гринченко, Б. Д. Гринченко В. Н. Доманицкій, С. А. Ефремовъ, П. И. Житецкій, проф. А. Е. Крымскій, И. С. Левицкій-Нечуй, М. Ф. Левицкій, Н. В. Лисенко, Л. М. Старицкая-Черняховская, И. М. Стешенко и др. («Кіевскіе Отклики», № 46).

3) *Изъ Лубенъ:* Нѣтъ, вѣроятно, другого народа, который былъ бы поставленъ въ столь ненормальныя условія своего существованія, какъ украинскій. Лишенный права пользованія роднымъ языкомъ, какъ средствомъ своего развитія, и осужденный тѣмъ на безмолвіе, онъ лишенъ и всякой возможности воспринять культурныя пріобрѣтенія человѣчества. Отсюда ужасная культурная отсталость и, какъ естественное послѣдствіе ея, слишкомъ низкій уровень экономическаго благосостоянія украинскихъ массъ.

Между тѣмъ, 30-милліонное украинское населеніе—исключительно земледѣльческое; оно занимаетъ одинъ изъ плодотворнѣйшихъ районовъ, и интересы его не могутъ быть чужды государству, по преимуществу также земледѣльческому.

Поэтому теперь, когда поднятъ вопросъ о свободѣ печати вообще, мы, нижеподписавшіеся, считали своимъ священнымъ долгомъ высказать В. В—ству наше искреннее и глубокое убѣжденіе, что един-

ственно возможнымъ рѣшеніемъ вопроса объ украинскомъ печатномъ словѣ будетъ только то, если общія положенія, имѣющія быть выработанными ввѣренной вамъ комиссіей относительно русской печати, будутъ также распространены безъ всякихъ ограниченій и на украинское печатное слово. Но такъ какъ для этого необходимы всестороннее выясненіе и наиболѣе безпристрастное освѣщеніе вопроса, то мы всецѣло присоединяемся къ ходатайству украинской интеллигенціи Одессы и Кіева о приглашеніи въ комиссію и представителей украинскаго общества. Это необходимо и въ интересахъ простой справедливости, такъ какъ въ комиссію отъ провинціальной прессы приглашенъ уже редакторъ-издатель «Кіевлянина», органа, извѣстнаго своей особенной нетерпимостью ко всему украинскому». Телеграмму подписали: Владиміръ Шеметъ, Вѣра Шеметъ, Г. Взятковъ, Софія Забѣло, С. Коренева, В. Я. Яновскій, Л. А. Яновская, Радзимовскій, Е. Левицкая, О. Зайкевичъ, К. Зайкевичъ, Луценко, Софія Милорадовичъ, Н. Бунина, А. Бунинъ, Ткачъ («Полтавщина», № 54).

Съ тѣхъ поръ, какъ посылались эти заявленія, розовыя надежды, первоначально возлагавшіяся въ провинціи на комиссію т. с. Кобеко, увы, успѣли уже потускнѣть. Назначеніе членами комиссіи г.г. Юзефовича, Головина (Муравлина) и кн. Цертолева съ одной стороны, и опубликованное въ № 41 «Русскихъ Вѣдомостей» «заявленіе о нуждахъ русской печати», отъ имени редакцій лучшихъ русскихъ органовъ, съ другой—открыли глаза обществу на истинное значеніе работъ комиссіи, и потому въ настоящее время едва ли можетъ идти рѣчь о какомъ бы то ни было участіи украинскихъ писателей въ ея занятіяхъ...

Харьковскія ходатайства по украинскому вопросу. Представителями различныхъ слоевъ харьковскаго общества возбуждаются передъ правительствомъ два ходатайства, имѣющія близкую связь одно съ другимъ. Первое, на имя предсѣдателя Комитета Министровъ С. Ю. Витте, заключаетъ въ себѣ просьбу объ уравненіи права малорусской литературы съ русской литературой; второе, посылаемое въ Святѣйшій Синодъ, заключаетъ въ себѣ просьбу о разрѣшеніи изданія на малорусскомъ языкѣ Библіи и другихъ книгъ св. Писанія. («Полтавщина», № 38).

Вопросъ объ украинскомъ языкѣ въ Кіевскомъ университетѣ. Комитетомъ министровъ, какъ извѣстно, признано было полезнымъ освободить изданія на украинскомъ языкѣ отъ стѣснительныхъ ограниченій, причемъ сдѣланъ былъ по этому поводу запросъ у Академіи Наукъ, Харьковскаго и Кіевскаго университетовъ и г. кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора. Академія Наукъ нашла своевременнымъ присоединиться къ постановленію Комитета министровъ. Въ Кіевскомъ университетѣ предложеніе Комитета министровъ привести мотивы по поднятому вопросу, не касаясь вопроса о языкѣ преподаванія въ школѣ, было передано на обсужденіе историко-филологическаго факультета, который, заслушавъ записки проф. В. Б. Антоновича и проф. В. Н. Перетца, единогласно сдѣлалъ заключеніе о возможности отмѣны ограничительныхъ постановленій 1876 и 1881 г.г. и о предоставленіи украинской литературѣ тѣхъ же правъ, коими пользуется русская литература. Въ состоявшемся 26 февраля по этому вопросу засѣданіи совѣта Кіевскаго университета мнѣніе историко-филологическаго факультета принято было одиногласно, причемъ совѣтомъ избрана была комиссія для формулировки мотивовъ, побуждающихъ къ отмѣнѣ упомянутыхъ выше постановленій 1876 и 1881 г.г. Въ составъ комиссіи вошли профессора: Н. П. Дашкевичъ (предсѣдатель), П. Я. Армашевскій, В. Н. Перетцъ, А. М. Лобода, М. В. Довнаръ-Запольскій, Г. Г. Павлуцкій и Т. Д. Флоринскій, находящійся въ настоящее время въ отъѣздѣ. Комиссіею заслушаны были записки профессоровъ В. Б. Антоновича, В. Н. Перетца, А. М. Лободы и Н. П. Дашкевича. Послѣ преній по детальнымъ вопросамъ, комиссія поручила профессорамъ Н. П. Дашкевичу и В. Н. Перетцу формулировать въ окончательномъ видѣ свои соображенія, по совѣщаніи съ проф. В. Б. Антоновичемъ. («Кіевскіе Отклики», № 60).

Общества украинскихъ писателей. Подъ заглавіемъ «Новое общество» г. Гринченкомъ помѣщена въ № 60 «Кіевскихъ Откликовъ» слѣдующая замѣтка.

«Давно уже ощущалась потребность въ существованіи учрежденія, которое объединяло бы украинскихъ писателей и могло бы приходить имъ на помощь, какъ въ ихъ матеріальныхъ нуждахъ, такъ и въ литературной дѣятельности. Потребность эта тѣмъ сильнѣе ощущается, что украинскіе писатели лишены возможности имѣть свой органъ и

потому не могутъ группироваться даже вокругъ какого либо періодическаго изданія. Правда, въ Петербургѣ существуетъ уже нѣсколько лѣтъ хорошее общество съ длиннымъ названіемъ „Благотворительное общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ", успѣвшее сгруппировать уже тысячу членовъ, между которыми около ста украинскихъ писателей; но это общество никоимъ образомъ не можетъ удовлетворять указаннымъ выше цѣлямъ, такъ какъ оно имѣетъ свою спеціальную задачу—изданіе книгъ для народа, поэтому и писатели входятъ въ составъ его членовъ лишь въ небольшомъ числѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ сдѣлана была уже попытка основанія общества имени М. Максимовича, отчасти отвѣчавшаго указаннымъ требованіямъ; но просьба о разрѣшеніи его осталась безъ результатовъ. Также безрезультатнымъ было и ходатайство о возобновленіи «временно» закрытаго въ 1876 г. «Юго-западнаго отдѣла русскаго географическаго общества», который могъ бы объединять работу мѣстныхъ силъ, по крайней мѣрѣ въ области этнографіи и соприкасающихся съ ней наукъ.

Въ настоящее время украинскіе писатели вновь пробуютъ получить возможность хоть нѣсколько благоустроить свое положеніе, какъ литераторовъ. Группою лицъ въ Кіевѣ выработанъ уставъ «Общества вспомоществованія украинскимъ писателямъ».

Общество имѣетъ цѣлью придти на помощь украинскимъ писателямъ въ ихъ литературной работѣ и матеріальныхъ нуждахъ. Для достиженія этого оно имѣетъ: выдавать, въ случаѣ надобности, пособія писателямъ или ихъ семьямъ; заботиться о пріисканіи писателямъ литературнаго заработка: подыскивать авторамъ издателей или само принимать на себя изданіе ихъ произведеній; содѣйствовать теоретической и практической разработкѣ вопросовъ, стоящихъ въ связи съ литературной дѣятельностью, и принимать мѣры къ облегченію писателямъ ихъ работы—устройствомъ библіотекъ, доставленіемъ пособій для работы, посредничествомъ между писателями и литературными и учеными учрежденіями; изданіемъ періодическаго органа, если таковой будетъ разрѣшенъ, и пр. и пр. Членскій взносъ предположенъ въ пять рублей.

Уставъ подписанъ группою мѣстныхъ ученыхъ и литераторовъ, съ профессоромъ В. Б. Антоновичемъ во главѣ; подачу прошенія принялъ на себя И. С. Левицкій-Нечуй, юбилей котораго Кіевъ праздновалъ въ концѣ минувшаго года; прошеніе уже подано.

Учрежденіе такого общества было бы въ высшей степени желательнымъ. Не смотря на различныя неблагопріятныя обстоятельства, литературно научная дѣятельность на украинскомъ языкѣ развивается все болѣе и болѣе. захватывая и новыя области, и новыхъ людей. Созданіе центра, облегчающаго работу этихъ людей, является поэтому неотложной необходимостью какъ для самихъ дѣятелей украинской печати, такъ и для интеллигенціи, дорожащей развитіемъ родной литературы и понимающей важность этого развитія для пробужденія общественнаго сознанія. Но само собою разумѣется, что до тѣхъ поръ пока существуютъ ограниченія, положенныя для украинскаго слова, дѣятельность всякаго общества литераторовъ или ученыхъ не можетъ быть въ такой мѣрѣ плодотворной, въ какой она могла бы быть, если бы украинская печать дѣйствовала при иныхъ условіяхъ».

«Кіевская Газета» (№ 67) сообщаетъ, что возбуждено ходатайство объ учрежденіи въ Петербургѣ общества ревнителей украинскаго языка. Цѣль общества, главнымъ образомъ, изданіе дешевыхъ народныхъ книгъ по предметамъ прикладныхъ знаній, исторіи, естествознанію и др. Общество это, помимо просвѣтительныхъ задачъ, будетъ преслѣдовать также и задачи матеріальныя: поддержку лицъ, работающихъ въ интересахъ освѣщенія украинской жизни.

Отдѣленіе Общества имени Шевченка въ Москвѣ. Въ Москвѣ предполагается открыть филіальное отдѣленіе петербургскаго общества имени Тараса Григорьевича Шевченка.

Своей главной задачей общество ставитъ вспомоществованіе недостаточнымъ уроженцамъ юга.

Петербургское общество въ сравнительно короткій срокъ своего существованія успѣло обратить на себя вниманіе чисто практической постановкой дѣла,—тотъ же характеръ предполагается дать и его филіальному отдѣленію. («Вечерняя Почта», № 57).

Украинскій языкъ въ изданіяхъ Академіи Наукъ. Въ самомъ концѣ 1904 г. вышелъ въ свѣтъ изданный Академіей Наукъ сборникъ подъ заглавіемъ: «Статьи по Славяновѣдѣнію. Выпускъ I, подъ редакціей ординарнаго академика В. И. Ламанскаго. Изданіе второго отдѣленія Императорской академіи Наукъ». Изъ предисловія

видно, что Академія предполагала созвать въ Петербургѣ съѣздъ славистовъ и къ участію въ немъ пригласила какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, славянскихъ и западно-европейскихъ, ученыхъ; но такъ какъ, по случаю войны, съѣздъ пришлось отложить, то рѣшено было рефераты, приготовленные для съѣзда, напечатать въ видѣ особаго сборника, первый выпускъ котораго и вышелъ теперь въ свѣтъ. Въ этомъ выпускѣ содержится всего 19 рефератовъ, изъ нихъ—8 на русскомъ языкѣ, 1 на нѣмецкомъ, 2 на сербскомъ, 3 на польскомъ, 1 на чешскомъ, 1 на хорватскомъ и 3 на украинскомъ. Послѣдніе принадлежатъ извѣстному проф. Львовскаго университета М. С. Грушевскому и носятъ названія: 1) «Звичайна схема «русскоі» історіі й справа раціонального укладу історіі Східнього Словянства» (стран. 298--304); 2) «Спірні питання староруськоі етнографіі «стр. 305--321) и 3) «Етнографічні категоріі й культурно-археологічні типи в сучаснихъ студиях Східньоі Европы» (стр. 322—330) Независимо отъ ихъ научной цѣнности, эти рефераты представляютъ важный интересъ, какъ ученыя изслѣдованія на украинскомъ языкѣ, *впервые* напечатанныя въ Россіи фонетическимъ правописаніемъ, и при томъ въ такомъ авторитетномъ изданіи, какъ труды Академіи Наукъ. Примѣръ Академіи, стоящей выше всякихъ постороннихъ наукѣ соображеній, равно какъ и ея безпристрастный голосъ въ вопросѣ о ненормальномъ положеніи въ Россіи украинскаго слова, несомнѣнно долженъ быть принятъ во вниманіе при пересмотрѣ правилъ, опредѣляющихъ это положеніе. Высшее ученое учрежденіе въ Россіи не только теоретически, но и *практически*, этимъ путемъ выразило свое отрицательное отношеніе къ ограниченіямъ, которыя противорѣчатъ выводамъ науки и лишь препятствуютъ развитію жизненныхъ силъ страны и ея культурному и матеріальному преуспѣянію...

Вопросъ объ украинскомъ языкѣ въ Одесской думѣ. Намъ доставлено «Постановленіе Одесской городской думы (Засѣданіе 26 января 1905 г.)» по поводу доклада Одесскаго городского головы П. А. Зеленаго о нуждахъ народнаго образованія (см. «Кіевская Старина», январь, отд. II, стр. 23—27). Какъ гласитъ п. 28 названнаго «Постановленія», предложеніе г. Зеленаго по вопросу о введеніи украинскаго языка въ народныхъ школахъ для украинскаго населенія принято думой въ сдѣдующемъ видѣ:

«Чтобы въ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ были въ школахъ введены такіе учебники, которые, какъ по содержанію, такъ и по формѣ болѣе соотвѣтствовали бы географическимъ, историческимъ, этнографическимъ и вообще бытовымъ особенностямъ мѣстнаго населенія. Въ этихъ цѣляхъ необходимы:

а) отмѣна циркуляровъ, запрещающихъ давать объясненія въ школахъ на малорусскомъ языкѣ, каковыя объясненія являются безусловно необходимыми и фактически несомнѣнно примѣняются и теперь, какъ неизбѣжныя;

б) допущеніе въ учебникахъ статей на малорусскомъ языкѣ въ перемежку съ русскими и церковно-славянскими статьями, если бы не оказалось возможнымъ вести въ школахъ все преподаваніе на малорусскомъ языкѣ, а русскій языкъ сдѣлать особымъ предметомъ преподаванія въ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ;

в) допущеніе въ народныя и школьныя библіотеки малорусскихъ книгъ на равныхъ правахъ съ русскими, какъ развивающаго матеріала;

г) отмѣна циркулярныхъ распоряженій Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 1863, 1876 и 1881 г.г., коими созданы спеціальныя цензурныя ограниченія для научной и переводной литературы на малорусскомъ языкѣ, въ виду гибельнаго вліянія этихъ ограниченій на всю малорусскую литературу, а черезъ это и на народное просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ слова».

Городской управѣ поручено думой представить это постановленіе, вмѣстѣ съ прочими общаго характера, г. министру народнаго просвѣщенія.

— Нѣкоторыя южно-русскія земства просятъ полтавскую губернскую земскую управу выслать имъ докладъ В. Н. Леонтовича по вопросу о допущеніи родного языка въ народную школу, въ виду интереса, представляемаго затронутымъ въ докладѣ вопросомъ («Полтавщина», № 34).

Украинская книга и министерство народнаго просвѣщенія *(Письмо въ редакцію)*. 30 ноября 1904 года Винницкій уѣздный

комитетъ попечительства о народной трезвости послалъ въ ученый комитетъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія слѣдующее ходатайство:

«Винницкій комитетъ попечительства о народной трезвости имѣетъ честь ходатайствовать предъ ученымъ комитетомъ о допущеніи въ безплатную народную библіотеку при Винницкомъ Народномъ Домѣ комитета винницкаго попечительства о народной трезвости слѣдующихъ изданій, пожертвованныхъ народному дому книжнымъ магазиномъ «Кіевской Старины» въ Кіевѣ:

1) Чикаленко. Розмова про сельске хозяйство. 5 книжка. Садъ. С.-Петербургъ 1903 г. ц. 10 коп.

2) Грыцько Коваленко. Видъ чого вмерла Мелася. Оповидання про обкладкы (дифтеритъ). Спб. 1902 г. Изданіе благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. Ц. 3 коп.

3) М. Загирня. Добра порада. Оповидання про ликы видъ скаженои хворобы. Изд. Благ. Общ. изд. общепол. и дешев. книгъ. Ц. 3 коп.

4) М. Левицкій. Селянськи знахари та бабы шептухы. Изд. Кіевскаго Общества грамотности, одобренное врачебнымъ отдѣленіемъ кіевскаго губернскаго правленія. Кіевъ. 1901 г. ц. 3 к.

5) Вс. Гуртъ. Якъ оберегаты себе видъ висны. Про скарлатыну. Про сифилисъ (пранци). Про коросту (чухачка). Харьковъ. 1900 г. Ц. 3 коп.

6) М. Левицкій. Сибирська язва. Изд. Кіев. Общ. Грам., одобр. Врач. Отд. Кіев. Губ. Правленія. Кіевъ 1901 г. Ц, 2 коп.

7) М. Левицкій. Лыхи хоробы на очи. Изд. Кіев. Общ. Грам., одобр. Врач. Отд. Кіев. Губ. Правленія. Кіевъ 1901 г. Ц. $1^1/_2$ коп.

8) М. Левицкій. Короста (чухачка). Чытанка для селянъ. Изданіе Врачебнаго Отдѣленія Кіевскаго Губернскаго Правленія. Кіевъ 1900 г. Ц. $1^1/_2$ коп.

9) В. Имшенецкій. Про пошести, або лыхи хворобы. Изд. Благотв. Общ. изд. общепол. и дешев. книгъ. С.-Петербургъ 1902 г. Ц. 3 коп.

10) О. Степовыкъ. Лыхи потайни хлибоиды: хлибный комарыкъ та шведська муха. Одесса. Изд. Южно Русскаго Общества Печатнаго Дѣла. Ц. 6 коп.

11) Ганько. Якъ дбаешъ, такъ и маешъ. Агрономичне оповидання. Полтава 1898 г. Ц. 3 коп.

Предсѣдатель комитета гр. Д. Гейденъ. Дѣлопроизводитель Кричковскій.

На это ходатайство отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (по Департаменту Общихъ Дѣлъ отъ 20 января 1905 г. за № 986) полученъ слѣд. отвѣтъ:

«Въ Винницкій уѣздный комитетъ попечительства о народной трезвости. Вслѣдствіе отношенія отъ 30 ноября 1904 года за № 125 Департаментъ Общихъ Дѣлъ имѣетъ честь увѣдомить, что мнѣніемъ Ученаго Комитета, утвержденнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, опредѣлено: ходатайство о допущеніи въ библіотеку комитета 11 брошюръ на малорусскомъ нарѣчіи отклонить. Вице-директоръ Н. Ватманъ, дѣлопроизводитель Ф. Москажскій».

Украинская книга и читатели изъ народа. Въ «Полтавщинѣ» (№№ 31 и 42) помѣщены въ высшей степени интересные очерки г. Гринченка «Читатели изъ народа о произведеніяхъ И. С. Левицкаго». Помимо многихъ частностей, касающихся отзывовъ читателей о тѣхъ или иныхъ произведеніяхъ названнаго писателя, авторъ попутно даетъ много практическихъ указаній, которыми могли бы воспользоваться лица, руководящія народнымъ чтеніемъ, и вообще всѣ имѣющіе дѣло съ читателемъ изъ народа. Запросы такого читателя, его требованія къ книгѣ, а также по скольку эти требованія удовлетворяются существующей народной литературой—все это настолько важные вопросы, и матеріалъ, представленный г. Гринченкомъ, на столько цѣнный, что было бы очень жаль, если бы названные и другіе подобнаго же содержанія очерки затерялись въ кучѣ газетныхъ листовъ. Очерки эти непремѣнно слѣдуетъ издать отдѣльной книгой, и чѣмъ скорѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ лучше, такъ какъ, повторяемъ, они ставятъ предъ читателемъ много вопросовъ и даютъ цѣнный матеріалъ для ихъ рѣшенія.

Народныя художественныя передвижныя выставки. На дняхъ устроитель первой народной художественной выставки, художникъ В. К. Развадовскій обратился въ совѣтъ Императорской Академіи Художествъ съ просьбой о ссудѣ въ 1,800 руб. на устройство

въ 1905 г. двухъ новыхъ народныхъ выставокъ, причемъ представилъ отчетъ объ устроенныхъ имъ лѣтомъ 1904 г народныхъ выставкахъ въ кіевской и подольской губерніяхъ.

Въ своемъ прошеніи г. Развадовскій указываетъ на ту страстность, съ которой народъ стремится осматривать художественныя произведенія, что видно изъ того, что въ первый же годъ организаціи этого дѣла, начатаго въ самыхъ скромныхъ условіяхъ, выставку въ двухъ губерніяхъ посѣтило 64,172 лица. Академія Художествъ дала на устройство выставки въ прошломъ году 3 т. руб., кромѣ того, подольскій губернскій комитетъ о народной трезвости ассигновалъ на это дѣло тоже 3 т. руб. и отъ выставокъ получился остатокъ въ размѣрѣ 569 руб. На эти суммы устроитель ея и предполагаетъ значительно расширить выставку. Совѣтъ Академіи призналъ просьбу В. К. Развадовскаго о выдачѣ ссуды въ 1,800 руб. на устройство выставокъ въ 1905 г. заслуживающей полнаго удовлетворенія („С.-Петербургскія Вѣдомости", № 42)

По поводу 44-й годовщины смерти Шевченка. Годовщина смерти Шевченка, какъ и всегда, вызвала посвященныя ему статьи и замѣтки въ печати. „Кіевскіе Отклики" въ № 57 помѣстили двѣ статьи: г. Могилянскаго—„Памяти Т. Г. Шевченко" (о памятникѣ поэту и о полномъ критическомъ изданіи его произведеній) и г. Стешенка „Смыслъ и значеніе поэзіи Т. Г. Шевченка". „Полтавщина" въ № 61 помѣстила статью г. Гринченка „Памяти Тараса Шевченка" о нашихъ неуплаченныхъ долгахъ предъ памятью поэта; въ № 55 той же газеты появилась статья г. Л. П. „Прошлое украинскаго народа въ поэзіи Т. Г. Шевченка". Г. Коварскій помѣстилъ въ № 45 „Волыни" біографію украинскаго поэта подъ заглавіемъ: „Т. Г. Шевченко". Въ № 2428 „Приднѣпровскаго Края" находимъ замѣтку о найденныхъ проф. Эварницкимъ новыхъ документахъ для біографіи Шевченка (эта замѣтка будетъ перепечатана въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала). Наиболѣе обстоятельной изъ посвященныхъ Шевченку въ настоящемъ году замѣтокъ является статья г. Лотоцкаго „Общественные идеалы поэзіи Т. Г. Шевченка" въ № 9 „Южныхъ Записокъ". Пользуясь рядомъ удачно подобранныхъ цитатъ изъ „Кобзаря", г. Лотоцкій характеризуетъ эти идеалы съ политической точки зрѣнія, какъ панславистически-федеративные, съ общественной—какъ широко-де-

мократическіе, указывая попутно на высокіе моральные принципы, заложенные въ основу міросозерцанія Шевченка—его гуманность, терпимость и любовь къ страждущимъ.

О литературныхъ вечерахъ, посвященныхъ памяти Шевченка, имѣемъ извѣстія изъ Полтавы (20 февраля—«Назаръ Стодоля» и концертное отдѣленіе, 21-го—большой концертъ, см. «Полтавщина», № 37), изъ Севастополя (22 февраля—концертъ) и изъ Саратова (26 февраля—концертъ). Въ Кіевѣ 26 февраля состоялся Шевченковскій концертъ въ Народной аудиторіи, а 13 марта—въ купеческомъ собраніи; сборъ съ послѣдняго поступаетъ на памятникъ Шевченку.

Къ годовщинѣ смерти Кулиша. Въ № 35 «Полтавщины» помѣщена замѣтка «П. А. Кулишъ» по поводу 8-лѣтней годовщины смерти писателя. Авторъ замѣтки различаетъ три періода въ жизни Кулиша: первый—романтизма и увлеченія народомъ, второй—рѣзкаго критицизма и обличеній и третій—спокойной и созидательной работы.

Къ юбилею Д. Л. Мордовцева. 50-лѣтній юбилей Д. Л. Мордовцева (празднованіе отложено, какъ мы уже сообщали, до болѣе удобнаго времени) вызвалъ нѣсколько газетныхъ статей и замѣтокъ, посвященныхъ юбиляру. Въ № 36 «Полтавщины» напечатана обстоятельная статья г. В. П. К. подъ заглавіемъ: «Д. Л. Мордовцевъ и украинофилы» прошлаго вѣка (къ 50-лѣтію литературной дѣятельности Д. Л. Мордовцева)». Авторъ пытается дать характеристику юбиляра въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Украинѣ, считая г. Мордовцева типичнымъ представителемъ «украинофильства», уже уступившаго свое мѣсто новымъ теченіемъ. Обстоятельная же статья, подписанная Л. Жигмайломъ, появилась и на столбцахъ «Вѣстника Юга» (№ 841) подъ заглавіемъ „Д. Л. Мордовцевъ (1854—1904)“. Авторы обѣихъ статей заканчиваютъ ихъ надеждой, что юбиляръ возвратится къ литературной дѣятельности на родномъ языкѣ, на которомъ онъ началъ писать 50 лѣтъ тому назадъ. «Елисаветградскія Новости» въ № 406 помѣстили замѣтку «Д. Л. Мордовцевъ», подписанную иниціалами М. Г. Замѣтка, перепечатанная и въ № 841 «Вѣстникъ Юга», изображаетъ домашнюю жизнь юбиляра и обстановку, въ которой онъ работаетъ. Въ № 843 «Вѣстника Юга» г. Станиславскій далъ характеристику юбиляра; поправку къ ней г. Сёгобочнёго см. въ № 850 той же газеты.

Недавно разрѣшенъ цензурою и въ непродолжительномъ времени начнетъ печататься въ Херсонѣ альманахъ на украинскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Перша Ластивка». Въ альманахѣ примутъ участіе 37 авторовъ, произведенія которыхъ еще нигдѣ не печатались. Альманахъ будетъ содержать въ себѣ не менѣе 20 печатныхъ листовъ. Содержаніе его—поэзія и беллетристика. Редакторъ-издатель этого альманаха, извѣстный малорусскій писатель Н. Чернявській, принимаетъ уже подписку на альманахъ, который по подпискѣ будетъ стоить съ пересылкою всего одинъ рубль.

Подписка принимается въ г. Херсонѣ, въ губерной земской управѣ («Приднѣпровскій Край», № 3406).

Рецензіи на украинскія книги. Въ № 41 «Полтавщины» помѣщенъ г. Дорошенкомъ обстоятельный обзоръ украинской литературы за истекшій годъ («Украинская литература въ 1904 году»).—Въ № 52 той же газеты находимъ рецензію на новое изданіе извѣстной книги Дрепера «Істория боротьби науки з релігією» (переводъ М. Павлика); въ № 56 той же газеты—рецензію на „Руску письменність“ т. I, заключающій произведенія Котляревскаго, Артемовскаго-Гулака и Гребинки; обѣ рецензіи подписаны *Д. Д—ко*.—Въ № 247 „Южнаго Обозрѣнія“ напечатанъ, за подписью И. Л., краткій отзывъ о новомъ журналѣ „Руська хата“.

Подъ заглавіемъ „Въ защиту малорусской культуры“ г. Личко помѣстилъ въ № 9 „Южныхъ Записокъ“ обширную полемическую статью, направленную противъ антиукраинскихъ выходокъ нѣкоторыхъ столичныхъ („Новое Время“, „Дневникъ театра“) и провинціальныхъ („Витебскія Губ. Вѣдомости“) органовъ печати.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Общее настроеніе въ Галичинѣ. Событія, переживаемыя теперь Россіей, приковываютъ къ себѣ вниманіе Европы. Съ глубокимъ захватывающимъ интересомъ слѣдятъ за ихъ исходомъ и въ Галиціи. Событія послѣднихъ дней въ Россіи стали здѣсь злобой дня, если хотите, мучительной злобой, и безусловно вытѣснили собой интересъ

къ такимъ важнымъ вопросамъ общегосударственной австрійской жизни, какъ политическія броженія въ Венгріи, дѣятельность новаго министра-президента Гауча, которыя не пройдутъ безслѣдно и для мѣстныхъ отношеній. И нельзя сказать, чтобы интересъ къ русскимъ событіямъ замѣчался только въ интеллигентныхъ кругахъ; повышеніе тиража народныхъ газетъ и рабочихъ листковъ, наполненныхъ преимущественно описаніемъ всего того, что теперь происходитъ въ Россіи, свидѣтельствуетъ о глубокой заинтересованности этими событіями и со стороны болѣе широкихъ слоевъ мѣстнаго населенія—крестьянскихъ и рабочихъ массъ.

Фактъ такого живого отношенія къ осложненіямъ внутренней русской политики является, конечно, понятнымъ и объяснимымъ, въ виду той тѣсной органической связи, какая существуетъ между населеніемъ Галиціи и населеніемъ пограничныхъ съ ней украинскихъ и польскихъ губерній Россіи. И галицкіе русины, и галицкіе поляки составляютъ только небольшія части украинскаго и польскаго народовъ, всей своею массой живущихъ въ Россіи. Благодаря этой племенной связи, а также единству историческихъ традицій, общности языка, культурныхъ интересовъ и національно-политическихъ идеаловъ, каждая изъ названныхъ народностей чувствуетъ себя живой частью родного ей народнаго организма, искусственно-насильно оторванной отъ цѣлаго. То, чѣмъ живетъ въ данный историческій моментъ это цѣлое, не можетъ не отражаться на составныхъ его частяхъ, не можетъ не задѣвать ихъ, не можетъ не привлекать къ себѣ вниманія. И если Галиція и ранѣе чутко относилась къ тому, что дѣлалось въ Польшѣ и на Украинѣ, то теперь, въ виду остроты момента, переживаемаго Россіей, усиленіе вниманія и интереса достигло, можно сказать, кульминаціонной точки. Колебаніе и отклоненіе внутренней политики русскаго правительства, каждое, даже малѣйшее, измѣненіе въ положеніи дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ—воспринимается и ставится въ связь съ коренными преобразованіями государственнаго строя Россіи и съ тѣми реальными послѣдствіями, какія могутъ имѣть эти преобразованія для обѣихъ народностей Галиціи. Нечего и говорить, что представленіе этихъ послѣдствій въ ихъ конкретной формѣ не тождественно у обѣихъ народностей; даже больше: оно не одинаково у отдѣльныхъ классовыхъ группъ одной и той же національности.

Что касается спеціально украинскихъ рабочихъ массъ въ Галиціи, то въ ихъ заинтересованности русскими событіями имѣются

элементы и чисто специфическаго характера, кроющіеся въ общемъ положеніи всего украинскаго народа на Австрійской политической платформѣ. Хотя въ Австрійской конституціи и есть пунктъ, торжественно гласящій, что «всѣ племена, населяющія государство, равны въ своихъ правахъ и каждое изъ нихъ обладаетъ нерушимымъ правомъ на сохраненіе своей національности»—но въ примѣненіи къ украинской народности въ Галиціи, взятой въ цѣломъ, съ ея различными классовыми группами, пунктъ этотъ—мертвая буква. Цѣлымъ рядомъ косвенныхъ, обходныхъ законоположеній центральное правительство свело Русиновъ, и въ національномъ, и въ политическомъ, и, наконецъ, въ экономическомъ отношеніи, ad nullum и отдало ихъ въ полное распоряженіе господствующей въ краѣ польской народности, recte всемогущему шовинистическому Kołu.

Читатели освѣдомлены о характерѣ и содержаніи политики этого Koła по отношенію къ Русинамъ. Нѣтъ ничего, поэтому, удивительнаго, что послѣдніе, стоя передъ призракомъ денаціонализаціи своей народности и полнаго экономическаго обезсиленія и не встрѣчая поддержки своимъ законнымъ требованіямъ и національнымъ интересамъ въ центральномъ правительствѣ, принуждены искать ее извнѣ въ будущей обновленной, реформированной Россіи. Ожидаемое ими измѣненіе во внутреннемъ строѣ сосѣдней родственной страны, основанное на началахъ широкой автономіи отдѣльныхъ народностей и обусловленное этимъ усиленіемъ украинскаго элемента, заставляетъ, конечно, вѣнскіе правящіе круги быть внимательнѣе къ нуждамъ угнетаемой Галицкой Украины и позаботиться о реальномъ предоставленіи ей тѣхъ правъ, какія остаются теперь на бумагѣ.

Въ этомъ угрожающемъ для центральнаго правительства и мѣстной краевой бюрократіи духѣ высказывается вся почти русинская пресса; этотъ пунктъ объединяетъ и приводитъ къ соглашенію и по основнымъ задачамъ русинскія политическія партіи, начиная націоналъ-демократической съ ея органомъ «Діло» и кончая соціалъ-демократами.

Въ сторонѣ отъ нихъ стоитъ «истинно русская»—въ духѣ «Московскихъ Вѣдомостей»—партія москалефиловъ. Ея взглядъ на явленія мѣстной жизни и ихъ отношеніе къ теперешнимъ событіямъ въ Россіи радикально расходится со взглядомъ названныхъ партій. («Полтавщина», № 35).

Процессъ организатора „січей" д-ра Трильовскаго. Въ нашемъ журналѣ сообщалось уже о «січевом» движеніи среди галицкаго крестьянства; сообщалось и о тѣхъ преслѣдованіяхъ, какія упали на голову руководителей этихъ народныхъ организацій со стороны господствующей польской партіи, пользующейся большимъ вліяніемъ среди правительственныхъ круговъ. Заимствуемъ теперь изъ статьи г. В. П. К. «Галицкія січи, какъ народно-культурныя организаціи, и ихъ преслѣдованіе со стороны галицкихъ властей» («Полтавщина», №№ 52 и 54) свѣдѣнія о ходѣ судебнаго процесса противъ д-ра Трильовскаго и крестьянина Войчука; процессъ продолжался съ 3 по 8 января этого года и далъ еще нѣсколько картинокъ безправія въ Галиціи. Г. Трильовскаго защищалъ д-ръ Олесницкій, а Войчука—д-ръ Лезеръ, львовскій адвокатъ. Обвинительный актъ составленъ исключительно на показаніяхъ жандармовъ и найденныхъ ими лжесвидѣтелей... По этому акту г. Трильовскій обвинялся въ томъ, что онъ насмѣхался надъ личностью императора, сказавши при открытіи «січи» въ Борщевѣ въ 1903 г. такія слова: «Цисарь нехай соби забере жидів у Палестину, а поляків у Варшаву, бо тутъ «Червоная Русь,»; называлъ себя «руським королем»; хвалилъ кишиневскій погромъ,—говорилъ, указывая на поднятую палку, что это есть истинный «руській параграф», который слѣдуетъ примѣнять, если просьба не поможетъ; кромѣ того, занимался антирелигіозной пропагандой, нарушалъ законы о печати, издавая недозволенныя книги, и возбуждалъ населеніе, распространяя брошюры противъ общественнаго спокойствія и раздавая даже въ зданіи суда такія книжки, какъ напр. «Чего хотятъ соціалисты». Другой обвиняемый по тому же акту обвинялся почти въ томъ же, что и г. Трильовскій, кромѣ нарушенія законовъ о печати, такъ какъ и онъ по обвинительному акту называлъ себя «заступником руського короля» и занимался противоцерковной пропагандой, осуждалъ дѣятельность суда, администраціи, и въ концѣ-концовъ прокуроръ обвинялъ Войчука еще и въ томъ, что онъ безуспѣшно уговаривалъ Марка Иванчука къ воровству ружья у жандарма Валенги.

Г. Трильовскій въ возводимыхъ на него преступленіяхъ виновнымъ себя не призналъ; наоборотъ, онъ доказывалъ, что рас-

пространялъ книги и брошюры на законномъ основаніи, что весь процессъ, ведущійся противъ него, является результатомъ интерпеляціи въ сеймѣ д-ра Олесницкаго противъ жандармскихъ злоупотребленій на Покутьѣ, что всѣ свидѣтели обвиненія противъ него подговорены и къ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ возбуждаетъ судебное преслѣдованіе, и что дѣятели публичной безопасности такъ его ненавидятъ, что жандармъ Иванчукъ подговаривалъ крестьянъ къ нападенію на личность обвиняемаго; кишиневской рѣзни онъ не хвалилъ, наоборотъ, онъ былъ референтомъ на анти-кишиневскомъ еврейскомъ собраніи въ Коломыи; не называлъ себя и «руським королем», а вслѣдствіе соотвѣтствующаго закона, онъ о личности императора не говоритъ и даже избѣгаетъ употребленія слова «цисарь». Войчукъ также не призналъ себя виновнымъ, такъ какъ, будучи неграмотнымъ, онъ политикой не занимается и, какъ бывшій войтъ, въ «січахъ» не участвуетъ, хотя иногда и бывалъ на «січовыхъ» собраніяхъ, происходившихъ въ домѣ его брата; а весь процессъ противъ него есть ничто иное, какъ результатъ ложныхъ, показаній бывшихъ его «наймитів», на него озлобленныхъ... Вызвано свидѣтелей по этому дѣлу 25 человѣкъ. Первыми свидѣтелями были вызваны судомъ два жандарма Янъ Оржехъ и Войтихъ Валенга. Д-ръ Олесницкій обратился къ суду съ просьбою «не отбирать отъ жандармовъ присяги, ибо они съ давняго времени служатъ орудіемъ изгнанія обвиняемаго изъ Коломыи». Когда свидѣтели ѣхали на судъ, жандармы читали свидѣтелямъ изъ памятныхъ книжекъ, что послѣдніе должны говорить на судѣ. А когда одинъ изъ свидѣтелей замѣтилъ, что «не вольно подготовлять свидѣтелей къ показаніямъ», то жандармъ отвѣтилъ: «то тебѣ не вольно, а намъ вольно»... Защитникъ Лезеръ присоединился къ предложенію Олесницкаго еще и потому, что жандармы въ корридорахъ суда и теперь «стараются помочь памяти свидѣтелей»... Согласно заключенію прокурора, судъ отклонилъ ходатайство защиты, и жандармы, присягнувши, давали показанія противъ Трильовскаго въ «бомбастичномъ стилѣ», вызывавшемъ хохотъ среди публики. Показанія многихъ свидѣтелей были крайне сбивчивы и вытекали изъ личныхъ счетовъ съ обвиняемыми, и вслѣдствіе наущенія жандармовъ показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей не сходились съ тѣмъ, что они говорили на предва-

рительномъ слѣдствіи; одинъ изъ нихъ объяснялъ разнорѣчивость своихъ показаній на судѣ и предварительномъ слѣдствіи тѣмъ, что жандармъ Валенга грозилъ ему, что онъ больше не вернется къ дѣтямъ. Вообще, поведеніе жандармовъ, какъ до суда, такъ и во время его, было крайне предосудительное, и защита была вынуждена протестовать и ходатайствовать передъ судомъ объ удаленіи жандармовъ изъ залы суда, такъ какъ ихъ присутствіе лишаетъ свидѣтелей свободы показаній; но судъ ходатайство защиты отклонилъ. Поводомъ къ такому заявленію со стороны защиты послужило слѣдующее обстоятельство.

4 января, предъ началомъ суда, жандармъ Оржехъ просилъ, чтобы судъ съ «допросомъ свидѣтельницы Маріи Скрипнюкъ поступалъ весьма осторожно, ибо ея показанія не будутъ сходны съ показаніями жандармовъ». Характерно также и то, что прокуратура обвиняла г. Трильовскаго въ антирелигіозной пропагандѣ, а свидѣтели священники говорили въ пользу обвиняемаго. Наибольшее обвиненіе противъ «січей» свидѣтели выставляли ночное пѣніе на улицахъ «січовиків» и битье ими оконъ,—они особенно на это напирали, говоря, что они увѣрены въ томъ, что эти безчинства есть дѣло «січовиків».

Послѣ рѣчи прокурора, поддерживавшаго обвиненіе, говорилъ д-ръ Олесницкій. Онъ констатируетъ, что какъ само обвиненіе, такъ и послѣдняя рѣчь прокурора была не обвиненіемъ, а лишь указаніемъ на отдѣльные факты, судебнымъ разбирательствомъ недоказанные, такъ какъ все обвиненіе зиждется на показаніи жандармовъ и бывшихъ войтовъ. Не подтверждено также и обвиненіе прокурора противъ г. Трильовскаго въ антирелигіозной пропагандѣ, такъ какъ многіе свидѣтели, въ томъ числѣ и священники, говорили о томъ, какъ г. Трильовскій велѣлъ «січовикам» посѣщать богослуженія, да и самый фактъ популярности обвиняемаго среди народа свидѣтельствуетъ о нелѣпости подобнаго обвиненія, такъ какъ селяне очень религіозны. Д-ръ Олесницкій доказывалъ неосновательность и полное отсутствіе доказательности въ обвиненіи г. Трильовскаго въ возбужденіи имъ народа противъ общественнаго спокойствія, въ сочувствіи съ его стороны кишиневскому погрому и нарушеніи законовъ о печати. Ярко онъ также подчеркнулъ и то, что приписываемыя

свидѣтелями обвиненія слова г. Трильовскому на «січових» зборах» въ с. Борщевѣ о враждѣ къ полякамъ и евреямъ происходили на томъ собраніи, которое было $1^1/_2$ года назадъ предъ этимъ процессомъ, и что свидѣтели не помнятъ многаго изъ того, что дѣйствительно на нихъ говорилось и что другими свидѣтелями подтверждено. Что же касается обвиненія г. Трильовскаго въ оскорбленіи Величества, то оно дало поводъ д-ру Олесницкому вышутить, при смѣхѣ публики, обвинительный актъ. Касаясь инкриминируемаго желанія обвиняемаго стать «руським королем», д-ръ Олесницкій замѣчаетъ, что, по его мнѣнію, «такое желаніе нисколько не ограничиваетъ правъ австрійскаго монарха, ибо нѣтъ въ титулярѣ австрійскаго императора титула «руського короля». Не ограничитъ тѣмъ желаніемъ д-ръ Трильовскій и правъ русскаго царя, ибо и послѣдній не имѣетъ титула руськаго короля. Такимъ образомъ, руськое королевство есть ничьею вещью, а res nulius по гражданскому праву каждому предоставляется свободно оставлять за собою.

Коронный судъ присудилъ г. Трильовскаго къ шестинедѣльному тюремному заключенію. Къ 3 мѣс. строгаго ареста присужденъ и Войчукъ. Д-ръ Трильовскій подаетъ кассацію въ высшій судъ въ Вѣнѣ.

Такъ закончился политическій процессъ основателя «Січей». Національная нетерпимость галицкихъ властей къ народному возрожденію, какъ видитъ и самъ читатель, красною нитью прошла чрезъ этотъ судебный процессъ. Теперь, пожалуй, для галицкаго намѣстника гр. Потоцкаго будетъ основаніе возбуждать еще большія гоненія на народныя культурныя организаціи... Мы не сомнѣваемся, что, благодаря подобнымъ гоненіямъ властей, «Січи» еще больше будутъ развиваться и въ тоже время будетъ расти среди народа озлобленіе противъ притѣснителей, которое будетъ имѣть печальныя послѣдствія... Съ одной стороны, это можетъ послужить препятствіемъ къ разиитію народныхъ организацій и того чувства собственнаго достоинства, которое они поднимаютъ у селянъ. Съ другой стороны, эти гоненія польской шляхты противъ украинцевъ не будутъ способствовать довѣрію и

сближенію двухъ націй, которыя такъ необходимы для культурнаго развитія края и предусматривались австрійской конституціей.

Къ дѣятельности радикальной партіи въ Галиціи. Г. Чумакъ продолжаетъ свои «Галиційскія письма» въ «Вѣстникѣ Юга». Во второмъ письмѣ (№ 836) по поводу процесса д-ра Трильовскаго онъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія о дѣятельности возродившейся радикальной партіи.

«Тяжела и однообразна жизнь сельскаго населенія въ восточной Галиціи. Безпрерывный трудъ для поддержанія своего нищенскаго существованія, приниженность, созданная экономической зависимостью отъ крупныхъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ, неувѣренность въ собственныхъ силахъ и полнѣйшая разъединенность составляютъ существенныя ея черты. Внесеніе сознанія въ эту порабощенную народную массу, созданіе организованной борьбы рабочаго класса за свое экономическое освобожденіе являются ближайшими задачами въ средѣ сельскаго населенія.

Проведеніе въ жизнь этихъ задачъ и взяла на себя радикальная партія. Основанная Драгомановымъ, она имѣла въ своихъ рядахъ такихъ духовныхъ вождей, какъ Франко, Павликъ. «Украинско-руськая радикальная партія, какъ партія организующейся рабочей массы украинско-руського народа въ Австріи, выходя изъ того основного положенія, что окончательное освобожденіе украинско-руського народа отъ общественнаго и политическаго гнета тѣсно связано съ одновременнымъ общественно-экономическимъ освобожденіемъ трудящихся массъ всѣхъ культурныхъ народовъ, стоитъ на основѣ соціализма и стремится къ уничтоженію эксплоатаціи народа, къ доставленію возможности массамъ украинско-руського народа свободно пользоваться всѣми плодами своего труда и свободно распоряжаться землею и всѣми средствами продукціи, къ созданію возможности свободнаго развитія всѣхъ культурныхъ силъ украинско-руського народа и каждаго его индивидуума». Такъ формулируетъ свои задачи программа радикальной партіи, измѣненная послѣ послѣдняго ея съѣзда. Но вліяніе партіи на классъ фабричныхъ и городскихъ рабочихъ было совершенно незначительно, такъ какъ только послѣднее время радикальная партія въ

своей программѣ упоминаетъ о рабочей массѣ своего украиско-руського народа. Вся же ея предшествующая дѣятельность велась среди сельскаго рабочаго люда. Здѣсь она достигла значительныхъ результатовъ, организуя сельскій пролетаріатъ въ «Народни Спілки» (народные союзы) и товарищества «Січ». Прибавимъ къ этому, что партія имѣетъ и собственный органъ, какимъ является «Новый громадський голосъ».

Конкурсъ на популярныя брошюры. Мы получили отъ львовскаго общества «Просвіта» ниже помѣщаемыя условія конкурса на популярныя брошюры, объявленнаго названнымъ обществомъ, съ просьбой опубликовать ихъ для свѣдѣнія украинскихъ популяризаторовъ. Помѣщаемъ эти условія дословно.

Головний Виділ Товариства «Просьвіта» у Львові оголошуе отсім на основі «Статута фонду імени Івана Череватенка на видавання премій за науково-популярні книжки»—конкурс на дві премії по 250 корон за написання двох науково-популярних розвідок в українській мові.

Конкурсові твори мають відповідати отим вимогам:

1) Мусять бути оригінальні, ніде ще не друковані, та популяризувати здобутки сьвітової науки;

2) Не можуть захвалювати неволі, панування одного народу або громадского стану надъ другим, як також не можуть бути змісту конфесийного;

3) Украіиньска мова творів мусить бути проста, зрозуміла кождому письменному украінцеви на всему просторі, де живуть наші люди;

4) Твори не можуть бути менші обемом від двох аркушів друку, рахуючи в аркуші 40 тисяч литер.

Праці належить надсилати до Головного Виділу Товариства «Просьвита» у Львові в речинці—по конець 1906 р. Власноручний підпис автора мае бути поміщений в осібній запечатаній коверті.

Премійований твір остае власністю автора, але друкуючи його, автор не мае робити права відмін, противних повисшим условинам.

Вислід конкурсу оголосить Товариство в свойому часі. За Головний Виділ Товариства «Просьвіта» у Львові дня 18 лютого 1905. Др. Кость Левицкий заст. голови. Іван Ефимович писар.

Присужденіе „Михайловоі премії“. 19 февраля въ помѣщеніи общества „Просьвіта“ во Львовѣ состоялось совѣщаніе жюри по присужденію такъ называемой „Михайловоі премії“, учрежденной Михаиломъ Тышкевичемъ. На конкурсъ поступила всего лишь одна рукопись—историческая повѣсть „Ярошенко“. Послѣ обмѣна мнѣній членовъ жюри по поводу присланной повѣсти (въ составъ жюри входили гг. Барвинскій, Вяхнянинъ, проф. Колесса, К. Левицкій, проф. Студинскій и Франко), она была награждена преміей въ 700 кронъ. Авторъ повѣсти оказался извѣстный украинскій писатель изъ Черновецъ Осипъ Маковей. Въ скоромъ времени будутъ опубликованы условія новаго конкурса, учрежденнаго тѣмъ же г. Тышкевичемъ, на драматическія произведенія; премія на этотъ предметъ назначена въ 1100 кронъ („Діло“ № 30).

Книжный магазинъ „Товариства ім. Шевченка“. Книжный магазинъ Наукового Товариства ім. Шевченка помѣщался до недавняго времени въ зданіи общества и имѣлъ довольно ограниченный кругъ операцій въ силу какъ тѣсноты помѣщенія, такъ и довольно узкаго подбора изданій. Въ половинѣ февраля магазинъ перенесенъ на одну изъ лучшихъ улицъ въ центрѣ Львова (Театральная), въ большое и удобное помѣщеніе, и пополненъ книгами на всѣхъ языкахъ, прежде всего, конечно, на украинскомъ, русскомъ и польскомъ („Діло“, № 39),

---

Европейцы о нашихъ дѣлахъ. Въ парижской газетѣ „Le Courrier Europeen“ помѣщена статья „Les nationalités de la Russie“ копенгагенскаго ученаго Фредериксена, въ которой между прочимъ находимъ слѣдующія строки, посвященныя украинскому вопросу: „чтобы разрѣшить польско-украинскій вопросъ въ провинціяхъ, принадлежавшихъ когда-то Польшѣ, имѣется единственное средство: это дать возможность развитія симпатичному украинскому народу, —этимъ 28 милліонамъ „забытыхъ, вмѣсто того чтобы неразумно и преступно запрещать ихъ языкъ“ („Діло“, № 24).

Къ освобожденію Максима Горькаго. Къ движенію въ пользу освобожденія Максима Горькаго, широкою волною пронесшемуся въ Западной Европѣ, примкнули и русинскіе депутаты Вѣнскаго парламента. Собранію „соціально-политическаго общества“ и „союзу австрійскихъ журналистовъ“ депутатами была послана 31 января телеграмма. Телеграмма подписана гг. Романчукомъ, Василькомъ, Барвинскимъ, Яворскимъ, Косомъ и Пигулякомъ („Діло“ № 24).

Замѣтки на текущія темы.

Слеза крокодила и свобода кн. Мещерскаго.—Основанія той и другой.—Князь подъ ручку съ бывшимъ исправникомъ отстаиваютъ «свободу» украинскаго слова.—Истинный характеръ этого шага.—Пьянство, развратъ и „горе намъ".—Владѣльческіе аппетиты и возможные пути къ ихъ удовлетворенію.—Г. Ярмонкинъ и его декретъ объ упраздненіи украинской интеллигенціи.—Существуемъ ли мы?—Cogito, ergo sum.—Коварные вопросы г. Ярмонкина.—Зубоскалы вообще и зубоскалъ „Слова".—Обывательское отношеніе къ украинскому вопросу.—„Слово" о томъ, чего не было.—Поученія по нашему адресу.—Вопросительный знакъ относительно «Кіевскихъ Откликовъ».—Кому чего нужно?—Нѣсколько словъ о національномъ вопросѣ.—Кто виноватъ?—Украинскій вопросъ въ академіи наукъ и университетахъ.—Св. писаніе и комитетъ министровъ.—Нѣсколько историческихъ справокъ.

Бываютъ положенія, которыя извлекаютъ слезы даже изъ безстыжихъ, не мигающихъ глазъ крокодила, но эти слезы почему то не только ни въ комъ не вызываютъ сочувствія, но наоборотъ такъ и называются--слезами крокодила: очевидно, въ смыслѣ предостереженія—не слишкомъ довѣряться сантиментальнымъ чувствамъ при созерцаніи несвойственнаго крокодилу слезоточиваго настроенія. Вѣроятно, это потому происходитъ, что за слезами почтеннаго чешуйчатаго созданія стоитъ огромная пасть и крѣпкіе, острые зубы, способные моментально измолоть и похоронить въ прожорливомъ желудкѣ всякое существо, которое неосторожно довѣрилось бы ко-

варнымъ слезамъ и поддалось чувству жалости. Даже проливая слезы, крокодилъ остается крокодиломъ и сохраняетъ разбойничьи инстинкты, не упуская случая щелкнуть своей ужасающей пастью...

Бываютъ положенія, которыя даже изъ груди князя Мещерскаго извлекаютъ призывы къ свободѣ и вызываютъ на столбцахъ «Гражданина» нѣчто въ родѣ гимновъ, сложенныхъ въ честь ея. Но... всѣ смѣются, никого не трогаютъ эти наивно-подозрительные гимны и призывы, всякій старается быть подальше отъ князя, какъ и отъ крокодила въ моментъ его слезоточиваго настроенія. И опять таки это потому, что за горячими, казалось бы, призывами кн. Мещерскаго къ свободѣ ясно различается — желудокъ: обыкновенные, ничѣмъ кромѣ фарисейства и лицемѣрія не прикрытые желудочные интересы. Въ этомъ и состоитъ главнымъ образомъ сходство между слезой крокодила и расшаркиваніями предъ свободой князя Мещерскаго, такъ какъ если у послѣдняго и была когда нибудь въ наличности широкая глотка и крѣпкіе зубы, то въ настоящее время глотка уже сузилась, а зубы, увы, давнымъ давно повыпадали, хотя охота оскаливать гнилыя, беззубыя десна у князя и до сихъ поръ сохранилась смертная...

Въ номерѣ «Гражданина» отъ 30 января князь Мещерскій, оскаливъ предварительно свои десна по адресу «всѣхъ Равашолей печати», неожиданно вслѣдъ за тѣмъ проливаетъ крокодиловы слезы о горькой участи иновѣрцевъ и инородцевъ въ Россіи. И по нашему адресу выпущена имъ одна слеза въ видѣ сочувственно перепечатываемаго письма изъ Кіева о положеніи украинской литературы. На этой слезѣ слѣдуетъ остановиться.

Авторъ слезы--по его собственной рекомендаціи «бывшій исправникъ, нынѣ помѣщикъ изъ дворянъ»—прежде всего расшаркивается предъ княземъ Мещерскимъ: «вы, говоритъ, до сихъ поръ пока (!) единственный, который трезво смотритъ на задачи Россіи и ея великія цѣли. Всѣ остальные спутались и не знаютъ, кому чего нужно, а главное—что нужно намъ всѣмъ». Выдавъ такой лестный аттестатъ «пока единственному» князю Мещерскому, г. бывшій исправникъ, а нынѣ помѣщикъ изъ дворянъ переходитъ къ изложенію дѣла, понудившаго къ перу его

не совсѣмъ очевидно привычныя къ такому занятію руки. И надо воздать ему должное—дѣло онъ излагаетъ въ общемъ правильно, указывая вполнѣ справедливо на то, что школа на Украинѣ, построенная на ложномъ принципѣ обрусенія и потому ведущая обученіе на чужомъ языкѣ, не можетъ способствовать развитію народа; вся школьная учеба—это даромъ истраченный трудъ, почти не оставляющій слѣда въ дальнѣйшей жизни нашего крестьянина. Пока, повторяю, г. бывшій исправникъ не выходитъ изъ сферы общеизвѣстныхъ положеній, онъ представляетъ дѣло согласно съ истиной, хотя и въ курьезной формѣ, осложняемой, по его собственному признанію, «нелитературностью изложенія» или вѣрнѣе—крайнею неряшливостью рѣчи и мысли. Но переходя къ послѣдствіямъ указаннаго порядка вещей, онъ обнаруживаетъ—по всей вѣроятности, съ помощью полицейскаго дознанія—неслыханныя, прямо таки поразительныя явленія. «Трудность пониманія этой книжной рѣчи,—говоритъ г. бывшій исправникъ объ украинскомъ ребенкѣ,—отбиваетъ ему (sic) охоту читать, онъ бросаетъ самую полезную книжку и *предается пьянству или разврату*». Уже само по себѣ это неожиданное открытіе въ видѣ предающихся пьянству или разврату дѣтей способно всякаго человѣка навести на печальныя соображенія, но не это безпокоитъ г. бывшаго исправника. Онъ справедливъ и великодушенъ настолько, что даже такихъ ужасныхъ и не для дѣтскаго только возраста пороковъ въ вину заподозрѣннымъ и не думаетъ ставить: «я ихъ вполнѣ, говоритъ, оправдываю»—не ясно только, въ чемъ собственно—въ пьянствѣ ли и развратѣ, или въ томъ, что ребенокъ бросаетъ непонятную книгу. И непосредственно за этимъ актомъ великодушія слѣдуетъ уже специфическая исправничья и помѣщичья слеза, прелюдіей къ которой служатъ слѣдующія безпримѣрныя строки: «но это (пьянство и развратъ обнаруженныя авторомъ среди украинскихъ дѣтей!) было бы еще полгоря. *Не хочетъ человѣкъ стараться* (это понимать непонятное! С. Е.), *и Богъ съ нимъ, не надо; тебѣ же хуже*. Но бѣда надвигается съ другого конца». Этой бѣдой, по мнѣнію автора, является то обстоятельство, что «разрушительные элементы общества восполь-

зовались неудовлетворенною жаждою народа къ просвѣщенію и снабжаютъ его брошюрами и книгами антиправительственнаго характера, печатанными въ заграничныхъ типографіяхъ по малорусски». Пользуясь попавшимъ къ нему въ руки («по долгу моей службы», предусмотрительно заявляетъ г. бывшій исправникъ) «Докладомъ центральнаго комитета революціонной украинской партіи международному соціалистическому конгрессу въ Амстердамѣ», авторъ письма извлекаетъ изъ него слѣдующія данныя: «всего (съ 1900 г. до половины 1904 г.) выпущено партіей 38 названій (нѣкоторыя 3-мъ изданіемъ) въ количествѣ около 140 тысячъ экземпляровъ, или около 308 тысячъ печатныхъ листовъ. Вѣдь эти горы!» патетически заканчиваетъ онъ фактическія свѣдѣнія, дополняя ихъ ссылкою на дѣятельность другихъ партій. Отмѣтивъ затѣмъ довѣріе, съ которымъ относится населеніе къ понятной ему книжкѣ, и безсиліе администраціи («по опыту») въ борьбѣ съ распространеніемъ нелегальной литературы, г. бывшій исправникъ продолжаетъ:

«Страшно подумать, какая каша можетъ въ очень скоромъ будущемъ завариться здѣсь, въ южной Россіи. Долго сдерживаемое искуственно воздвигаемыми правительствомъ преградами развитіе народной литературы на украинскомъ языкѣ нашло себѣ выходъ въ другомъ направленіи, и мы уже не въ силахъ бороться съ неудержимымъ потокомъ, разливающимся все шире и шире. Этотъ потокъ грозитъ нашей безопасности и благу родины. Преградить его нѣтъ силъ и опасно, какъ бы онъ не разорвалъ плотины и не причинилъ еще больше вреда... Князь! во имя спасенія Россіи обратите вниманіе, что дальнѣйшее держаніе подъ чрезвычайными стѣсненіями малорусской литературы грозитъ намъ страшными бѣдствіями. Правительство, не допуская развитія легальной украинской прессы, тѣмъ самымъ способствуетъ расширенію прессы нелегальной и заставляетъ насъ, помѣщиковъ, плясать на готовомъ къ изверженію вулканѣ. Что они тамъ себѣ, въ Петербургѣ, думаютъ? Почему въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ, безъ сомнѣнія, имѣются данныя о дѣятельности Р. У. П. и У. С. П., не обратятъ вниманія на необходимость создать противодѣйствіе возрастающимъ вреднымъ вліяніямъ?»

Какія же средства «противодѣйствія» имѣются въ запасѣ у г. бывшаго исправника? Къ удивленію, при всей путаницѣ, господствующей въ его разсужденіяхъ, въ этомъ вопросѣ онъ сумѣлъ подняться до нѣкоторой высоты, мало привычной полицейскимъ сферамъ, хотя и отмѣченной, какъ увидимъ, ярко выраженною специфическою окраской.

> «На мой простой взглядъ,—говоритъ онъ,—не лучше ли его (потокъ) регулировать, внеся въ него нѣкоторый коррективъ въ видѣ отмѣны существующихъ ограничительныхъ законовъ, касающихся малорусской литературы (Высочайшее повелѣніе 1876 года) и разрѣшенія издавать газеты и журналы на малорусскомъ языкѣ. Я увѣренъ, что нашлись бы вполнѣ благонамѣренныя лица, коихъ сердцу дороги интересы Россіи, и, одушевленные любовью къ обожаемому Монарху, смѣло выступили бы на идейную борьбу съ гидрою крамолы. Здѣшній народъ по природѣ своей глубоко консервативный и неподатливъ на заигрыванія революціонеровъ, но, при отсутствіи надлежащаго, понятнаго ему руководительства, при отсутствіи противодѣянія искусственно прививаемымъ ему взглядамъ, легко можетъ проникнуться разрушительными идеями и тогда—*горе намъ!*» [1])

«Горе *намъ*»—вотъ гдѣ зарыта собака, вотъ въ чемъ скрывается подлинный смыслъ крокодиловой слезы и призывовъ къ свободѣ въ устахъ кн. Мещерскаго, вотъ истинный мотивъ того, съ полицейской точки зрѣнія несомнѣнно крамольнаго, восклицанія: «что они тамъ себѣ, въ Петербургѣ, думаютъ?» которое невольно вырывается у бывшаго исправника, а нынѣ помѣщика изъ дворянъ. Сознаніе опасности сдѣлало его способнымъ оправдать даже столь неожиданно обнаруженные среди украинскихъ дѣтей пянство и развратъ, и вмѣсто морализаторскихъ сентенцій или привычнаго рукопашнаго воздѣйствія выдвинуть въ самомъ дѣлѣ разумную мѣру въ видѣ уничтоженія никому ненужныхъ стѣсненій. Боязнь за собственную шкуру въ виду возможности близкой расплаты за вѣковой гнетъ, интересы желудка въ узкомъ смыслѣ слова, которые извлекаютъ слезу даже изъ безстыжихъ глазъ крокодила,

---

[1]) „Гражданинъ“, № 9, стр. 23—24.

и породили въ данномъ случаѣ ту наивную смѣсь доносительства, инсинуацій и жалостныхъ воплей о вредѣ ограниченій, которую изобразила исправничья рука въ «Гражданинѣ». Вообразить только, какая каша заварилась и въ исправничьей головѣ, если послѣдняя становится способной не только примириться съ пьянствомъ и развратомъ (конечно, на чужой счетъ!), но даже проповѣдывать вредъ ограниченій и проливать слезы по поводу ихъ существованія!.. Но если всякая слеза, какъ таковая, есть признакъ и обнаруженіе страданія, то мотивы этого послѣдняго не всегда могутъ найти въ насъ откликъ и вызвать соотвѣтственное чувство; но если мѣра, предлагаемая бывшимъ исправникомъ можетъ нѣсколько подкупать въ его пользу, то обосновеніе этой мѣры ничего, кромѣ чувства глубокаго негодованія по адресу автора письма, не вызываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, и пьянство, и развратъ (допустимъ, что они существуютъ не въ фантазіи только г. бывшаго исправника), и темнота, и невѣжество, и бѣдность, и нужда безысходная —на все это, съ позволенія, наплевать, все это «полгоря», все это не можетъ служить поводомъ для уничтоженія тѣхъ порядковъ, которые вызвали и поддерживаютъ указанныя язвы народной жизни. Въ виду всего этого у г. помѣщика изъ дворянъ не дрогнула рука написать во-истину классическія по безстыдству и откровенному цинизму слова: «не хочетъ (!) человѣкъ стараться, не хочетъ учиться, и Богъ съ нимъ, не надо; тебѣ же хуже». Но вотъ г. помѣщикъ зачуялъ опасность для себя лично, будущность рисуется ему въ видѣ готоваго къ изверженію вулкана—и этого уже становится вполнѣ достаточнымъ, чтобы вопить «во имя спасенія Россіи» о нѣкоторыхъ уступкахъ для того самого мужика, котораго онъ съ такимъ легкимъ сердцемъ обрекалъ на всѣ бѣдствія и страданія, преподавая нравоучительно: «самъ виноватъ!» И обратите вниманіе, съ какою по-истинѣ престидижитаторской легкостью эти господа отождествляютъ свою безопасность съ благомъ родины, свои интересы—съ интересами Россіи!.. Ни на минуту не закрадывается въ ихъ мозгъ сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли они и родина—едино суть; ни на мигъ они не задумываются надъ тѣмъ, что вѣдь мужикъ то имѣетъ

право на улучшеніе своего положенія и удовлетвореніе своихъ потребностей совершенно независимо отъ состоянія чьего бы то ни было самочувствія, а исключительно лишь съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ интересовъ, и ужъ, конечно, не для обезпеченія только безопасности господъ помѣщиковъ изъ дворянъ, которые въ минуту жизни трудную не прочь даже къ презрѣнному мужицкому языку прибѣгнуть для «идейной» борьбы за свои шкурные интересы. Народному языку въ рукахъ всевозможныхъ бывшихъ и настоящихъ исправниковъ грозитъ перспектива сдѣлаться орудіемъ народнаго же униженія, способомъ внушенія народу въ понятной для него формѣ реакціонныхъ поползновеній... Въ народной массѣ дѣйствительно происходитъ броженіе, прорывающееся иногда взрывами въ родѣ харьковскихъ и полтавскихъ «розрухів» или же свѣжихъ событій въ различныхъ мѣстностяхъ. Причины этого коренятся въ общихъ условіяхъ русской жизни, среди которыхъ извѣстное мѣсто занимаетъ, конечно, и народная темнота, зависящая въ частности у насъ, на Украинѣ, и отъ ограниченій въ употребленіи родного языка, которыя препятствуютъ повышенію культурнаго уровня народа и истинному пониманію имъ какъ своего положенія, такъ и способовъ выйти изъ него. Какъ помочь народу разобраться въ сложныхъ явленіяхъ жизни, какъ устранить причины обнищанія и создать сносныя условія существованія—это огромный и крайне важный вопросъ, пути для рѣшенія котораго уже намѣчены наукой и указаніями жизни... Нечего и говорить, что въ рамкахъ современныхъ общихъ условій нашей жизни правильное рѣшеніе крестьянскаго вопроса невозможно, какъ невозможна даже и удовлетворительная его постановка; для этого нужно прежде всего раздвинуть указанныя рамки и не въ отношеніи только національныхъ ограниченій, которыя представляютъ лишь одно изъ слагаемыхъ въ общей суммѣ нашихъ неустройствъ. Съ расширеніемъ рамокъ, съ привлеченіемъ творческихъ силъ народа къ созидательной работѣ опредѣлятся и пути выхода изъ крайне напряженнаго, прямо таки угрожающаго положенія, созданнаго всею предыдущею бюрократическою практикою. Г. бывшій исправникъ думаетъ, что

достаточно на украинскомъ языкѣ появиться «Дружескимъ Рѣчамъ», и все дальнѣйшее пойдетъ, какъ по маслу: у насъ сразу воцарится всеобщій миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе, а «консервативный мужичекъ» подъ аккомпаниментъ этихъ рѣчей спокойно возсядетъ подъ своей смоковницей и съ наслажденіемъ будетъ поглощать изготовляемую для него по рецепту кн. Мещерскаго умственную стряпню. Картина глубоко умилительная, но... еще и еще разъ свидѣтельствующая о невообразимой кашѣ, заварившейся въ непуганной исправничьей головѣ. Вѣдь первый вопросъ—да имѣется ли въ наличности эта смоковница—разбиваетъ въ дребезги трогательную картину и выдвигаетъ цѣлый рядъ сомнѣній на счетъ цѣлесообразности пути, намѣчаемаго г. бывшимъ исправникомъ... Дѣйствительное рѣшеніе крестьянскаго вопроса, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ тѣми воплями, какіе испускаются потерявшими голову исправниками, но все-таки они попытаются приспособить и свою колесницу къ поѣзду народной жизни, стараясь обдѣлать подъ шумокъ свои личныя маленькія дѣлишки. И съ этимъ намъ необходимо будетъ считаться, ибо несомнѣнно найдутся «вполнѣ благонамѣренныя лица» (вполнѣ вѣроятно, что въ числѣ ихъ будетъ и авторъ письма), которыя испробуютъ указываемый бывшимъ исправникомъ путь и, можетъ быть, очень скоро мы услышимъ и на украинскомъ языкѣ ихъ сладенькія «Дружескія Рѣчи» на счетъ всеобщей гармоніи интересовъ и «истинныхъ» нуждъ народныхъ, трактуемыхъ съ точки зрѣнія владѣльческихъ аппетитовъ, а также преступности популяризаціи всякихъ иныхъ взглядовъ, съ этими аппетитами несогласныхъ... Въ Галиціи, напр., это уже и теперь практикуется и, если вѣрить сообщеніямъ въ печати [1]), небезъизвѣстный г. Шпитко (да и не онъ одинъ, да и не онъ первый и, конечно, не онъ послѣдній) совсѣмъ недавно предвосхитилъ блестящую идею бывшаго исправника, предпринявъ съ настоящаго года изданіе газеты «Дзвін» съ подобными же цѣлями. И опять таки никакого сомнѣнія не представляется, что всѣ эти господа будутъ съ пѣной у рта доказывать, что «всѣ остальные спутались и не знаютъ, кому чего нужно», а вотъ они—

---

1) «Л.-Н. Вістник», кн. II, хроніка, стр. 141.

истинные и единственные радѣтели о народѣ, они, разумѣется, знаютъ—до такой степени знаютъ, что могутъ даже пролить одну-другую крокодилову слезу о попранныхъ свободахъ... Но и мы знаемъ истинную цѣну этимъ слезамъ и этимъ заявленіемъ самозванныхъ радѣтелей народаго блага, «въ карманъ, по выраженію Успенскаго, норовящихъ», и въ заблужденіе они никого, конечно, не введутъ. Тѣмъ болѣе, что слезоточивое настроеніе у подобныхъ господъ быстро смѣняется угрожающимъ щелканьемъ пасти, а призывы къ свободѣ—внушительнымъ приглашеніемъ пожаловать въ участокъ..

«Кому чего нужно»—это, оказывается, знаетъ не одинъ кн. Мещерскій, но и г. Ярмонкинъ... а впрочемъ, читатель, знаете ли вы г. Ярмонкина? О, нѣтъ, вы едва ли знаете г. Ярмонкина, а потому позвольте вамъ его представить. Г. Ярмонкинъ—это редакторъ-издатель газеты „Заря"... но вы настолько, вѣроятно, невѣжественны, что и о „Зарѣ" то въ первый разъ слышите? Каюсь, я самъ до недавняго времени былъ на столько же невѣжественъ и не подозрѣвалъ даже о существованіи этой „истинно-русской" газеты, каждая строчка которой просто брыжжетъ патріотизмомъ самой высокой марки. Но если мы съ вами ничего не знали о г. Ярмонкинѣ и его «Зарѣ», то г. Ярмонкинъ и его «Заря» знали о насъ и даже больше—знали и знаютъ, чего намъ нужно. А зная это, не могли, разумѣется, не объявить своихъ знаній urbi et orbi. Съ цѣлью популяризаціи знаній г. Ярмонкина я приведу изъ его «Зари» небольшую выдержку, совершенно воздерживаясь отъ какихъ бы то ни было знаковъ удивленія и протеста. Перепечатавъ извѣстную резолюцію украинской интеллигенціи, составленную на юбилейномъ торжествѣ И. С. Левицкаго, «Заря» отъ себя уже продолжаетъ:

„Останавливаясь на словѣ „украинская", мы спросимъ: почему же не „малорусская"? До сихъ поръ у насъ всегда шла рѣчь о «малорусскомъ» народѣ, о «малорусской рѣчи,—и что-то не слыхать было объ «украинскомъ» народѣ и украинской рѣчи. Откуда этотъ народъ, эта рѣчь и эта интеллигенція взялась? Была когда-то Украйна, когда за нею шли степи татарскія и потомъ турецкія, существуетъ Украйна въ поэзіи, но теперь въ дѣйстви-

тельности—ея нѣтъ, есть только Украйна—въ мечтахъ галицкихъ и буковинскихъ украйнофиловъ, которымъ она, какъ извѣстно, нужна для сепаративныхъ цѣлей, созданія «Руси-Украйны отъ Карпатъ до Кавказа» подъ крыломъ Австріи. Вѣдь дѣятельность галицкихъ и буковинскихъ украйнофиловъ не тайна, она совершенно открытая, съ нею открыто борется такъ называемая русская галицкая партія. Для своихъ сепаративныхъ антирусскихъ цѣлей украйнофилы, какъ извѣстно, сочиняютъ свой исковерканный языкъ, ничего общаго не имѣющій съ языкомъ малороссійскимъ. Не этотъ ли языкъ наша новая „украинская интеллигенція" мечтаетъ вводить въ школы народныя? Это названіе «украинской интеллигенціи» не указываетъ ли на связь ея съ украйнофилами Галичины и Буковины? Повторяемъ: украинскаго народа, украинской рѣчи нѣтъ и никогда не было, и слѣдовательно, нѣтъ и не можетъ быть у насъ украинской интеллигенціи [1]).

Въ лѣто отъ Р. Х. 1905-ое г. Ярмонкинъ симъ торжественнымъ декретомъ упразднилъ насъ съ тобою, читатель! Прочитавъ это категорическое, не допускающее возраженій «повторяемъ»—я въ самомъ дѣлѣ усомнился, было, сначала въ своемъ существованіи: не сонъ ли это, что я существую, какъ украинскій интелигентъ, разъ „украинскаго народа, украинской рѣчи нѣтъ и никогда не было"?... Но послѣднія слова возвратили меня къ дѣйствительности и показали, что дѣло вовсе не такъ ужъ страшно обстоитъ. Позвольте, г. Ярмонкинъ, какъ же это, „никогда не было", когда по вашимъ же собственнымъ словамъ выходитъ, что «*была когда-то* Украйна» хотя бы въ видѣ преддверія къ татарскимъ степямъ? А затѣмъ что́ это еще значитъ, что «существуетъ Украйна въ поэзіи» и какое отношеніе эта поэтическая Украина занимаетъ къ жизни? Продолжая на счетъ этого недоумѣвать, я однако уже не сомнѣваюсь въ своемъ существованіи, тѣмъ болѣе, что украинскіе интеллигенты за кордономъ несомнѣнно существуютъ, ибо даже декретомъ г. Ярмонкина установлено, что они,

---

[1]) «Заря» 1905 г. № 208.

«какъ извѣстно, сочиняютъ свой исковерканный языкъ», а вѣдь нельзя даже и исковерканный языкъ сочинять, не имѣя вполнѣ реальнаго существованія въ дѣйствительности. Cogito, ergo sum: сочиняютъ—значитъ мыслятъ, а мыслятъ—значитъ существуютъ, хотя я не совсѣмъ еще понимаю, зачѣмъ это понадобилось имъ сочинять „исковерканный" языкъ, когда несомнѣнно гораздо удобнѣе было бы, если ужъ заниматься подобнымъ неблагодарнымъ дѣломъ, сочинять неисковерканный (все одно вѣдь сочинять!). Но поразмысливъ немного, я понялъ, что г. Ярмонкинъ не спроста такъ хитро повелъ рѣчь. Упомянувъ о сочиненіи исковерканнаго языка и изобразивъ не кистью, а помеломъ сепаративныя цѣли заграничныхъ нашихъ товарищей, онъ коварно подмигиваетъ: «не этотъ ли языкъ наша новая „украинская интеллигенція" мечтаетъ вводить въ школы народныя? Это названіе „украинской интеллигенціи" не указываетъ ли на связь ея съ украйнофилами Галичины и Буковины?» Однако я уже настолько, благодаря г-ну же Ярмонкину, утвердился въ своемъ существованіи, что не обинуясь отвѣчаю: „да, этотъ; да, указываетъ"—и пусть судитъ меня г. Ярмонкинъ своимъ строгимъ судомъ, но изданіе декретовъ пусть оставитъ: это ему весьма не къ лицу. Притворяться что-то такое знающимъ и въ то же время не умѣть десятка словъ связать, чтобы не обнаружить полнаго невѣжества—это качества, согласитесь, даже для изданія декретовъ весьма неудобныя...

Вообще крайне поразительна та легкость, съ которой всевозможные г-да Ярмонкины берутся за разрѣшеніе украинскаго вопроса, не имѣя ровно никакого представленія ни о его положеніи, ни о принципіальномъ обоснованіи, ни даже о фактической сторонѣ дѣла. Всякій изъ нихъ считаетъ чуть ли не священной своей обязанностью повторять неумныя, избитыя выдумки объ исковерканномъ языкѣ, сепаратизмѣ и т. п., не понимая даже всей глубины той пошлости, какую повторяетъ съ чужого голоса. И все это съ авторитетнымъ видомъ знатока, напоминающимъ глубокомысленную позицію извѣстнаго критика, фигурирующаго въ одной изъ крыловскихъ басенъ... Обсужденіе всякаго другого вопроса предпо-

лагаетъ хоть элементарное знакомство съ предметомъ; въ нашемъ же дѣлѣ совершенно наоборотъ: чѣмъ меньше знаній, тѣмъ больше развязность, тѣмъ авторитетнѣе тонъ, тѣмъ нетерпимѣе и высокомѣрнѣе отношеніе. Съ фактами совершенно не считаются, ихъ на каждомъ шагу извращаютъ, ихъ просто знать не хотятъ, замѣняя въ случаѣ нужды общимъ взглядомъ, выработаннымъ еще въ 60-е годы Катковымъ со товарищи, и не гнушаясь выдумывать нужные сейчасъ для тѣхъ или иныхъ цѣлей „факты", и притомъ выдумывая мелко, злобно, пошло, перерывая эти выдумки беззубыми остротами на „счетъ хохлацкой лѣни", „закавыки" и тому подобными милыми продуктами обывательскаго острословія. Въ дополненіе къ сказанному приведу еще одинъ примѣръ. Что, кажется, можетъ быть трагичнѣе того положенія, при которомъ многомилліонному народу закрыты всѣ пути къ употребленію родного—языка-ли, нарѣчія или жаргона—это совершенно безразлично по существу? Повидимому, такое положеніе должно бы менѣе всего вызывать людей на безпредметное, безцѣльное зубоскальство, а между тѣмъ именно такое отношеніе на каждомъ шагу встрѣчается въ русской прессѣ и охотниковъ позубоскалить на счетъ „хохловъ" всегда было и есть достаточно. По поводу украинской депутаціи въ Петербургѣ „Слово", напр., пишетъ:

«У казаковъ есть выраженіе: «искать языка»... Тамъ это употребляется въ переносномъ смыслѣ, но *блуждающіе по городу* малороссійскіе депутаты ищутъ свой языкъ въ прямомъ (?) смыслѣ этого слова.

Дѣйствительно, если посмотрѣть на вещь просто, оно *довольно таки оригинально* и только? человѣку запрещаютъ говорить и читать на родномъ языкѣ.

— А думать?

— Думать можете!

И малороссъ *со свойственной ему медлительностью* начинаетъ думать о своемъ родномъ языкѣ. Думаетъ онъ долго, методично, совершенно не обращая вниманія на то, что происходитъ около него» [1]).

---

[1]) «Слово» 1905, № 59.

И такъ далѣе—пошла молоть мельница пошлаго зубоскальства! Это образчикъ типичнѣйшаго обывательскаго отношенія къ украинскому вопросу. Хочется обывателю и себя, и другихъ увѣрить, что „малороссу не нужна его рѣчь, не нуженъ отживающій говоръ“ [1]) или, что украинцы—тѣ же великороссы (для обывателя достоинство націи измѣряется вѣдь количественнымъ показателемъ), и онъ начинаетъ съ зубоскальства надъ вещами, значенія которыхъ не въ состояніи понять, и оканчиваетъ кой-чѣмъ похуже, въ чемъ повидимому также не отдаетъ себѣ отчета.

«*Я былъ*,—продолжаетъ авторъ цитированной замѣтки въ «Словѣ»,—на открытіи памятника Котляревскому и присутствовалъ при самой яркой манифестаціи украинофильскихъ чувствъ. Когда на сценѣ, гдѣ происходило засѣданіе думы, началось чтеніе адресовъ, надо было видѣть волненіе публики, крики восторга... *Появились какіе то невѣдомые писатели въ чоботахъ и писательницы съ хусточками въ рукахъ и вѣнками на головахъ*. Мой сосѣдъ, типичный Тарасъ Бульба, объяснялъ мнѣ:

— Тожь Олина (sic) Пчілка.

— Кто это?

— Писательница. Гарно пише ой якъ гарно!

— А это кто?

— Левицкій. Оце хеній! хеній! не уступитъ самому Котляревскому.

Адресы было запрещено читать на малорусскомъ языкѣ и когда депутатъ отъ Чернигова *въ шароварахъ шириною въ Черное море началъ:*

— Друже Полтаво!..

и былъ немедленно остановленъ, надо было видѣть эти лица. Былъ еще порохъ въ пороховницахъ, не изсякла казацкая сила» [1]).

Рѣшительно непонятно, для чего понадобилась вся эта сознательная ложь,—говорю «сознательная», ибо если авторъ дѣйствительно былъ въ Полтавѣ, то онъ знаетъ, что всѣ эти чобо-

---

[1]) Тамъ же.

ты, хусточки и шаровары существуютъ лишь въ его фантазіи, а если не былъ, то зачѣмъ притворяется очедвидцемъ происходившаго на открытіи памятника Котляревскому?.. Но при всей своей непонятности, поступокъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне характерный для обывательскаго отношенія къ украинскому вопросу. Очевидно, здѣсь все позволено, всякое средство годится, лишь бы доказать излюбленный въ нѣкоторыхъ сферахъ тезисъ, что «малороссу не нужна его рѣчь»: выдумалъ, солгалъ—и доволенъ, и гоголемъ похаживаетъ да руки отъ удовольствія потираетъ: какъ, молъ, я ихъ ловко отдѣлалъ!.. И на этомъ еще не конецъ: эти же лживые и невѣжественные, пустые и самодовольные, беззаботные на счетъ правды люди осмѣливаются при томъ снисходительно поучать насъ на счетъ узости, шовинизма, «патріотизма колокольни»,—тѣ самые люди, которые создали единственную во всемъ мірѣ градацію «потреотизма» въ понятіяхъ просто русскаго и «истинно-русскаго» человѣка; тѣ люди, которые расплодили «патріотовъ своего отечества» въ такомъ огромномъ количествѣ, что всякому просто человѣку тѣсно жить стало въ этомъ отечествѣ, гдѣ атмосфера почти сплошь отравлена безпрерывной травлей, науськиваньями и призывами къ недреманному оку консуловъ о сокращеніи всего, не отмѣченнаго патентомъ «истинно русскаго»!.. Понимая національный вопросъ лишь въ смыслѣ воинствующаго обрусенія и отождествляя право на развитіе каждой національности съ захватами на счетъ сосѣдей, они и намъ стараются навязать свое пониманіе и, навязывая, въ тоже время ополчаются противъ созданнаго ими фантома, такъ какъ видятъ въ этомъ покушеніе на свои собственныя, исключительно имъ принадлежащія прерогативы. И мы вовсе не намѣрены оспаривать этихъ прерогативъ, предоставляя всякія націоналистическія тенденціи патентованнымъ патріотамъ своего отечества и отстаивая лишь свои несомнѣнныя права на національное существованіе и развитіе. И въ этомъ послѣднемъ отношеніи, разумѣется, уже не можетъ быть никакихъ уступокъ: не предъявляя претензій на захватъ чужого, мы въ тоже время будемъ отстаивать отъ захватовъ свое собственное: съ этой точки зрѣнія будемъ также и

отвѣчать на вопросъ: „что намъ нужно“, освѣщая его свѣтомъ общечеловѣческихъ идеаловъ и не противорѣчащихъ послѣднимъ нашихъ собственныхъ нуждъ и интересовъ...

Но довольно о слезахъ крокодила, о болѣе чѣмъ сомнительной свободѣ князя Мещерскаго и бывшаго исправника, о декретахъ г. Ярмонкина и плоскихъ измышленіяхъ «Слова». Очевидно, что если они и притворяются знающими,—«кому чего нужно», то лишь для сокрытія собственной пустоты, что́ невольно ими и обнаруживается вмѣстѣ съ голымъ своекорыстіемъ и напускною авторитетностью; очевидно, что не у этихъ обиженныхъ природой людей искать намъ отвѣта на вопросъ—«что намъ нужно». О нихъ мы можемъ не безпокоиться, но вотъ уже съ сожалѣніемъ приходится отмѣчать иногда, что характиризованное выше обывательское отношеніе не только среди г.г. Ярмонкиныхъ и бывшихъ исправниковъ сдѣлало прочныя завоеванія, а проникаетъ глубже и прорывается невообразимой путаницей даже тамъ, гдѣ, казалось бы, возможно и умѣстно иное отношеніе. Встрѣчая слезы, источаемыя на страницахъ «Гражданина», читая благоглупости «Зари», выдумки «Слова» и откровенные доносы и клевету «Дня» (есть такая сугубо «потреотическая» газетка), мы, конечно, не удивляемся, ибо знаемъ, что эти люди выросли въ мѣстахъ, гдѣ нехорошо пахнетъ, и такъ пропитались этимъ нехорошимъ запахомъ, что органически неспособны къ иному поведенію. Но вотъ, напр., «Кіевскіе Отклики»—газета серьезная, никогда не спекулировавшая ни на какой травлѣ, газета издающаяся въ центрѣ Украины и между своими сотрудниками насчитывающая имена, причастныя къ украинской литературѣ, наконецъ выступавшая не разъ съ съ серьезными заявленіями симпатіи по адресу украинскаго движенія—и тѣмъ не менѣе даже здѣсь прорываются иногда уму непостижимыя вещи. Высказываясь противъ шовинистическихъ выходокъ «Кіевлянина» и отмѣчая, что эти выходки могутъ найти благопріятную почву въ племенномъ составѣ населенія такъ называемаго Юго-Западнаго Края, «Кіевскіе Отклики» слѣдующимъ образомъ опредѣляютъ это населеніе:

«Одна часть его входила въ составъ и теперь прилегаетъ къ Царству Польскому; значительное пространство его вмѣщаетъ въ себѣ такъ называемую «черту осѣдлости» — одно изъ немногихъ мѣстъ нашего отечества, въ которомъ разрѣшается осѣдлое пребываніе евреямъ; третимъ составнымъ элементомъ населенія края являются малороссы, *отчасти занимающіе опредѣленныя его мѣстности, отчасти прибывающіе въ него изъ сосѣднихъ губерній.* Такимъ образомъ волею историческихъ сочетаній *коренное русское населеніе должно въ нашемъ краѣ сожительствовать съ поляками, евреями и малороссами»* [1]).

Здѣсь что ни слово, то поводъ къ недоумѣнію: что значитъ выраженіе—«отчасти занимающіе опредѣленныя его мѣстности, отчасти прибывающіе въ него изъ сосѣднихъ губерній», въ приложеніи къ украинцамъ? Какое это «коренное русское населеніе», противополагаемое, между прочимъ, пришлымъ очевидно украинцамъ? И кто, наконецъ, составляетъ коренное населеніе въ краѣ?.. Всѣ эти недоумѣнія обращаются въ сплошной вопросительный знакъ: какъ сіе понимать должно? Если бы подобныя строки мы встрѣтили въ одномъ изъ мѣстъ, гдѣ нехорошо пахнетъ—о, мы бы знали, какъ ихъ понимать, но въ «Кіевскихъ Откликахъ» онѣ звучатъ совершенно неумѣстнымъ диссонансомъ и, отмѣтивъ ихъ знакомъ вопроса, можно лишь ограничиться дружескимъ совѣтомъ избѣгать по крайней мѣрѣ на будущее время подобной путаницы, явно подающей поводы къ лишнимъ недоразумѣніямъ и представляющей болѣе чѣмъ шаткое основаніе при рѣшеніи вопроса—кому чего нужно—на практикѣ.

Вообще говоря, наиболѣе цѣлесообразное рѣшеніе этого вопроса достижимо лишь при такомъ общественномъ и государственномъ устройствѣ, которое предоставитъ его компетенціи заинтересованныхъ національностей: онѣ лучше всего сумѣютъ устроить свои дѣла и отношенія и опредѣлить свои національныя нужды и потребности. Противъ этого говорятъ, что при свободномъ на-

[1]) «Кіевскіе Отклики», № 65. «Два съѣзда въ стилѣ moderne».

ціональномъ самоопредѣленіи, не регулируемомъ вмѣшательствомъ нѣкоторой vis major, можетъ произойти взаимная борьба, въ которой пораженіе достанется на долю, конечно, слабѣйшихъ. Несомнѣнно, можетъ быть столкновеніе и борьба національныхъ интересовъ, но при свободномъ самоопредѣленіи, когда каждой изъ національностей будутъ равно обезпечены всѣ человѣческія права, равнодѣйствующая различныхъ интересовъ пойдетъ въ такомъ направленіи, которое устранитъ всѣ отвратительныя проявленія національной вражды и ненависти. Эта равнодѣйствующая, безъ насилія надъ чужой совѣстью, безъ ломки чужихъ убѣжденій, и опредѣлитъ собой то, что нужно каждой національности въ отдѣльности и всѣмъ вмѣстѣ. Я никогда не повѣрю, чтобы напр., великорусскому народу нужна была насильственная ассимиляція украинцевъ, поляковъ, грузинъ, армянъ и др.: это можетъ быть нужно (да и то въ сущности едва ли нужно) другимъ сферамъ, которыя свои ассимиляторскія вожделѣнія лишь навязываютъ народу. Точно также не можетъ быть нужды у народа украинскаго въ ассимиляціи кого-либо изъ своихъ сосѣдей или даже живущихъ на его територіи колонистовъ; угнетенію при свободѣ самоопредѣленія и равной обезпеченности правъ личности не будетъ здѣсь мѣста и параллельныя нужды національнаго развитія каждаго изъ сосѣдей будутъ мирно уживаться рядомъ, способствуя лишь спокойному сосуществованію и совмѣстной дѣятельности въ направленіи взаимнаго развитія, взаимныхъ услугъ и сотрудничества. Нужно понять, наконецъ, что національный вопросъ, хотя бы и у насъ (какъ и вездѣ впрочемъ), созданъ не нами, а тѣми, кто, препятствуя свободному обнаруженію и развитію національныхъ потребностей, ежечасными оскорбленіями и заушеніями напоминаютъ о существованіи этого больного вопроса. Вычеркнуть его совершенно изъ счетовъ жизни—нѣтъ возможности; остается или обострять отношенія старой политикой притѣсненій, или вступить на новый путь—удовлетворенія запросовъ, вытекающихъ изъ національныхъ потребностей,—третьяго пути нѣтъ. Какая часть предложенной альтернативы заключаетъ единственно справедливое и единственно

мирное разрѣшеніе національнаго вопроса—объ этомъ нечего распространяться, такъ какъ это ясно до очевидности. При возможности свободнаго самоопредѣленія и удовлетворенія національныхъ потребностей, національный вопросъ просто перестанетъ существовать, какъ не существуетъ вопросъ насыщенія для сытаго человѣка; силы націи пойдутъ не на консервативную работу отстаиванія своего національнаго *я*, а на прогрессивную, созидательную—развитія и усовершенствованія, достиженія возможно справедливыхъ условій человѣческаго общежитія. Тяжелый кошмаръ національной розни, поддерживаемый всѣмъ современнымъ строемъ, исчезнетъ и перестанетъ смущать покой людей, которые въ представителѣ другой націи будутъ видѣть прежде всего человѣка, а не враждебную особь. Названія «варваръ», «непріятель», которыми въ класическомъ мірѣ привѣтствовали всякаго иностранца и которые уже и теперь потеряли значительную долю своей остроты, совершенно будутъ вычеркнуты изъ словаря человѣческаго общества.

Но пока этого нѣтъ, пока мы видимъ другое, пока мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ попытками навязать намъ рѣшеніе вопроса—«что намъ нужно», и должны давать отпоръ этому непрошенному вмѣшательству. Возникаетъ интересный вопросъ, почему эти попытки особенно настойчивы относительно насъ съ вами, читатель? Почему ни кн. Мещерскій, ни г. Ярмонкинъ, ни другой кто-либо даже при желаніи привести всѣхъ и вся къ одному знаменателю, не станетъ съ такой же легкостью и развязностью рѣшать за поляковъ, за финдляндцевъ и др. ихъ кровные вопросы и лишь относительно насъ захватили эту вовсе имъ не принадлежащую привиллегію?.. Отчасти такое исключительное отношеніе объясняется несчастно сложившимися обстоятельствами нашей исторіи, а отчасти—что грѣха таить—и мы сами въ этомъ виноваты. Исторія сдѣлала насъ предметомъ экспериментовъ слишкомъ рано, когда наша культурная организація не вполнѣ опредѣлилась и потому, какъ и всякій переходной типъ, не отличалась устойчивостью. Не обладая послѣдней, мы представляли слишкомъ легкую жертву для экспериментовъ и дошли, наконецъ,

до того, что намъ навязывали рѣшеніе нашихъ же вопросовъ, совершенно не считаясь съ нашими потребностями и не пытаясь даже освѣдомиться о нашихъ желаніяхъ. Мало по малу насъ просто вычеркнули изъ списка существъ, имѣющихъ свои собственные интересы, и отождествили эти послѣдніе цѣликомъ со своими. Еще, напр., въ 50-хъ годахъ было отмѣчено Кулишемъ, что «*Парус* (органъ славянофиловъ) у своему универсалі перелічив усі народности, тільки забув про нашу, *бо ми, бач, дуже однакові, близькії родичі: як наш батько горів, так іх грівся!*»[1]). А современные «Парусы» въ видѣ «Зари», «Слова» и т. п. органовъ уже просто говорятъ, что «малороссу не нужна его рѣчь, не нуженъ отживающій говоръ»[2]). И эту старую пѣсню подхватываютъ все новые и новые пѣвцы, и съ усердіемъ размахиваютъ предъ нашими глазами этимъ истрепавшимся вздоромъ. А мы съ вами, читатель, пассивно помогали отмѣченной эволюціи, которая противъ нашего желанія вычеркивала насъ изъ списка живыхъ національностей; мы черезчуръ были податливы, мы слишкомъ робко говорили о себѣ, мы напрасно деликатничали съ развязными молодцами, заколачивавшими гробъ на нашемъ живомъ народномъ организмѣ. Мы слишкомъ стѣснялись своего «мужицкаго» (конечно, понимая это не въ буквальномъ смыслѣ) происхожденія, своей принадлежности къ націи безъ названія,— націи, представляемой почти исключительно «дядька́ми», какъ часто опредѣляетъ себя народъ; мы не отстаивали кровныхъ интересовъ этихъ «дядьків» и вотъ поэтому то историческая Немезида и возложила на насъ кару въ видѣ той путаницы, которая скопилась вокругъ нашего имени. Здѣсь именно, въ нашей податливости и мягкости и лежитъ причина той смѣлости, съ которой охранители берутся говорить за насъ и рѣшать вопросы, относительно которыхъ компетенція принадлежитъ намъ, и только намъ...

---

[1]) Чалый—Жизнь и произведенія Т. Шевченка. Кіевъ, 1882. Стр. 136.

[2]) «Слово», № 59.

Но уроки исторіи не проходятъ даромъ для тѣхъ, кто пожелаетъ что-нибудь почерпнуть изъ этихъ уроковъ. Цѣною тяжелыхъ испытаній, дорогою, усѣянной «колючим терном», дошли мы, наконецъ, до сознанія своего національнаго существованія, своихъ правъ и обязанностей по отношенію къ родному народу и, конечно, уже не должны повторять старыхъ грѣховъ и ошибокъ. Ясная и опредѣленная программа дѣятельности и неуклонное осуществленіе ея въ жизни—вотъ вопросы ближайшей минуты для сознательнаго украинскаго общества. И нужно надѣяться, что оно отнесется къ этимъ вопросамъ со всею серьезностью, какая требуется и свойствами ихъ самихъ, и особенностями переживаемаго нами историческаго момента...

А пока обратимся въ заключеніе къ текущимъ дѣламъ. Начинаютъ уже выясняться въ первой инстанціи результаты опроса, предпринятаго комитетомъ министровъ по поводу запретительныхъ мѣропріятій, тяготѣющихъ надъ украинскимъ словомъ. Читатель помнитъ, что первой инстанціей были—академія наукъ, университеты кіевскій и харьковскій и представитель административной власти—кіевскій подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ. Изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что академія наукъ отнеслась къ вопросу съ полнымъ вниманіемъ и уже подготовила мотивированную данными науки и жизни записку, въ которой проведена мысль о полной отмѣнѣ какихъ-бы то ни было ограниченій по отношенію къ украинской литературѣ. Какъ сообщаютъ газеты [1]), то же постановили и названные университеты, высказавшись единогласно за уравненіе украинской литературы съ литературой русской. Остается пока неизвѣстнымъ отзывъ генералъ-губернатора, но едва ли онъ можетъ быть отрицательнымъ, имѣя въ виду, что одинъ изъ предшественниковъ нынѣшняго генералъ-губернатора уже высказался въ свое время по данному вопросу также въ смыслѣ отмѣны

---

[1]) «Кіевская Газета», № 57, «Кіевскіе Отклики», № 60, „Діло", № 46, „Русскія Вѣдомости", № 73.

всякихъ специальныхъ ограниченій. Вопросъ, слѣдовательно, переходитъ въ дальнѣйшія инстанціи,—прежде всего къ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. «Не станемъ гадать,—говоритъ въ «Кіевской Газетѣ» по поводу рѣшенія университетской коллегіи г. Петрищевъ,—совпадутъ ли окончательные выводы съ мнѣніемъ профессоровъ кіевскаго университета. Слишкомъ мудрено не совпасть... Чтобы снять вопросъ объ украинскомъ языкѣ, надо уничтожить причины. Малорусскаго населенія въ Россіи до 30 милліоновъ. Въ немъ есть созданная исторіей потребность говорить и писать на своемъ языкѣ. И пока эта потребность не удовлетворена или пока малороссы не вытурены изъ предѣловъ имперіи, вопросъ останется вопросомъ»... Отмѣтивъ вздорность криковъ о сепаратизмѣ, которыми любятъ сопровождать всякое требованіе равноправія языковъ доморощенные политиканы, г. Петрищевъ заключаетъ: «Я по происхожденію «кацапъ». Украинскій языкъ—не родной мнѣ. У меня нѣтъ эгоистическихъ мотивовъ защищать его. И потому я имѣю нѣкоторое основаніе безпристрастно привѣтствовать рѣшеніе университетской комиссіи» [1]). Мнѣ пріятно отмѣтить совпаденіе мнѣній украинскаго общества съ отзывомъ «кацапа» г. Петрищева. Это показываетъ, что даже посторонніе люди, не надѣвающіе очковъ человѣконенавистничества, усматриваютъ въ данномъ вопросѣ его общечеловѣческую сторону и съ этой точки зрѣнія не могутъ не привѣтствовать всякаго акта справедливости, хотя бы онъ и не затрагивалъ непосредственно ихъ эгоистическихъ интересовъ.

Второй подобный же фактъ, который я обязанъ здѣсь отмѣтить—это рѣшеніе комитета министровъ по вопросу объ изданіи книгъ св. писанія на украинскомъ языкѣ. Оффиціальное извлеченіе изъ журнала комитета министровъ отъ 15 февраля излагаетъ дѣло въ слѣдующемъ видѣ:

Выслушавъ въ присутствіи Великаго Князя Константина Константиновича и митрополита Антонія возбужденный Вели-

---

1) «Кіевская Газета», № 57. «Первый отзывъ».

кимъ княземъ вопросъ объ отмѣнѣ ограниченій изданія св. писанія на малороссійскомъ нарѣчіи, комитетъ остановился на слѣдующихъ соображеніяхъ. Изъ представленныхъ Его Императорскимъ Высочествомъ объясненій усматривается, что запрещеніе печатанія малорусскихъ книгъ духовнаго содержанія послѣдовало въ 1863 году вслѣдствіе признанія, что переводъ св. писанія не оправдывается свойствомъ языка и потребностью народа, а имѣетъ характеръ исключительно политическій. Въ 1901 году академія наукъ получила въ даръ отъ наслѣдника Морачевскаго переводъ евангелія на малороссійскомъ языкѣ съ тѣмъ, чтобы онъ былъ напечатанъ академіей. Великій князь возбудилъ вопросъ о напечатаніи труда, принявъ во вниманіе, что опасенія политическаго характера потеряли остроту. Съ другой стороны малороссы страстно желаютъ читать слово Божіе на родномъ нарѣчіи. На запросъ министры внутреннихъ дѣлъ Плеве и Святополкъ-Мирскій одинаково высказались, что вопросъ этотъ можетъ быть разсматриваемъ съ точки зрѣнія религіозной и научной. Переводъ Морачевскаго былъ изученъ академіей и за нимъ признано высокое научное достоинство. Въ видахъ разсмотрѣнія вопроса съ религіозной стороны Великій князь, признавая особенно желательнымъ удовлетвореніе законнаго стремленія малороссіянъ именно теперь въ тяжкое время, переживаемое родиной, вошелъ въ св. синодъ съ просьбой удостоить этотъ переводъ святительскаго благословенія. Комитетъ министровъ всецѣло присоединился къ сужденіямъ Великаго князя, признавая эту мѣру вполнѣ отвѣчающей предначертаніямъ Государя Императора въ пунктѣ 6 указа отъ 12 декабря; вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ присоединяется всецѣло къ заявленію митрополита Антонія о необходимости испрошенія на каждое изданіе благословенія синода. Имѣя въ виду, что на разсмотрѣніе синода уже представленъ переводъ евангелія, комитетъ признаетъ особенно благовременнымъ повергнуть это дѣло на благовоззрѣніе Его Императорскаго Величества. Таковое положеніе комитета удостоилось Высочайшаго утвержденія 25 февраля сего года [1]).

---

1) «Кіевскіе Отклики», № 62.

Для правильной оцѣнки этого сообщенія приходится напомнить обстоятельства перваго запрещенія евангелія въ 1860-хъ гг., причемъ необходимо замѣтить, что и тогда рѣчь шла о томъ самомъ переводѣ Морачевскаго, о которомъ упоминается и въ приведенномъ оффиціальномъ сообщеніи. Коммиссія изъ духовныхъ лицъ, разсматривавшая тогда переводъ съ богословской точки зрѣнія, аттестовала его, какъ «вѣрный подлиннику и выполненный хорошо» [1]). Академики Востоковъ, Никитенко и Срезневскій, изучавшіе переводъ съ научной стороны, дали о немъ слѣдующій отзывъ: «Евангеліе, переведенное на малороссійское нарѣчіе Морачевскимъ, есть въ высшей степени трудъ замѣчательный и полезный. Малороссійское нарѣчіе въ немъ, можно сказать, блистательно выдерживаетъ испытаніе этого рода и уничтожаетъ всякое сомнѣніе, многими питаемое, въ возможности выразить возвышенныя чувства сердца. Нѣтъ сомнѣнія, что переводъ евангелія Морачевскаго долженъ сдѣлать эпоху въ литературномъ образованіи малороссійскаго нарѣчія» [2]). За допущеніе перевода высказался и тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ по соображеніямъ просвѣтительнаго характера: «малороссійскій переводъ евангелія, исправленный духовною цензурою, составитъ одно изъ прекраснѣйшихъ дѣлъ, которыми ознаменовано нынѣшнее царствованіе, и министерство народнаго просвѣщенія должно желать этому дѣлу скорѣйшаго и полнаго успѣха» [3]). Однако, не смотря на полное единодушіе приведенныхъ отзывовъ и вопреки имъ, св. синодъ призналъ, какъ узнаемъ теперь, что украинскій переводъ св. писанія «не оправдывается свойствомъ (?) языка и потребностью (?) народа, а имѣетъ характеръ исключительно политическій», присоединившись, такимъ образомъ, къ единственному неблагопріятному отзыву о переводѣ, сдѣланному тогдашнимъ

---

[1]) Огоновскій проф.—Исторія литературы рускои, Львовъ, 1889, ч. II, отд. I, стр. 136.

[2]) Ibid., а также „Кіевская Старина“, 1902 г., сентябрь, „Документы“, стр. 94.

[3]) М. Лемке—Эпоха цензурныхъ реформъ, Спб. 1904, стр. 306.

кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Анненковымъ. Произошло именно то «смѣшеніе религіи съ политикой», о которомъ говорилъ недавно В. В. Лесевичъ, а «неопытная канцелярская ошибка» Анненкова, какъ выражался о его отзывѣ Головнинъ [1]), опредѣляетъ отношеніе административныхъ сферъ къ вопросу въ теченіе 40 лѣтъ. И даже по истеченіи этого времени понадобились опять настойчивыя представленія академіи наукъ, снова признавшей за переводомъ «высокое научное достоинство»; понадобилось указаніе Великаго князя на то, что «малоро́сы страстно желаютъ читать слово Божіе на родномъ нарѣчіи»; понадобилось со стороны двухъ министровъ отрицаніе въ евангеліи политики (!), и сорокъ лѣтъ тому назадъ считавшейся относительно даннаго вопроса плодомъ «неопытной канцелярской ошибки», чтобы побудить представителей христіанской це́ркви взглянуть на вопросъ съ единственно умѣстной для нихъ точки зрѣнія и сдвинуть дѣло съ той мертвой точки, на которой оно застряло... Такъ дѣлается у насъ исторія. Невольно подымаются опять и опять старые, но до сихъ поръ не потерявшіе своей остроты вопросы о степени пригодности канцелярскаго механизма, подверженнаго всѣмъ случайностямъ «неопытныхъ канцелярскихъ ошибокъ», смѣшенія по самому существу несовмѣстимыхъ соображеній, нежеланія считаться съ насущными потребностями и реальными нуждами населенія и т. п. На каждомъ шагу этотъ бюрократическій механизмъ обнаруживаетъ свою полную несостоятельность, выдаетъ себѣ несокрушимое testemonium paupertatis и призываетъ, хотя и противъ своего желанія, живыя общественныя силы къ упраздненію отжившаго строя и замѣнѣ его инымъ, болѣе отвѣчающимъ современнымъ условіямъ жизни...

Сергій Ефремовъ.

---

[1]) Ibid.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

КНИГА 2-ая—ФЕВРАЛЬ, 1905 г.

нія и переводы.—V. Зеленый Сборникъ стиховъ и прозы.—*Евг. Л.*—VI. Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.—*В. В.*—Новыя книги и брошюры.—XV.—Новости иностранной литературы.—I. Arthur Eloesser, Litterarische Portraits aus dem modernen Frankreich.—II.—Willy, Minne.—*З. В.*—XVI.—Изъ общественной хроники.—Положенія комитета министровъ объ охраненіи силы закона, о государственномъ страхованіи, о переустройствѣ земскаго и городского общественнаго управленія.—Постановленія земскихъ и дворянскихъ собраній.—Заявленіе профессоровъ и преподавателей высшихъ школъ.—Перемѣна въ управленіи министерствомъ юстиціи.—XVII.—Извѣщенія.—I. Отъ Учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Маляревскаго и Е. П. Радина.—II. Отъ Канцеляріи Имп. Женскаго Патріотическаго Общества.—III. Отъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона.—XVIII.—Библіографическій Листокъ.—Исторія г. Москвы, ч. 1-ая, Ив. Забѣлина.—Полное собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, кн. V. Русская живопись, В. А. Никольскаго.—Всеобщая исторія О. Іегера, вып. 1-ый.—Собраніе сочиненій Г. Ибсена, т. III, перев. съ дат. А. и П. Ганзенъ.—XIX.—Объявленія.—I-IV; IXII.

КНИГА 3-я.—МАРТЪ, 1905.

I.—Мои замѣтки.—Лѣто 1900—іюнь 1904 г.—Окончаніе.—*А. Н. Пыпина.*—II.—По совѣсти.—Романъ изъ помѣщичьей жизни нашего времени.—V—XI.—*А. Новикова.*—III. Александръ и Наполеонъ I.—Послѣдніе годы ихъ дружбы и союза.—IV—VI.—*Ѳ. Ѳ. Мартенса.*—IV.—Изъ моихъ воспоминаній.—1842—1860 гг.—V—X.—*Ек. Юнге.*—V.—Женщина съ вѣеромъ.—Романъ.—Rob. Hichens. The Woman with the fan.—I—VI.—съ англ. *З. В.*—VI.—Гермесъ трижды-великій, «Соперникъ христіанства».—VIII.—XIII.—Окончаніе.—*Ѳ. Ф. Зѣлинскаго.*—VII.—На вѣткѣ.—Эскизъ по роману: «Sur la branshe», par Pierre de Coulevain.—V—VII.—Окончаніе.—Съ франц. *О. Ч.*—VIII.—Еврейскія колоніи въ Аргентинѣ.—По личнымъ наблюденіямъ.—*Н. А. Крюкова.*—IX.—Хроника.—Тяжелые уроки.—*Л. З. Слонимскаго.*—X.—Внутреннее обозрѣніе.—Высочайшій манифестъ 4-го февраля.—«Политика довѣрія» и «политика порядка».—Газетный призывъ къ репрессіямъ и казнямъ.—Мнимыя послѣдствія «уступокъ».—Мнимо счастливая эпоха.—Идея земскаго собора; ея несвоевременность

или своевременность, неосуществимость или осуществимость.—Положенія комитета министровъ по вопросамъ о земскомъ и городскомъ самоуправленіи, о печати, о вѣротерпимости.—Коммиссія Н. В. Шидловскаго.—Записки по рабочему вопросу.—XI.—Записка четырнадцати редакцій и отвѣтъ на нее двухъ членовъ Особаго Совѣщанія по дѣламъ печати.—*К. К. Арсеньева и М. М. Стасюлевича.*—XII.—Иностранное обозрѣніе.—Вопросъ о мирѣ и военныя дѣйствія.—Положеніе дѣлъ на театрѣ войны.—Международная коммиссія по поводу инцидента въ Сѣверномъ морѣ и ея заключительныя выводы.—Странныя газетныя сообщенія.—Засѣданія британскаго парламента.—Торговые договоры и русско-германскій протекціонизмъ.—XIII.—Литературное обозрѣніе.—I.—Богдановичъ, Т., Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи.—II. Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ, В. Розенберга и В. Якушкина.—III. Л. Сулержицкій. Въ Америку съ духоборами.—IV. А. Пановъ, Сахалинъ, какъ колонія.—V. Вс. Чешихинъ, Гамерлингъ, характеристика.—*Евг. Л.*—VI. И. Озеровъ, Экономическая Россія.—VII. Сочиненія К. Робертусъ-Ягецова, вып. I.—*В. В.*—VIII. Проф. М. Грушевскій, Очеркъ Исторіи украинскаго народа.—*И. Житецкаго.*—Новыя книги и брошюры,—XIV. Новости иностранной литературы.—I. S Lublinski, «Die Bilanz der Moderne». —II. —Max Dreyer, «Die Siebzehnjährigen», Schauspiel.—*З. В.*—XV.—Изъ общественной хроники.—Высочайшіе манифестъ, рескриптъ и указъ 18-го февраля.—Ожиданія и надежды.—Журналы комитета министровъ объ «исключительныхъ законоположеніяхъ» и о вѣротерпимости.—Пріостановка занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Рабочій вопросъ въ настоящемъ и ближайшемъ прошломъ.—Н. А. Карышевъ и П. О. Бобровскій †.—XVI.—Извѣщенія.—Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона.—XVII.—Библіографическій листокъ—Жизнь и труды М. П. Погодина, Николая Барсукова, кн. XIX.—Рускіе портреты XVIII и XIX столѣтій (1752—1825 гг.).—Кустарное дѣло въ Россіи, кн. Ѳ. С. Голицына, т. I.—XVIII.—Объявленія.—I—IV; I—XII.

Подписка на 1905-й годъ

(Сороковой годъ).

Редакція журнала: Спб., Галерная, 20.—Контора: В. О., 5 лин., 28.
Безъ доставки: на годъ 15 р. 50 к., на полгода 7 р. 75 к., на

четверть 3 р. 90 к. Съ дост. въ Спб.: на годъ 16 р., на полгода 8 р., на четверть 4 р. Съ пересылкою: на годъ 17 р., на полгода 9 р. 8 р., на четверть 5, 4 р. За границей: на годъ 19 р., на полгода 10 р. 9 р., на четверть 5, 4 р.

Издатель и отвѣтственный редакторъ *М. М. Стасюлевичъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

(Двадцать шестой годъ изданія)

на ежемѣсячное литературно-политическое изданіе

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Вышла февральская (вторая) книга. Содержаніе: Высочайшій манифестъ. I. Изгои—*П. Д. Боборыкина.* Окон. II. Петръ Каменциндъ. *Гер. Гессе.* Пер. *Н. К.* продол. III. Люди темные. *Ѳ. Ѳ. Тищенка.* IV. Стих.—*Ив. Бѣлоусова.*—V. Съ рабочимъ поѣздомъ.—*Вл. Ладыженскаго.* VI. На полѣ славы. *Ген. Сенкевича,* перев. *В. М. Л.* продолж. VII. Случайный набросокъ.—*Е. П. Гославскаго.* VIII. Стих.—*А. Ш.* IX. Мобилизація землевладѣнія въ Россіи и его статистика.—*П. И. Лященка* Оконч. Практика и нужды русскаго фабричнаго законодательства.—а. XI. Радій и N-лучи. *А. Л. Лѣтника.* XII. Страница изъ исторіи народ. освобожденія въ Швейцаріи.—*Сергѣя Живаго.* XIII. Символизмъ въ человѣческой мысли и творчествѣ.—*Р. Ю. Виппера.* XIV. Надѣльныя земли въ проектахъ крестьянской реформы.—*А. В. Еропкина.* XV. Условія труда и жизни рабочихъ въ мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ.—*В. И. Лебедева.*—XVI. О положеніи торговыхъ служащихъ—*Ал. Колычева.* XVII. Новыя книги о Некрасовѣ.—Вл. Каллаша. XVIII. Памяти *Е. С. Некрасовой.*—Н. А. *Макшеевой.* XIX. Журнальное обозр. XX. Внутр. Обозр. XXI. Иностр. обозр.—*В. А. Г.* XXII. Современ. искусство.—*Ю. А.* и *М. П. С.* Библіографія. XXIV. Объявленія.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ и А. А. Кизеветтеръ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подп. цѣна съ дост. и	12 м.	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
перес. во всѣ мѣста Рос.	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ годовой цѣны журнала. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцовъ не принимается.

Адресъ редакціи: Москва, Ваганьков. пер. д. Куманина.

Редакторъ-издатель *В. Лавровъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1905 годъ

на ежедневную общественную, политическую и литературную газету

ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ

8-й годъ изданія.

Издается въ Екатеринославѣ *М. С. Копыловымъ*, подъ его временнымъ редакторствомъ, при ближайшемъ участіи *А. Я. Ефимовича.*

Въ газетѣ примутъ участіе:

М. Н. Альбовъ, П. В. Безобразовъ, проф. Д. И. Багалѣй, К. С. Баранцевичъ, Н. В. Быковъ, И. Ф. Василевскій (Буква), В. К. Воскресенскій, Г. Г. Гонтаревъ, Е. Н. Гулькевичъ, Я. С. Гуровичъ, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, Л. Е. Оболенскій, И. Н. Потапенко, С. Ф. Русова, Е. В. Святловскій, В. В. Святловскій, А. С. Синявскій, И. В. Способный, А. Л. Фавицкій, проф. М. Е. Халанскій, В. И. Харціевъ, проф. Л. П. Шепелевичъ, А. С. Шабельская (авторъ «Набросковъ карандашемъ»), проф. Д. И. Эварницкій и др.

Газета будетъ выходить въ размѣрѣ 6 страницъ, въ нѣкоторые дни—8 страницъ, по понедѣльникамъ и послѣ праздничныхъ дней—4 страницы.

Подписная цѣна съ доставкой въ Екатеринославѣ: на годъ 8 р., на 9 мѣс. 6 р. 50 к., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 75 к., на 1 мѣс. 1 р.; съ пересылк. иногор. на годъ 10 р., на 9 мѣс. 8 р. 25 к., на 6 мѣс. 6 р., на 3 мѣс. 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.; за границу: на годъ 18 р., на 9 мѣс. 13 р. 25 к., на 6 мѣс. 10 р., на 3 мѣс. 7 р. 50 к., на 1 мѣс. 2 р. 50 к.

Разсрочка платежа годовой подписной цѣны допускается: для служащихъ—по третямъ, черезъ казначеевъ, а для другихъ лицъ—по соглашенію съ конторою. Взносы по разсрочкѣ производятся гг. иногородними подписчиками: при подпискѣ 4 р., къ 1 апрѣля—3 р., и къ 1 сентября 3 р.; городскими: при подпискѣ—3 р., къ 1 апрѣля—3 р. и къ 1 іюля—2 р.

Подписка принимается только съ перваго числа каждаго мѣсяца.

Отдѣльные номера въ продажѣ по 5 к.

За перемѣну адреса гг. иногородн. подписчики платятъ 40 к., прилагая печатный старый адресъ.

Адресъ редакціи и конторы: Екатеринославъ, Проспектъ, д. Копылова.
ОБЪЯВЛЕНІЯ: за строку петита или ея мѣсто въ 1 столбецъ: на первой страницѣ плата 24 к., послѣ текста—12 к. При многократныхъ объявленіяхъ дѣлается уступка.

Контора открыта: въ будни отъ 8 часовъ утра до 7 час. вечера, въ праздничные дни—отъ 9 час. утра до 2 часовъ дня.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ.

(16-ый годъ изданія)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА"

Въ теченіе 1904 года въ «Русской Школѣ» напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: 1) Французскіе университеты наканунѣ великой революціи. *Луи Ліара*; 2) Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Германіи. *П. Мижуева*; 3) Внѣшкольное образованіе во Франціи. *Н. Гольцевой*; 4) Народное образованіе въ Японіи. *Вл. Щербы*; 5) Записки домашняго учителя. *И. Бѣлозерскаго*; 6) Гимназія 80-хъ годовъ. *М. Сукенникова*; 7) Воспоминанія о К. П. Яновскомъ. *Н. Джемарджидзе*; 8) Педагогическія воззрѣнія Г. И. Успенскаго. *Г. Рокова*; 9) Русскіе писатели и вопросы воспитанія и народнаго образованія. *М. Столярова*; 10) Первый международный школьно-гигіеническій конгрессъ. Проф. *Ир. Скворцова;* 11) Семья и ея задачи. *П. Каптерева;* 12) Педагогическій процессъ. *Его же*; 13) О педагогическихъ съѣздахъ преподавателей среднеучебныхъ заведеній. *Ив. Тихомирова*; 14) О самообразованіи народнаго учителя. *Н. Запанкова*; 15) Учительскіе помощники въ городскихъ училищахъ. *И. Шапошникова*; 16) О повышеніи учительскихъ окладовъ. *Ѳ. П.*; 17) Школьныя попечительства. *К. Филатова*: 18) О значеніи начала общественности въ коммерческой школѣ. *В. Ковалевскаго*; 19) Къ вопросу о реформѣ средней школы. *А. Бѣлецкаго*; 20) Къ вопросу о реформѣ женскихъ гимназій. *П. Заболотскаго*; 21) Къ реформѣ городскихъ по Положенію 1872 г. училищъ *А. Синдѣева*; 22) О хедерахъ. *М. Успенскаго*; 23) Совмѣстное образованіе мальчиковъ и дѣвочекъ въ средней школѣ. *Е. Ковалевскаго*; 24) Народная школа и сельское хозяйство. *И. Мещерскаго*; 25) Воспитательныя задачи начальной школы и дѣйствующая программа. *Ц. Балталона*; 26) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1903-й годъ. *И. Бѣлоконскаго*; 27) Выразительное чтеніе въ средней

школѣ. *П. Варнеке*; 28) Къ вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія. *П. Селиванова*; 29) Прикладное значеніе языкознанія. Проф. *Д. Кудрявскаго*; 30) Введеніе въ методику русскаго языка, какъ учебнаго предмета. *М. Тростникова*; 31) Обученіе грамотѣ. *Его же*; 32) Къ вопросу о преподаваніи Закона Божія въ народныхъ училищахъ. *А. Красева*; 33) Рисованіе и чистописаніе въ народной школѣ. *И. Шапошникова;* 34) Коллективное чтеніе въ начальныхъ школахъ. *О. Павловичъ и Е. Рѣпиной*; 35) Круговая тетрадь. *Т. Лубенца*.

Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ. *Е. Р.*; хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ. *Я. В. Абрамова*; хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей *Х. Д. Алчевской* и *М. Н. Салтыковой*; хроника профессіональнаго образованія. *В. В. Бирюковича* и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе *пятнадцати* печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—*семь* руб., съ доставкою—*7* руб. *50* коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—*восемь* руб.; за границу—*девять* руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за *шесть* руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Журналъ «Р. Ш» допущенъ Ученымъ Комитет. Мин. Нар. Просв. къ выпискѣ для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Золотая медаль на международной выставкѣ «Дѣтскій міръ» въ 1904 году.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ*

Редакторъ *Л. Л. Гуревичъ*.

3—3

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Кіевская Старина" будетъ выходить въ 1905 г. по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ 1-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 14 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ" на 1905 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками, **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина"**, Троицкая площ., Народный домъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Кіевской Старины" (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за годы 1883. 1884, 1885, 1887. 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901 и 1902 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по 1 р.

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

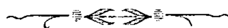
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ LXXXIX

1905 г.

АПРѢЛЬ.



КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.